

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

**Сборник научных трудов III ежегодной Всероссийской
научно-практической конференции
1 ноября 2018 г.**

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2019

ISBN 978-5-9694-0739-8

Москва
2019

ББК 67.411

У26

Рецензенты:

*врио заместителя начальника ФГКУ «ВНИИ МВД России»
по научной работе – начальник НИЦ № 1 доктор юридических наук,
профессор С. А. Невский; старший эксперт 2-го отдела
УОГЗ МВД России, кандидат юридических наук О. С. Ерохина*

У26 *Уголовное судопроизводство: стратегия развития* : сборник научных трудов III ежегодной Всероссийской научно-практической конференции / под ред. О. В. Химичевой. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. – 232 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : СUP 1,5 ГЦ ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске. ISBN 978-5-9694-0739-8

В сборнике представлены научные труды участников III ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 1 ноября 2018 года в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя. На конференции обсуждались актуальные проблемы современного уголовного судопроизводства, концептуальные подходы к реформированию как уголовного процесса в целом, так и его отдельных положений. В частности, состоялась научная дискуссия по следующим вопросам: обеспечение прав и свобод отдельных участников уголовного судопроизводства, использование цифровых технологий в современном уголовном процессе, оптимизация производства на стадии возбуждения уголовного дела, проблемы применения мер пресечения, роль прокурора в уголовном судопроизводстве, пересмотр приговоров, вновь созданными апелляционными и кассационными судами и др.

Сборник конференции может оказаться полезным для ученых, преподавателей, курсантов и слушателей юридических образовательных организаций, а также для сотрудников правоохранительных органов и судей, непосредственно применяющих нормы уголовно-процессуального законодательства.

Высказанные участниками конференции предложения по совершенствованию УПК РФ могут быть учтены и в законотворческой деятельности.

ББК 67.411

ISBN 978-5-9694-0739-8

Научное электронное издание

Корректор *Титова В. П.*

Компьютерная верстка *Татариновой О. А.*

13,48 усл.-печ. л.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

<http://www.mosu.mvd.ru>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Ю. Алонцева

**К вопросу об обеспечении прав личности
при производстве следственных действий** 8

И. А. Архипова

**Актуальные вопросы раскрытия и расследования
коррупционных преступлений** 12

А. В. Белавин, А. В. Шаров

**Отдельные вопросы доказывания происхождения
текстовых компьютерных файлов** 16

Е. В. Великая

**К вопросу о возможности прекращения уголовных дел
о коррупционных преступлениях
в связи с применением судебного штрафа** 19

Ву Зуи Линь

**Обязанности и ответственность потерпевшего
в уголовном судопроизводстве Вьетнама** 22

С. С. Галахов

**Проблемы уголовно-процессуального регулирования использования
в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности** 26

М. В. Галдин

**Обязательность судебного разрешения
на осмотр жилища в уголовном судопроизводстве** 32

С. И. Гейко, О. В. Химичева

**Дознание в отечественном
уголовном судопроизводстве: историко-правовой аспект** 37

С. А. Грачев

**К вопросу о необходимости нормативного закрепления
системы источников российского уголовно-процессуального права** 42

С. В. Гурдин, Т. Е. Кукало

О некоторых проблемах доказывания в уголовном судопроизводстве 47

И. В. Дворянсков, Е. Е. Панфилов

**Проблемы исполнения домашнего ареста
и запрета определенных действий в отношении несовершеннолетних** 55

<i>Н. Ю. Емельянова</i>	
К вопросу о представительстве потерпевшего.....	59
<i>Е. А. Загрядская</i>	
К вопросу об оптимизации уголовно-процессуальной деятельности следователя в условиях риска.....	64
<i>А. Н. Заливин, А. П. Рыжаков</i>	
Избрание новой меры пресечения – запрет определенных действий в досудебном производстве.....	66
<i>Н. А. Золотухин</i>	
Вопросы, разрешаемые следователем при ознакомлении участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела	71
<i>Л. С. Золочевская</i>	
Уведомление близких родственников, родственников или близких лиц о задержании подозреваемого (тезисы).....	76
<i>Д. А. Иванов</i>	
Прокурорский надзор за деятельностью следователя и дознавателя по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, на этапе окончания предварительного расследования.....	78
<i>Л. В. Кокорева</i>	
Мотивы задержания подозреваемого: некоторые теоретические и практические проблемы.....	82
<i>И. Н. Кондрат</i>	
О некоторых проблемах обеспечения гражданского иска в уголовном судопроизводстве	85
<i>К. А. Костенко</i>	
Актуальные проблемы совершенствования УПК РФ в современных условиях.....	89
<i>С. С. Крипиневич</i>	
Правовые аспекты процессуальной деятельности на этапе подготовки к судебному заседанию	93
<i>Ле Куанг Вьет</i>	
Доказывание при привлечении лица в качестве обвиняемого в уголовно-процессуальном праве Вьетнама.....	97

К. А. Мальцев

**Обеспечение прав и законных интересов личности
при производстве дознания** 103

О. В. Мичурина, В. В. Миронов

**Особенности доказывания
при производстве неотложных следственных действий** 107

А. А. Мишенина

Развитие норм уголовно-процессуального права..... 111

Т. А. Морозова

К вопросу о внутреннем убеждении в уголовном процессе 116

А. Б. Назарова, С. А. Копыткин

К вопросу о содержании стадии исполнения приговора..... 120

П. О. Панфилов

**Запрет на заключение под стражу
в отношении «предпринимателей»: причины неэффективности** 124

И. А. Попов

**Особенности собирания, процессуального оформления
и проверки доказательств** 131

Л. А. Пупышева

**Синдром «заочного» рассмотрения дел о замене наказания
и отмене условного осуждения, меры к его устранению**..... 137

Ю. В. Родионова

**Различия и сходство применения домашнего ареста
и запрета определенных действий** 141

А. А. Рыбак

**Об обстоятельствах, исключающих гласность
судебного разбирательства** 144

Т. Ю. Сабельфельд

**Стадия возбуждения уголовного дела о преступлениях,
предусмотренных ст. 145.1 УК РФ** 149

В. А. Саморока, Л. Р. Абдрахманова

**Поиск цифровых артефактов при производстве
компьютерных экспертиз в устройствах интернет-вещей** 154

Е. В. Семенкова

К вопросу о возбуждении уголовного дела в отношении лица, страдающего психическим расстройством 159

А. Ю. Синдеев

Проблемы процессуальных решений прокурора в стадии возбуждения уголовного дела..... 163

М. В. Смирнов

Пределы ограничения права на свободу и личную неприкосновенность при производстве освидетельствования..... 168

П. М. Стольников

Процессуальное решение следователя как форма выражения его процессуального усмотрения 174

А. А. Сумин, А. Ю. Петрунина

Процессуальные особенности расследования мошенничества в сфере компьютерной информации 177

И. Б. Тутынин

О необходимости применения денежного взыскания как меры процессуального принуждения к лицам, в отношении которых осуществляется уголовное преследование..... 184

А. В. Угольников

Установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в ходе производства освидетельствования 187

Н. В. Угольникова, Н. В. Григорьева

Актуальные вопросы участия государственного обвинителя в суде первой инстанции 190

П. В. Фадеев

Оказание правовой помощи личности государственными органами уголовного судопроизводства 196

В. Н. Чаплыгина, А. Н. Калюжный

Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе..... 202

С. В. Черников

Экзгумация – следственное действие..... 208

Я. А. Шараева, О. Г. Тарнаков

**Проблемы производства освидетельствования
при проверке сообщения о преступлении 212**

И. В. Шепелин

**Генезис и развитие института отвода судьи
в российском уголовном судопроизводстве 215**

А. А. Шишков

**Институт привлечения в качестве обвиняемого: прошлое,
настоящее, будущее 220**

В. В. Шишов

**Особенности окончания предварительного расследования
при прекращении уголовного дела
в связи с назначением судебного штрафа 228**

Е. Ю. Алонцева¹,

доцент кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства – одна из основных и важнейших задач уголовного судопроизводства. Обеспечение прав личности в уголовном судопроизводстве, признаваемых законодателем, является комплексом деятельности различных субъектов уголовного судопроизводства и связано с их уголовно-процессуальной деятельностью. Одним из направлений деятельности должностных лиц в ходе расследования является выполнение следственных действий. Должностные лица уголовного судопроизводства, являясь субъектами соответствующих правоотношений и наделенные в соответствии с законом процессуальным статусом соответствующих субъектов (следователь, дознаватель), реализуют свои полномочия по обеспечению прав опосредованно, выполняя определенные в законе общие правила производства следственных действий, и другими средствами и способами обеспечивая возможность использования тех процессуальных прав, которыми наделены субъекты или участники уголовного судопроизводства. В связи с этим они, выполняя свои полномочия, реализуют положения императивных норм уголовно-процессуального закона, в которых закреплены требования о защите и охране прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство (ст. 11 УПК РФ).

Производство всех следственных действий по уголовному делу связано с выполнением требований, установленных Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законом.

Общепринятым является мнение, в соответствии с которым конституционные права и свободы – это строго перечисленные в Конституции Российской Федерации и обеспеченные государством возможности, разрешающие каждому человеку и гражданину свободно, самостоятельно и независимо выбирать вид, меру и возможную границу своего поведения, создавать и пользоваться предоставленными ему социальными благами как в личных интересах, так и в интересах

---

¹ © Алонцева Е. Ю., 2019.

общества¹. Важно отметить, что в общей теории права также существует понятие личных прав. К ним относят: право на жизнь, свободу, достоинство, личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, жилища, право на уважение, защиту чести и достоинства, свободу передвижения, свободу выбора национальности и языка общения².

Бесспорно, что личные права являются частью конституционных прав, и все права в целом взаимосвязаны. Кроме того, понятие прав неразрывно связано и с понятием свобод человека и гражданина. Производство следственных действий связано с ограничением таких прав и свобод личности, к которым относятся: право на свободу и личную неприкосновенность; право на достоинство; право на неприкосновенность частной жизни и личной тайны; право на недопустимость разглашения и использования информации о частной жизни лица; право на неприкосновенность жилища.

Необходимость ограничения указанных прав возникает только в случаях, строго установленных законом, и связано с необходимостью производства расследования по уголовному делу с целью достижения назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). В связи с этим весьма важное значение приобретает вопрос об обеспечении прав лиц, которые вовлечены в сферу уголовного судопроизводства при производстве следственных действий. Устанавливая основные права личности в Конституции Российской Федерации, законодатель допускает их ограничение только при соблюдении определенных условий и в случаях, установленных в конституционных нормах, либо уголовно-процессуальных нормах. Развитие нашего государства, его законодательный уровень в достаточной степени устанавливают надежные механизмы обеспечения защиты прав и свобод личности. Государство, предоставляя гражданину то или иное право, берет на себя обязанность его обеспечения. В отечественном законодательстве термины «обеспечение прав», «гарантии прав и свобод личности», «правовая защита граждан» используются в одинаковом значении. Для обеспечения прав личности при производстве следственных действий характерно соблюдение основных положений, закрепленных в

---

¹ Воеводин Л. В. Конституционные права и обязанности советских граждан. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 1972. С. 134.

² Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2 томах. М. : Юрид. литер., 1981. Т. 1. С. 259–260.

уголовно-процессуальном законодательстве в виде конституционных принципов уголовно-процессуальной деятельности. Принципы уголовного судопроизводства изложены в гл. 2 УПК РФ. Они оказывают прямое действие на характер и содержание уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих при производстве следственных действий, между следователем, руководителем следственного органа, дознавателем прокурором, судом и иными участниками. Вся совокупность уголовно-процессуальных норм, охватывающих стадию предварительного расследования, обеспечивает надлежащую реализацию конституционных прав и свобод личности. В ходе досудебного производства они надежно охраняемы системой процессуальных гарантий. Что в свою очередь предотвращает возможность их неправомерного ограничения. Процессуальными гарантиями является обязанность должностного лица, ведущего расследование, по соблюдению прав лиц при производстве следственных действий, связанных с определением их процессуального статуса, принятия решения о закреплении и установлении этого статуса, разъяснении прав и обязанностей данным участникам, получение судебного решения и контроль суда за производством следственных действий, требующих судебного решения и наиболее серьезно ограничивающих конституционные права и свободы граждан. Кроме этого сюда необходимо включить закрепленные соответствующими нормами права субъектов, к которым относятся подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец и т. д.

Обеспечение прав и свобод при производстве следственных действий связано с установленным в ст. 7 УПК РФ принципом законности. Предпосылкой существования и юридическим условием обеспечения законности является наличие субъективных прав личности. В свою очередь, определяя фактические и юридические основания, также процедура производства какого-либо следственного действия, порядок его процессуального оформления, удостоверения, уголовно-процессуальный закон устанавливает гарантии законности их производства. Проявлением принципа законности будет являться и правомерность действий следователя при производстве следственного действия. Кроме точного и неуклонного выполнения предписаний закона, определяющих порядок их производства и оформления, должностные лица, осуществляющие предварительное расследование, должны выполнять предписания, прямо указывающие на охрану чести и достоинства личности. Гарантией неразглашения данных о лич-

ной жизни лиц, в отношении которых производятся следственные действия, является непосредственно ст. 161 УПК РФ. Согласно этой статье данные предварительного расследования, касающиеся обстоятельств частной жизни участников следственных действий, могут быть разглашены только по согласованию с ними и если это не противоречит их законным интересам. Полагаем правильным, что согласие о разглашении обстоятельств частной жизни должно быть дано в письменном виде.

В ходе расследования по уголовному делу надзор за исполнением требований, установленных законом, осуществляет прокурор. К обеспечению прав личности при производстве следственных действий относится положение п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, в соответствии с которым прокурор, установив нарушения закона, вправе требовать устранения этих нарушений, допущенных следователем (дознавателем), в порядке, установленном законом. В свою очередь, одним из важнейших средств обеспечения прав личности в ходе досудебного производства также служит судебный контроль за законностью производства указанных следственных действий. Он проявляется не только в получении судебного решения для производства некоторых следственных действий либо в последующей проверке законности его производства, если следственное действие произведено в случаях, не терпящих отлагательства, но и в праве обжалования в суд действий (бездействия) и решений следователя (дознавателя) для защиты основных прав и свобод личности в соответствии со ст. 125 УПК РФ.

В связи с этим полагаем, что уголовно-процессуальные нормы, закрепляющие права и обязанности участников уголовного судопроизводства, принципы уголовного судопроизводства, соблюдение процессуальной формы деятельности участников уголовного судопроизводства, а также прокурорский надзор и судебный контроль, служат гарантиями обеспечения прав личности при производстве следственных действий. В ходе уголовно-процессуальных отношений должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, должны выполнять предписанные законом обязанности и нести ответственность за осуществление и защиту прав и свобод лиц, в отношении которых производятся следственные действия.

И. А. Архипова¹,

*заместитель начальника кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В уголовном законодательстве как самостоятельный вид преступления коррупция отсутствует. Сотрудники правоохранительных органов руководствуются действующим уголовным законодательством в борьбе с такими коррупционными преступлениями, к которым относят помимо должностного взяточничества (ст.ст. 290, 291) легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (ст.ст. 174 и 174–1), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285), превышение должностных полномочий (ст. 286), служебный подлог (ст. 292), халатность (ст. 293), а также некоторые преступления в сфере экономической деятельности, содержащиеся в главах 21, 22 и 23 УК РФ. Под коррупцией понимается в основном взяточничество, однако коррупция как социальное явление более сложное образование, а ее последствия крайне негативно сказываются на самых разных сферах государственной и общественной жизни.

Чаще всего поводами для возбуждения уголовных дел о коррупционной деятельности являются обращения граждан. В подавляющем большинстве это заявления взяточдателей о том, что взятка ими передана в прошлом, либо предмет взятки требуется или вымогается взяточполучателем. Обращения практически во всех случаях оформляются как заявление, а не явка с повинной, поскольку взяточдатель в случае добровольного заявления освобождается от уголовной ответственности на основании примечания к ст. 291 УК РФ и в уголовном процессе имеет правовой статус свидетеля.

В ряде случаев от должностного лица поступает заявление о том, что ему предлагают взятку за выполнение служебного действия. В основном это случаи обращения взяточполучателей, которые, признаваясь в содеянном, полагают избежать ответственности за более тяжкое преступление.

---

¹ © Архипова И. А., 2019.

Значительно реже поводами для возбуждения уголовных дел служат сообщения, полученные из иных источников: учреждений, организаций; средств массовой информации (из статей, заметок и писем, опубликованных в СМИ); из контролирурующих органов с представлением актов проверок и ревизий; из органов дознания, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. По таким сообщениям принявшее их лицо составляет рапорт об обнаружении признаков преступления. Также факты коррупции могут быть выявлены непосредственно следователем, прокурором, судом в процессе расследования и рассмотрения уголовных дел по другим составам преступлений.

Первоначальные совместные действия оперативных служб и органов предварительного следствия, направленные на сбор и закрепление доказательств, способствуют эффективному расследованию преступления. Учитывая сложность доказывания материальных составов, отметим значимость координации совместных действий оперативного и следственного аппарата с момента поступления заявления о совершенном преступлении.

Расследование указанной категории преступлений во многом определяется качеством проведения неотложных следственных действий¹.

Так, очень часто расследование начинается фактически с задержания должностного лица. Тактика задержания обусловлена местом его проведения. В любом случае следует учитывать, что преступление, как правило, не просто маскируется, но и сопровождается мерами безопасности (выставляется охрана, подготавливаются объяснения, меняются место, время и условия встречи, заблаговременно предмету преступления придается законный вид).

Если в материалах уголовного дела содержится информация, что операция по задержанию и соответственно личный и другие обыски планировались заблаговременно, то отсутствие соответствующих судебных решений, разрешающих производство данных следственных действий, будет расценено судом как нарушение уголовно-процессуального закона со всеми вытекающими из этого последствиями.

---

¹ Агафонов В. В., Белавин А. В., Шаров В. В. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях. М.: Московский университет МВД России, 2009. С. 65.

Поэтому при подготовке к задержанию целесообразно заранее получить соответствующие разрешения. В случаях, когда это угрожает утечкой информации, все действия должны быть спланированы и процессуально оформлены так, чтобы лишить сторону защиты оснований для их обжалования.

При этом следователь должен объяснить оперативным сотрудникам, участвующим в производстве по уголовному делу, процессуальный порядок закрепления доказательств, а также указать им на возможные ошибки при сборе и особенно фиксации доказательств. От оперативных, грамотно спланированных действий зависит исход уголовного дела как на стадии предварительного расследования, так и при рассмотрении его по существу в судебной разбирательстве.

Практика расследования уголовных дел о коррупционных проявлениях показывает, что по таким делам практически все значимые процессуальные действия и решения следователя обжалуются. При этом, если жалобы не обоснованы или надуманны, значит, заинтересованные лица стремятся к достижению хотя бы одной из следующих целей: оказать моральное давление на следователя; затянуть расследование, поставив следователя в цейтнот; добиться изменения меры пресечения; получить информацию о состоянии доказательственной базы и следственной перспективе.

Расследование коррупционных преступлений на любом этапе постоянно сопряжено с различными формами противодействия. Чаще всего такое противодействие направлено на дискредитацию работающих по делу сотрудников правоохранительных органов, а равно – результатов их работы. Поэтому крайне важно взаимодействие следователя с оперативными сотрудниками. Его результаты следователь должен учитывать при анализе следственных ситуаций и подготовке к следственным действиям по делам о коррупционных преступлениях.

На основе анализа всех имеющихся материалов следователь определяет последовательность и сроки производства отдельных следственных действий, определяет задачи, которые, по его мнению, должны быть разрешены им в порядке взаимодействия с оперативными службами.

Задержание коррупционера, проведенное в служебном помещении, обычно сразу переходит в обыск такого помещения. Законность такого неотложного обыска обычно не вызывает сомнения, а потому редко обжалуется. Проведение же без судебного разрешения анало-

гичных действий в жилых помещениях недопустимо. Однако практика показывает, что если при получении разрешения на обыск помещений, занимаемых или используемых должностными лицами «нижнего звена», сложностей, как правило, не возникает, то в случаях с высокопоставленными подозреваемыми и обвиняемыми они могут возникнуть.

В некоторых случаях в тактических соображениях бесполезно проводить неотложные следственные действия, например, в выходные дни или даже в вечернее время (либо незамедлительно после получения информации). Разумеется, все это должно быть обусловлено вескими причинами.

При производстве обысков по делам о коррупционных преступлениях, а также в процессе выполнения других следственных действий важно обращать внимание на необходимость получения данных, характеризующих должностное положение конкретного лица, важность осуществляемых им служебных функций и даже сведений, характеризующих организацию, где работает виновный, и ее структурные подразделения.

Практика показывает, что эффективность раскрытия и расследования коррупционных преступлений во многом определяется четкой организацией и тактикой проведения оперативно-разыскных мероприятий и первоначальных проверочных действий, направленных на выявление и закрепление фактических данных – следов преступной деятельности, отражающих способы действий преступников и обстоятельства совершения ими коррупционных посягательств.

А. В. Белавин¹,

*заместитель начальника кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;*

А. В. Шаров²,

*начальник кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТЕКСТОВЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ФАЙЛОВ

Современное расследование уголовных дел, особенно связанных с хищениями с использованием компьютерной техники, не обходится без обнаружения, фиксации и изъятия различных текстовых компьютерных файлов. Такие файлы используются в доказывании по уголовным делам фактов составления, хранения, копирования указанных документов в целях совершения преступления. При этом в уголовном деле размещаются так называемые «твердые копии» – распечатанный на бумаге текст.

Как правило, при себе преступники хранят различные текстовые файлы на съемных носителях информации, что лишает возможности в случае изъятия и отсутствия специального оборудования просмотреть файлы и изготовить их «твердую копию». Однако при производстве осмотра изъятого съемного носителя в протоколе указывается на наличие такого файла и в качестве приложения приобщается его бумажная копия.

Для установления автора изучаемого текста (файла) зачастую осматривают накопитель на жестком магнитном диске компьютера с целью поиска определенного файла или в этих же целях назначают соответствующую компьютерно-техническую экспертизу. В последнем случае срок производства предварительного расследования значительно увеличивается. Вместе с тем, необходимо быстро установить идентичность соответствующих файлов, которые содержатся на изъятом съемном носителе и на жестком диске компьютера. Здесь, как представляется, необходимо предложить два пути решения по-

---

¹ © Белавин А. В., 2019

² © Шаров А. В., 2019.

ставленного вопроса: с одной стороны, сравнению подвергнуть явные признаки файла, такие как имя, дату создания, время создания, размер и т. д. С другой – попытаться использовать в идентификации такой сугубо компьютерно-технический признак файла, как контрольная сумма.

Известно, что как исследование криминалистическая идентификация представляет собой «... систему действий, выполняемых в определенной последовательности, направленных на установление единичного конкретного (искомого) объекта, имеющего отношение к преступлению»¹. Процесс идентификации происходит по идентификационным признакам², среди которых можно назвать форму, размер, материал предмета и т. д.

Указанных признаков фактически лишены компьютерные файлы, хотя по своей природе они также материальны. Компьютерные файлы, представляющие собой набор компьютерной информации, имеют определенные признаки (свойства), по которым их можно сравнить. К ним относят: имя и тип (расширение) файла, дату и время создания, размер (объем) и другие. Сам текст файлов по содержанию можно сравнить, например, с помощью встроенной функции «Сравнить» текстового редактора Майкрософт Ворд и проанализировать полученный результат.

Указанные признаки файла неустойчивы, поскольку при необходимости указанные реквизиты можно умышленно изменить. Кроме того, всякое изменение места положения файла (копирование) ведет к изменению пути его расположения, что также не может свидетельствовать о его идентичности с исследуемым файлом. И наоборот, файлу можно присвоить любые реквизиты, например, с помощью файлового менеджера Тотал Коммандер, а затем «подогнать» размер файла под необходимые требования. Все указанное делает ничтожными попытки сравнения двух «одинаковых» на первый взгляд текстовых файлов, следовательно, лишает возможности установления относимости файла к преступлению. В итоге мы имеем два идентичных текста документов, распечатанные на бумаге из разных по наименованию, дате и времени создания и изменения, местоположе-

---

¹ Криминалистика. Углубленный курс : учебник / под общ. ред. проф. А. Г. Филиппова. М. : ДГСМ МВД России, 2012. С. 24.

² Архипова И. А. Методика расследования сбыта имущества, добытого преступным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 12.

нию и размеру и т. д. файлов. Вряд ли здесь при таких обстоятельствах можно говорить об идентичности двух файлов.

Второй путь – сравнение контрольных сумм двух файлов в целях идентификации. Контрольная сумма (Хэш-сумма, иногда – контрольное число) – «... это некоторое значение, рассчитанное по набору данных путем применения определенного алгоритма и используемое для проверки целостности данных при их передаче и хранении... и могут быть использоваться для сравнения двух наборов данных на неэквивалентность...»¹. При передаче и хранении файлов сравниваются их контрольные суммы, после чего обнаруживается наличие или отсутствие ошибок передачи и хранения. То есть сравниваются два математических выражения, являющиеся результатом специального вычисления (Хэш-функции). При всяком изменении файла как по содержанию, так и по иным реквизитам система будет вычислять разные контрольные суммы, вследствие чего файлы нельзя признать идентичными.

Однако и здесь кроется некоторое противоречие: в случае малейшего редактирования текстового файла (например, удаления лишнего пробела между двумя словами) и его сохранения, даже при фальсификации иных указанных выше реквизитов, контрольная сумма будет иная.

В итоге имеется два документа, распечатанные на бумаге, тексты которых совпадают (вплоть до знака препинания), однако различаются по контрольным суммам, то есть в «компьютерном» смысле файлы разные. Такие документы также нельзя признать идентичными. Ни в одном из изученных нами уголовных дел за последние пять лет нет упоминания о сравнении контрольных сумм файлов с целью идентификации последних.

Представляется, что поставленный вопрос в течение ближайшего времени может приобрести характер основного вопроса в доказывании использования определенных файлов при совершении преступлений. В частности, предусмотренных ст. 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ».

---

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 03.05.2018).

Е. В. Великая¹,
старший научный сотрудник
Университета прокуратуры
Российской Федерации

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СВЯЗИ С ПРИМЕНЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» была введена такая мера уголовно-правового характера, как судебный штраф. УК РФ был дополнен ст. 76.2, предусматривающей основания освобождения от уголовной ответственности в связи с применением с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, в свою очередь УПК РФ – ст. 25.1 и гл. 51.1, регламентирующими порядок и последствия прекращения судом уголовного дела (уголовного преследования) с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Внесение таких изменений было направлено на гуманизацию и либерализацию уголовного законодательства Российской Федерации, сокращение числа лиц, имеющих судимость. Как следует из статистических данных Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации, большая часть лиц осуждается за совершение преступлений небольшой и средней тяжести.

Согласно ч. 1 ст. 104⁴ УК РФ судебный штраф представляет собой денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случае совершения им впервые преступления небольшой или средней тяжести, если возмещен ущерб или иным образом заглажен причиненный преступлением вред. При этом лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности, а применение судебного штрафа не влечет судимости. В то же время такое решение суда не является реабилитирующим, т. е. оно не свидетельствует о невиновности лица и не влечет за собой признание за ним права на реабилитацию.

---

¹ © Великая Е. В., 2019.

Следует отметить, что введение указанной меры вызвало множество вопросов как в правоприменительной практике, так и в теории. Эти вопросы, на наш взгляд, вызваны недостаточной законодательной (правовой) регламентацией данного института.

К таким вопросам можно, например, отнести следующие:

– как определить соблюдение условия о возмещении подозреваемым, обвиняемым или подсудимым ущерба или иным образом заглаживании причиненного преступлением вреда по уголовным делам, где отсутствует ущерб, причиненный конкретному лицу (например сбыт наркотических средств, дача взятки и т. д.);

– возможно ли применение судебного штрафа в случае совершения неоконченного преступления;

– возможно ли применение судебного штрафа в случае совершения преступления, которым наносится вред двум объектам: к примеру, ст.ст. 318, 319 УК РФ, где с одной стороны, происходит посягательство на конкретное лицо, а с другой – нарушается нормальная деятельность органов государственной власти.

И это далеко не исчерпывающий перечень возникающих на практике вопросов. Остановимся на вопросе о возможности прекращения уголовных дел о коррупционных преступлениях и соответственно освобождении лиц, обвиняемых в совершении преступления, от уголовной ответственности.

Как представляется, актуальность данной темы обусловлена тем, что коррупция проникла во все важнейшие сферы жизни российского общества: в сельское хозяйство, строительство, оборону, науку, ЖКХ. При том они наносят государству не только огромный материальный ущерб, но и представляют большую общественную опасность, так как посягают на интересы государственной и муниципальной службы, экономику, правосудие, при этом подрывается авторитет власти, в связи с тем, что такие преступления совершаются должностными лицами с использованием своих служебных полномочий в корыстных целях для личного обогащения.

Обращает на себя внимание тот факт, что институт судебного штрафа получил свое распространение, в том числе применительно к коррупционным преступлениям. Так, в 2017 г. суды признали виновными в совершении коррупционных преступлений 12 168 лиц, в то же время ими было принято решение о прекращении уголовного дела и назначении судебного штрафа в отношении 516 лиц, в первом полу-

годии 2018 г. осуждено 5702 лица, а решение о применении судебного штрафа принято уже в отношении 389 лиц.

При этом необходимо учитывать, что объект посягательства по преступлениям коррупционной направленности различен, в отдельных случаях они посягают одновременно и на интересы государства, и на интересы физического лица (к примеру, мошенничество), в других – конкретный потерпевший отсутствует (например, при даче взятки).

Все это формирует неоднозначную судебную практику при рассмотрении ходатайств о применении судебного штрафа.

Как представляется, вопросы, связанные с возможностью прекращения уголовных дел о коррупционных преступлениях в связи с применением судебного штрафа, требуют дополнительного разъяснения.

Необходимо принимать во внимание, что действия виновных посягают в первую очередь на публичные интересы, интересы государства.

Не совсем понятно, каким образом можно восстановить нарушенные интересы общества и государства, при таких обстоятельствах принятие решение о назначении судебного штрафа затруднительно, так как отсутствует строго формальное условие: возмещение ущерба или заглаживание причиненного вреда иным образом.

Не случайно в подобных случаях государственный обвинитель возражает против прекращения уголовного дела на основании ст. 76² УК РФ.

В то же время важно отметить, что не исключены ситуации, когда люди осуждаются за взятку в сумму 500 или 1000 рублей. Да, это мелкое взяточничество, наказание за которое не столь строгое, но именно при решении вопроса о том, что делать – прекратить уголовное дело и применить судебный штраф или же признать лицо виновным и назначить наказание – необходимо учитывать, что наказание, как известно, применяется уголовным законом в целях решения триединой задачи: восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Ву Зуй Линь¹,
адъюнкт Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОБЯЗАННОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ВЬЕТНАМА

Потерпевший является одним из ключевых участников уголовного судопроизводства не только в Социалистической Республике Вьетнам. Статьей 62 УПК СРВ регламентировано, что потерпевший является одним из «лиц, участвующих в уголовно-процессуальной деятельности».

Согласно ч. 1 ст. 62 УПК СРВ потерпевший – физическое лицо, которому преступлением непосредственно причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения или угрозы причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

В настоящей статье затронем вопросы обязанностей и ответственности потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

Согласно ч. 4 ст. 62 УПК СРВ потерпевший не вправе уклоняться от явки по вызову следователя, прокурора и суда. В случае неявки потерпевшего по вызову без уважительных причин он может быть подвергнут принудительному приводу. Кроме того, согласно ст. 62 УПК СРВ потерпевший должен исполнить решение, требование лиц и органов, обладающих полномочиями проведения уголовно-процессуальной деятельности.

Статья 42 УПК РФ предусматривает уголовную ответственность потерпевшего за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. В УПК СРВ отсутствуют данные положения, что, по нашему мнению, является пробелом в законодательстве СРВ, так как:

во-первых, в практике расследования уголовных дел в СРВ встречаются ситуации, когда потерпевшие дают ложные показания. Данная практика существенно влияет на результаты расследования уголовного дела, его рассмотрение и разрешение в суде.

Например, в мае 2018 г. следственный орган района Тхань Хе получил заявление от гражданки Т. о том, что в отношении нее гражданка Р. совершала мошеннические действия. При рассмотрении данного заявления следственный орган района Тхань Хе установил, что в

---

¹ © Ву Зуй Линь, 2019.

период с 5 сентября 2013 г. по 14 марта 2014 г. Р. путем обмана завладела суммой в размере 415 млн VND, принадлежавшей гражданке Т. Следователем было вынесено постановление о возбуждении уголовного дела и постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого за «мошенничество» по ч. 3 ст. 174 УК СРВ. Однако в судебном заседании суда первой инстанции Т. дала показания о том, что сумма ущерба, который Р. причинила, составляет 1 млрд VND, а не 415 млн VND. В этой ситуации очевидно, что Т. дает заведомо ложные показания¹.

Рассматривая данную ситуацию, можно сказать о том, что размер и вид наказания зависит от суммы имущественного вреда, причиненного преступлением, поэтому если сумма ущерба составила только 415 миллионов VND, то в соответствии с ч. 3 ст. 174 УК СРВ деяние наказывается лишением свободы на срок с семи до 15 лет; в случае причинения ущерба в 1 млрд – то в соответствии с ч. 4 ст. 174 УК СРВ деяние наказывается лишением свободы на срок с 12 до 20 лет).

Кроме того, УПК СРВ не предусматривает порядка признания лица потерпевшим. Этот статус лицо приобретает с момента его вызова следователем или вынесения постановления прокурором, решением суда и т. д. В случае если потерпевший дает ложные показания, возникает вопрос: должен ли потерпевший нести уголовную ответственность за это?

Практика в уголовном судопроизводстве СРВ также показывает много случаев, когда «потерпевшие» дают ложные показания, что влечет за собой последствия для невиновных лиц либо несоразмерную степень наказания.

Например, 15 ноября 2016 г. в полицию города Да Нанг поступило заявление от гражданки А. о том, что М. изнасиловал ее ночью 13 ноября 2016 г. Согласно ее заявлению гражданка А. пригласила к себе домой своего знакомого М., который совершил с ней половое сношение с применением насилия. После получения заявления следственный орган осуществил некоторые следственные действия (осмотр места происшествия, допрос потерпевшей и подозреваемого М., назначение судебной экспертизы). В ходе допроса М. категорически отрицал свою вину. 17 ноября 2016 г. следственный орган города

---

¹ URL: <http://cand.com.vn/Phap-luat/Khai-bao-gian-doi-co-the-cau-thanh-toi-pham-344>.

Да Нанг вынес постановление о возбуждении уголовного дела № 563/РС45 по ч. 1 ст. 141 УК СРВ «изнасилование» в отношении М. Далее, 20 декабря 2016 г. Народный суд города Да Нанг вынес приговор, по которому М. получил наказание в виде четырех лет лишения свободы¹. Однако М. обжаловал вынесенный в отношении него приговор. В мае 2018 г. А. признала, что М. не изнасиловал ее, было добровольное половое сношение между ними, после чего между ними произошел конфликт и А. захотела отомстить М., поэтому обратилась с заявлением в полицию города Да Нанг.

При изучении данного обстоятельства возникает вопрос: должны ли потерпевший нести уголовную ответственность за заведомо ложный донос? Если да, тогда по какой статье УК СРВ?

во-вторых, согласно ч. 2 ст. 42 УПК РФ для потерпевшего дача показаний является как и обязанностью, так и правом. Потерпевший может понести уголовную ответственность за отказ от дачи показаний (ст. 308 УК РФ). Однако необходимо отметить, что в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации потерпевший имеет «свидетельский иммунитет», т. е. он вправе отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и родителей, детей, усыновителя, усыновленных, родных братьев и сестер, дедушки, бабушки. При согласии потерпевшего дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний.

Между тем согласно положениям УПК СРВ дача показаний для потерпевшего является его правом, а не обязанностью. Анализируя обязанности и ответственность потерпевшего в уголовном судопроизводстве, мы полагаем, что необходимо включить норму, содержащую предупреждение потерпевшего об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний по ст. 383 УК СРВ, за исключением обстоятельств, которые охватывает «свидетельский иммунитет».

Итак, с целью совершенствования уголовно-процессуального закона СРВ о правовом положении потерпевшего считаем, что необходимо дополнить в УПК СРВ следующего содержания:

– пункт «с» ч. 4 ст. 62 УПК СРВ:

---

¹ URL: https://dantri.com.vn/phap-luat/ba-me-2-con-bi-ke-dao-vao-co-hiep-dam-2-lan-201706241530214_62.htm.

«с. давать заведомо ложные показания, в случае если потерпевший дает заведомо ложные показания, то он несет ответственность в соответствии со ст. 382 Уголовного кодекса»;

– п. «d» ч. 4 ст. 62 УПК СРВ:

«d. отказываться от дачи показаний, в случае отказа от дачи показаний потерпевший несет уголовную ответственность в соответствии со ст. 383 Уголовного кодекса».

Кроме того, в целях совершенствования положений законодательства о потерпевшем полагаем внести изменение в УК СРВ следующего содержания:

– в ч. 1 ст. 382 УК СРВ:

«1. В случае если свидетель, потерпевший, эксперт, сотрудник, определяющий стоимость имущества, переводчик либо адвокат дают заведомо ложные показания, либо дают заведомо ложные заключение или заведомо ложно составляют документы, – наказываются исправительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на срок с трех месяцев до одного года»;

– в ч. 1 ст. 383 УК СРВ:

«1. Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний; уклонение эксперта, работника, определяющий стоимости имущества и переводчика осуществлять свои обязанности, либо предоставлять материалы без уважительных причин – наказываются исправительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на срок с трех месяцев до одного года».

С. С. Галахов¹,

главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем оперативно-разыскной деятельности

Центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях

УИС ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ДОКАЗЫВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ученые, специализирующиеся в разработке научных основ оперативно-разыскной деятельности, давно признали, что она имеет «четко выраженную правовую основу». Эта классическая фраза одного из основоположников теории оперативно-разыскной деятельности Д. В. Гребельского впоследствии нашла отражение и дальнейшее развитие в соответствующих статьях Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности». По его глубокому убеждению, «уголовно-процессуальный закон определяет государственную необходимость и целесообразность осуществления оперативно-разыскных мер в целях обнаружения признаков преступлений и лиц, их совершивших, а также для принятия всех необходимых мер по предупреждению и пресечению преступлений»². Его суждения были поддержаны в трудах ряда других ученых³, а в открытых учебниках по оператив-

---

¹ © Галахов С. С., 2019.

² Гребельский Д. В. Правовая основа оперативно-разыскной деятельности советской милиции // Соц. Законность. – 1974. – № 3. – С. 55.

³ Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-разыскной деятельности : монография. М. : Проспект, 2009 ; Земскова А. В. Правовые проблемы использования оперативно-разыскных мероприятий в уголовно-процессуальном доказывании. Волгоград : Волгоградский юридический институт МВД России, 2000. С. 18 ; Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскное право: иллюзия или реальность // Правоведение. – 1994. – № 4. – С. 44–51.

но-разыскной деятельности эту отрасль права предложили называть оперативно-процессуальным¹.

В связи с этим целесообразно вспомнить, что до принятия закона Российской Федерации «Об оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации» в 1992 г. считалось, что ст. 118 УПК РСФСР является основанием для обоснования с правовой точки зрения осуществления оперативно-разыскной деятельности (при этом имелось в виду негласное осуществление оперативно-разыскной деятельности). Вместе с тем, такой подход к уголовно-процессуальному законодательству сохранился и после принятия Закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (1992 г.). Авторы комментария к нему относят нормы уголовно-процессуального законодательства к правовой основе регулирования оперативно-разыскной деятельности². Авторы другого комментария более категоричны в своих суждениях, они напрямую связывают «право органов внутренних дел на оперативно-разыскную деятельность» с нормами ст. 118 УПК РСФСР³.

Эта точка зрения не претерпела изменений у ряда авторов и после принятия Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴. Поддерживая ее, К. В. Сурков однозначно высказывается, «что уголовный процесс продолжает занимать главенствующее положение по отношению к оперативно-разыскной деятельности». Причем позиция автора тем более непонятна, поскольку несколькими строчками выше он делает совершенно справедливый вывод о том, что принятие закона об оперативно-разыскной деятельности «изменило роль уголовно-процессуального законодательства ... оно из основного законодательного источника этого вида правоохранительной

---

¹ Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. для вузов / под ред. В. Б. Рушайло. 4-е изд. СПб. : Лань, 2002. С. 5 ; Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М. : ИНФРА-М, 2014. С. 88–94.

² Закон об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: Комментарий / под ред. А. Ю. Шумилова. М. : Юрид. лит., 1994. С. 34–35.

³ Комментарий закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» / под ред. Е. А. Абрамова. М. : Академия МВД России, 1994. С. 20; Научно-практический комментарий закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации». М. : Академия МВД России, 1993. С. 32.

⁴ Шумилов А. Ю. Новый оперативно-розыскной закон России : учебно-практическое пособие. М. : Фирма АВС, 1997. С. 3.

деятельности превратилось в свод положений, призванных обеспечить максимально эффективное использование результатов оперативно-разыскной деятельности»¹.

Такое отношение к нормам уголовно-процессуального законодательства, на наш взгляд, верно лишь отчасти. Анализ положений, закрепленных в ст.ст. 117, 118, 119 УПК РСФСР, показывает, что к органам дознания УПК РСФСР относил не только органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, но и иные органы, в чью компетенцию входило производство дознания (командиры воинских частей, начальники зимовок и капитаны морских судов, органы пожарного надзора). То есть законодатель имел в виду не то, что на протяжении многих лет пытались доказать ученые в области оперативно-разыскной деятельности – право на проведение негласных оперативно-розыскных мероприятий в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, а не обязанность органов дознания по быстрому раскрытию совершенных преступлений и розыску лиц, их совершивших, с применением в этих целях мер, предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

В настоящее время особое значение приобретает вопрос об использовании полученных оперативным путем материалов (на законном основании, при соблюдении необходимых условий) в сфере уголовного судопроизводства. Здесь уместно напомнить, что ст. 89 УПК РФ («Использование в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности») запрещает использование таких результатов в процессе доказывания, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Анализируя приведенную норму, следует отметить, что несмотря на свою лаконичность, она содержит труднопреодолимое внутреннее противоречие. Очевидно, что результаты оперативно-разыскной деятельности – это сведения, которые получены при проведении оперативно-разыскных мероприятий с соблюдением требований законодательства, но не в рамках уголовного процесса. Следовательно, на момент принятия решения об использовании таких результатов они еще не преобразованы в доказательства и, таким образом, в принципе не могут соответствовать требованиям,

---

¹ Сурков К. В. Оперативно-розыскное законодательство России: Пути совершенствования и развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : ВНИИ МВД России, 1997. С. 32, 33.

предъявляемым к доказательствам в соответствии с нормами УПК РФ.

Представляется, что снять это противоречие можно только путем внесения изменений в ст. 89 УПК РФ, например, изложив ее в той редакции, которая была предложена на этапе разработки проекта УПК РФ. Первоначально предполагалось, что «результаты оперативно-разыскной деятельности, полученные при соблюдении требований Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» могут использоваться в соответствии с положениями настоящего Кодекса, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств»¹. Как видим, норма носила поощрительный характер, активно побуждала органы дознания, следователей использовать результаты оперативно-разыскной деятельности в процессе доказывания, не оставляла ни малейшего сомнения в том, что материалы оперативно-разыскной деятельности, представленные по правилам ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», могут приобрести значение доказательств.

Необходимо отметить, что настоящая проблема в правовом регулировании деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел не нова и имеет ряд решений. Так, например, В. В. Тарасюк предлагает принять ряд новых норм в уголовно-процессуальном законодательстве, суть которых сводится к тому, что в качестве доказательств по уголовным делам должны быть признаны любые фактические данные, имеющие к ним отношение и полученные в результате проведения негласных оперативно-разыскных мероприятий, без расшифровки методов, приемов, способов, источников получения данных доказательств, но с обязательной проверкой таких доказательств путем проведения соответствующих следственных действий (например, назначение криминалистических экспертиз)².

Мы согласны с данной постановкой вопроса, но только в содержательной части. По нашему мнению, вопросы использования фактических данных, негласно полученные оперативными сотрудниками, должны решаться в рамках специального ведомственного нормативного правового акта. Такого же мнения придерживаются 60 % ре-

---

¹ Земскова А. В. Практика использования технических средств в борьбе с преступностью за рубежом // Вестник МВД России. – 2000. – № 4–5. – С. 140.

² Тарасюк В. В. Правовые организационные и тактические вопросы осуществления разведывательного поиска оперативно-поисковыми подразделениями органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 85.

спондентов из числа опрошенных руководителей оперативных подразделений, остальные 40 % считают, что необходимо внести ряд дополнений в действующий ведомственный нормативный акт, регламентирующий осуществление оперативно-разыскной деятельности ее субъектами в России.

Однако если обратиться к нормам действующего УПК РФ, то в его ч. 1 ст. 2 (Законы, определяющие уголовное судопроизводство) сказано, что УПК РФ устанавливает порядок уголовного судопроизводства, но никак не порядок осуществления оперативно-разыскной деятельности. Иными словами, он регламентирует и является правовой основой для проведения процессуальных действий органа дознания, которые, как известно, осуществляются исключительно гласно. Поэтому ныне действующий уголовно-процессуальный закон формулирует право органа дознания на осуществление оперативно-разыскной деятельности самым общим образом.

В ст. 89 УПК РФ содержится лишь общая норма, запрещающая использование результатов оперативно-разыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам в уголовном судопроизводстве. В главах 10 и 11 УПК РФ, излагающих требования к доказательствам и закрепляющих порядок доказывания, результаты оперативно-разыскной деятельности даже не упоминаются. Более того, в УПК РФ отсутствует ранее существовавший повод для возбуждения уголовного дела – непосредственное обнаружение признаков преступления органами дознания, к числу которых ныне отнесены все органы, уполномоченные на осуществление оперативно-разыскной деятельности (п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ). Основным поводом для возбуждения уголовного дела применительно к реализации результатов оперативно-разыскной деятельности может быть сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из «иных источников» (помимо заявления о преступлении или явки с повинной) и оформленное рапортом. С появлением новой фигуры уголовного процесса – дознавателя порядок прохождения этого документа даже в рамках одного ведомства представляется усложненным, тем более, что дознаватель и оперативный сотрудник как субъект оперативно-разыскной деятельности – теперь понятия несовместимые (ч. 2 ст. 41 УПК РФ).

Таким образом, процедура использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе несколько не упростилась. Возникающие при этом вопросы по-прежнему связаны с разрешением сложной двуединой проблемы – максимально полной

трансформации оперативно-разыскных данных и доказательства эффективной защиты негласных участников оперативно-разыскной деятельности. Сложность процессуального закрепления результатов оперативно-разыскной деятельности нередко является причиной приостановления уголовных дел за неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, хотя фактически они бывают при этом установленными.

Отсутствие в УПК РФ норм, прямо определяющих возможные способы, и субъектов получения процессуально значимой оперативно-разыскной информации ставит под вопрос законность добытых в процессе оперативно-разыскной деятельности сведений, используемых в уголовном процессе. Поэтому четко закрепленный в УПК РФ статус оперативно-разыскных данных как источников доказательственной информации позволил бы, по мнению многих практических работников, вводить ее в уголовный процесс непосредственно «из первых рук».

В связи с этим целесообразно на законодательном уровне определить круг должностных лиц оперативных подразделений, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей по уголовным делам, и условия их допроса, исключающие расшифровку как их личности, так и используемых оперативными подразделениями негласных средств и методов.

УПК РФ предусмотрел ряд мер по обеспечению безопасности свидетелей, потерпевших и других лиц в уголовном судопроизводстве. Для обеспечения безопасности участников оперативно-разыскной деятельности этих мер, однако, недостаточно. В целях защиты сведений о лицах, оказывающих негласное содействие оперативным подразделениям, было бы желательно по примеру западных стран предусмотреть в УПК РФ норму о возможности дачи показаний от имени негласного сотрудника (так называемое свидетельство со слов) должностными лицами оперативных подразделений, непосредственно участвовавшими в организации и обеспечении проведения соответствующих мероприятий.

Таким образом, хотя УПК РФ открыл более широкие возможности использования сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности в борьбе с преступностью, обеспечении безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств, эффективность оперативно-разыскного противодействия криминальным проявлениям во многом сдерживается существенными недостатками уголовно-процессуального законодательства.

М. В. Галдин¹,

*доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации, третий факультет повышения
квалификации (с дислокацией в г. Новосибирск)*

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНОГО РАЗРЕШЕНИЯ НА ОСМОТР ЖИЛИЩА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Право на неприкосновенность жилища охраняется ст. 25 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения. В сфере уголовного судопроизводства проникновение в жилое помещение обусловлено необходимостью производства в нем следственных действий и поглощается их содержанием (ст.ст. 177, 182, 183 УПК РФ).

Осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения (ст. 177 ч. 5 УПК РФ). Если проживающие в жилище лица возражают против осмотра, то следователь возбуждает перед судом ходатайство о производстве осмотра в соответствии со ст. 165 УПК РФ. Сразу отметим, что такое решение суда с учетом разъяснений Конституционного Суда Российской Федерации нужно получать в том числе и до возбуждения уголовного дела при отсутствии согласия на осмотр жилища проживающего лица.

Проникновение в целях производства в жилище следственных действий понимается в традиционном смысле. Согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова, проникнуть означает попасть внутрь, получить доступ, просочиться, прокрасться, вступить на какую-либо территорию, пробраться в глубь какой-либо местности². В то же время на практике не исключено возникновение следующей смоделированной ситуации. Прибыв к ограде частного дома и получив от жильцов возражение на осмотр, следователь, воспользовавшись отсутствием

---

¹ © Галдин М. В., 2019.

² Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940 гг. С. 346.

штор и стоя за пределами домовладения на улице, осмотрел внутреннюю обстановку через оконный проем. Требуется ли судебное разрешение в этом случае?

Давая отрицательный ответ на поставленный вопрос, мы исходим из следующего. В приведенной ситуации действия следователя могли вступить в противоречие с правами жильцов на личную и семейную тайну, а также правом на неприкосновенность их частной жизни (ст.ст. 22 ч. 1, 23 ч. 1 Конституции Российской Федерации). Получение судебного решения для ограничения этих субъективных прав не требуется: согласно действующему правовому регулированию следователь обязан предпринять меры к дальнейшему неразглашению личной, семейной тайны и обстоятельств частной жизни лица без его согласия, которые стали известны в ходе уголовно-процессуальной деятельности (ст.ст. 161 ч. 5, 182 ч. 7 УПК РФ).

Следователь находился снаружи, внутрь дома не проходил и ничего не изымал, хотя это и предусмотрено порядком его производства. При этом жильцы не были лишены возможности осознавать, что любой прохожий по причине отсутствия штор на окнах в состоянии наблюдать внутреннее убранство дома. На наш взгляд, подобное беспечное отношение к реализации своих конституционных прав и непринятие мер к ограничению происходящего внутри жилища от внимания посторонних лиц не в состоянии повлечь признание в действиях следователя нарушений закона.

В оперативно-разыскной деятельности проникновением в жилище следует признавать не только входение, но и размещение в нем специальных технических средств для аудиовизуального наблюдения, временное использование для любых целей жилого помещения в отсутствие его владельца или пользователя жилища и т. п.¹ Как представляется, данный нами ответ об отсутствии необходимости в получении судебного решения не противоречит позиции Конституционного Суда Российской Федерации. В соответствии с ней при проведении оперативно-разыскного мероприятия «наблюдение» (предполагающего при современном уровне развития техники наблюдение за тем, что происходит в жилище гражданина и без проникновения в жилище) конституционное право гражданина на неприкосновенность

---

¹ Конституция Российской Федерации . Доктринальный комментарий (постатейный). 2-е издание, изм. и доп. / рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев ; науч. ред. Ю. И. Скуратов. М. : Статут, 2013 // СПС «КонсультантПлюс».

жилища не может быть ограничено без судебного решения, то есть нельзя проникать в жилище иначе как на основании судебного решения¹. В приведенном примере речь идет об изучении следователем обстановки дома невооруженным взглядом, без использования специальных технических средств. Для осмотра им не предпринимались активные действия к проникновению в жилище без физического вторжения (двери не распахивались, ставни окон не открывались, шторы с гардин не одергивались, отверстия в стенах не высверливались и т. п.).

Кроме того, в отличие от оперативно-разыскной деятельности деятельность должностных лиц в рамках уголовного судопроизводства носит гласный характер. Поэтому даже если следователем и применялись технические средства для дополнительной фиксации хода и результатов следственного действия, их использование не может считаться посягательством на неприкосновенность жилища.

Определившись с подходами к проникновению в жилище в целях его осмотра, следует обозначить и вторую проблему, от решения которой также зависит необходимость получения судебного разрешения. Дело в том, что в законе отсутствует понятие лица, проживающего в жилище, несогласие которого влечет необходимость обращения в суд. Нет соответствующих разъяснений об этом и со стороны высшего судебного органа России, о чем уже высказано сожаление в научных публикациях². Верховный Суд Российской Федерации лишь обратил внимание, что судебное решение о производстве осмотра жилища обязательно получать, если хотя бы один из жильцов возражает против осмотра³. Добавим, что возражение жильца против осмотра части жилища равнозначно возражению против осмотра всего жилища.

---

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой».

² Ковтун Н. Н. Судебное «санкционирование» следственных действий // Уголовное судопроизводство. – 2017. – № 3. – С. 16.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)».

Толкуя ч. 5 ст. 177 УПК РФ, О. Я. Баев понимает под проживающими в жилище лицами совершеннолетних, постоянно или временно проживающих в подлежащем осмотру жилом помещении или владеющих им на праве частной собственности, независимо от факта их регистрации в этом жилище¹. Поэтому признак регистрации для признания лица проживающим в жилище не является обязательным.

Развернутое определение проживающих в жилище лиц с выделением их категории дается В. М. Харзиновой. К ним она причисляет постоянно или временно проживающих в нем собственников; нанимателей помещения по договору социального найма или по договору аренды; граждан, а также проживающих совместно с ними совершеннолетних членов их семей (супруга, детей, родителей и др.) и других родственников, не являющихся членами их семей; нетрудоспособных иждивенцев, опекунов, попечителей и иных лиц, вселенных в помещение в установленном законом порядке².

Л. В. Смешкова предлагает обращаться в суд за получением разрешения на осмотр жилища в том случае, если проживающие лица являются несовершеннолетними, страдают психическим или иным тяжким заболеванием, не способны защищать свои права и законные интересы или возражают против осмотра³. Отметим, что в уголовно-процессуальной литературе преобладает мнение о том, что при проживании в жилище недееспособных граждан или несовершеннолетних согласие на проведение осмотра следует получать у законных представителей. А. В. Писарев указывает, что в исключительных случаях проведение осмотра допустимо с согласия несовершеннолетних жильцов. Если же в помещении находятся и взрослые, и несовершеннолетние, то волеизъявление последних не должно учитываться при получении согласия на осмотр⁴. Как нам представляется, такой под-

---

¹ Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него // Следственная тактика. – 2003. – С. 82.

² Харзинова В. М. Проблемы производства следственного осмотра // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2013. – № 1 (19). – С. 49.

³ Смешкова Л. В. Реализация принципа неприкосновенности жилища при производстве следственного осмотра // Современное право. – 2015. – № 12. – С. 129–132.

⁴ Писарев А. В. Актуальные проблемы правового регулирования производства осмотра жилища // Уголовное досудебное производство: проблемы теории и практики: Материалы межвузовской научн.-практ. конференции. – Омск : Омский юридический институт, 2004. – С. 76.

ход не противоречит действующему законодательству: следует отдавать предпочтение мнению присутствующего дееспособного жильца перед мнением недееспособного, в том числе несовершеннолетнего.

Насущным для нас представляется выделение в качестве критерия отнесения жильца, имеющего право выражать согласие или несогласие на осмотр факта его присутствия в жилище или в непосредственной близости от него. Законодатель не уточняет, следует ли получать судебное решение или выносить постановление о производстве осмотра в случаях, не терпящих отлагательства тогда, когда проживающее в жилище лицо не согласно на его осмотр, однако не присутствует при этом. Большинство практиков полагает, что согласие на осмотр жилища следует получать только от тех жильцов, которые присутствуют при производстве этого следственного действия. Анализ судебной практики по данному вопросу не противоречит этому. Так, апелляционная инстанция Верховного Суда Российской Федерации признала, что судебного разрешения на осмотр дома не требовалось, поскольку осмотр проводился в присутствии и *с участием лица*, проживавшего в доме с согласия сестры собственника¹ (курсив наш – М. Г.).

Таким образом, в основу определения проживающего в жилище лица, возражения которого против осмотра влечет необходимость получения судебного решения, являются три следующих признака: факт проживания в жилище, законность пользования жилым помещением и присутствие перед началом производства осмотра.

С учетом изложенного считаем, что получать судебное разрешение на производство связанного с проникновением в жилище осмотра обязательно при наличии возражения хотя бы от одного из участвующих и возражающих против него лица, которое занимает жилое помещение на законных основаниях либо вселено в установленном порядке или проживает в жилище с их разрешения.

---

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2017 г. № 72-АПУ16-34 // СПС «КонсультантПлюс».

С. И. Гейко¹,

*магистрант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя;*

О. В. Химичева²,

*начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

ДОЗНАНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

УПК РФ предусматривает две формы производства предварительного расследования: дознание и предварительное следствие.

Дознание – это форма предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем), по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия не обязательно.

Понятие дознания в отечественной юридической литературе имеет множественную и неоднозначную трактовку. Само слово «дознание» с производными от него – «дознать», «дознать», «дознаться», «дознаться» присутствует практически во всех авторитетных словарях, изданных в России во второй половине XVIII в. – первой половине XIX в., что свидетельствует о его широком использовании в русском языке. Словарь церковно-славянского и русского языка, изданный Императорской Академией наук в 1847 г., определяет, что «дознание – получение точного сведения; «дознать» – узнавать с точностью; удостовериться»³.

Историю дознания как деятельности можно рассматривать через призму развития органов, его осуществляющих. Так, органы дознания в России прошли сложный эволюционный путь, который можно условно разделить на четыре этапа: 1) дореволюционный; 2) советский этап (с 1917 г. до вступления в действие УПК РСФСР 1960 г.);

---

¹ © Гейко С. И., 2019.

² © Химичева О. В., 2019.

³ Дознание: понятие и функции // URL: https://studref.com/371704/pravo/doznanie_ponyatie_funktsii (дата обращения 11.10.2018).

3) период с 1961 г. по 2002 гг. (вступление в действие УПК РФ); 4) с 1 июля 2002 г. по настоящее время¹.

Очевидно, что эти этапы выделены, исходя либо из социально-политических событий в стране, связанных со сменой общественно-экономической формации, либо из осуществления реформ уголовного судопроизводства, вызванных принятием наиболее важных нормативных правовых актов. История дознания в самом общем виде может быть представлена теми же этапами, однако развитие этого вида государственной деятельности представляется нам определяющей для становления системы органов, его осуществляющих (органов дознания).

Первый этап развития дознания – дореволюционный – охватывает огромный период отечественной истории от Древней Руси до Октябрьской революции 1917 г. Конечно, за это время в силу принятия законов, регулирующих производство по уголовным делам, и порядок производства дознания, и полномочия органов дознания неоднократно трансформировались, но принципиально характер этой деятельности не менялся, оставаясь непроцессуальным.

Дознание как форма оперативно-разыскной (сыскной) деятельности существует с самых древних времен; оно нашло отражение, например, в Русской Правде (своде законов Древнерусского (Киевского) государства) через такую процессуальную форму, как свод.

Анализ исторических и правовых источников, характеризующих уголовно-процессуальное судопроизводство, свидетельствует, что осуществление дознания изначально возлагалось на специализированные органы. С первой трети XVIII в. прослеживается путь зарождения органов предварительного расследования, связанный с созданием специальных государственных органов полиции, в чью компетенцию входили: борьба с преступниками, сыскная деятельность, охрана общественного порядка².

Русский дореволюционный уголовный процесс исходил из различия органов, осуществляющих расследование: органы дознания рассматривались как несудебные, органы предварительного следствия – как выступающие представителем судебного ведомства. Это различие

---

¹ Цеков М. А. Возникновение и развитие системы органов дознания // Молодой ученый. – 2018. – № 21. – С. 409–414.

² Дознание: понятие и функции // URL: https://studref.com/371704/pravo/doznanie_ponyatie_funktsii (дата обращения: 11.10.2018).

базировалось на том, что собственно деятельность по производству дознания определялась как непроцессуальная, и ее материалы выступали только как основание для производства предварительного следствия.

Как писал в своих трудах И. Я. Фойницкий, «акты дознания не составляют в процессуальной форме и не имеют доказательной силы. Дознание может быть вверено полицейским органам, а предварительное следствие носит на себе характер судебной деятельности»¹.

Таким образом, до советского периода развития отечественного уголовного процесса дознание воспринималось исключительно как административная деятельность полицейских органов, а ее акты в качестве источников доказательств не признавались².

Коренные изменения в дознании, как впрочем и во всем уголовном судопроизводстве, связаны со сломом в 1917 г. царской правовой системы, системы правоохранительных органов. Это привело к тому, что в первые годы советской власти сложно говорить о сколько-нибудь устойчивом правовом регулировании дознания и органов, его осуществляющих.

Только к 1922 г. были созданы более или менее отлаженная судебная система, прокуратура, адвокатура, система органов дознания. В УПК РСФСР 1922 г., заимствовавшем многие положения Судебных уставов 1864 г., сделана попытка разграничить дознание и предварительное следствие. В соответствии со ст. 103 УПК РСФСР 1922 г. дознание представляло собой первоначальный этап расследования, на котором органы дознания обязаны были лишь принять меры к сохранению следов преступления и предотвратить возможность скрывается подозреваемому. Эти задачи выполнялись путем производства неотложных следственных действий: опроса подозреваемого и свидетелей, осмотра, выемки, обыска, освидетельствования. Кодекс не предусматривал возможность расследования органами дознания уголовных дел в полном объеме. Однако следственные органы не справлялись с огромным потоком преступлений, поэтому на практике ни-

---

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. Спб., 1910 // URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/292/2.html#img3> (дата обращения: 11.10.2018).

² Деришев Ю. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России : дис. .... канд. юрид. наук. Омск, 1999 // URL: <http://lawbook.org.ua/aa /12.00.09/2016/03/19/030350022.doc.html> (дата обращения: 11.10.2018).

чего не менялось: органы дознания по-прежнему расследовали подавляющее большинство уголовных дел, руководствуясь правилами производства предварительного следствия¹.

Иными словами, в первых УПК РСФСР дознание стало выделяться как самостоятельная форма предварительного расследования. В то же время процессуальная самостоятельность дознавателей была ограничена надзором со стороны прокурора и следователя.

В дальнейшем на втором этапе (вплоть до 1961 г.) развития дознания и его органов постепенно стала стираться грань между дознанием и предварительным следствием. Во многих случаях дознание стало представлять собой предварительное расследование в полном объеме, более того роль предварительного следствия в расследовании преступлений постепенно сужалась. Кроме того, и дознание, и предварительное следствие в отличие от дореволюционного периода стали осуществлять только административные органы, поскольку следователи (за исключением начального периода советского государства) входили в состав прокуратуры и органов государственной безопасности².

Сближение процессуальной формы производства дознания и предварительного следствия, расширение подследственности органов дознания не могли не привести к реформированию. В конечном счете, принятый 27 октября 1960 г. УПК РСФСР ознаменовал новую веху в развитии дознания, конкретизировав и усовершенствовал производство предварительного следствия в форме дознания.

Во-первых, было предусмотрено два вида дознания: а) первоначальный этап расследования уголовного дела, на котором производятся неотложные следственные действия для раскрытия преступления и обнаружения лица, его совершившего; 2) ускоренное и упрощенное расследование в полном объеме уголовных дел, не требующих по закону предварительного следствия.

Во-вторых, установлен перечень неотложных следственных действий, которые вправе проводить орган дознания по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно.

---

¹ Пути совершенствования уголовно-процессуальной деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел // URL: https://studbooks.net/937187/pravo/doznanie_sovetskiy_period (дата обращения: 11.11.2018).

² Лодкин А. Е. Дознание: история развития, проблемы, перспективы // Закон и право. – 2007. – № 6.

В-третьих, в УПК РСФСР 1960 г. был установлен перечень органов дознания.

Именно в таком виде дознание просуществовало вплоть до принятия действующего УПК РФ 2001 г. и вступлением его в силу с 1 июля 2002 г.

По УПК РФ институт дознания претерпел существенные изменения, как представляется, в положительную сторону. Так, впервые законодателем были определены понятия «дознание», «орган дознания», «дознаватель», производство дознания в полном объеме предусмотрено только в отношении конкретных лиц, значительно сокращены сроки дознания.

В процессе применения этого уголовно-процессуального закона некоторые положения производства предварительного расследования в форме дознания показали несостоятельность, но возникли и новые нормы (увеличены сроки дознания, появились новые участники уголовного судопроизводства – начальник подразделения дознания, начальник органа дознания новая процедура – уведомление о подозрении в совершении преступления) и даже целые правовые институты (дознание в сокращенной форме).

Как можно охарактеризовать нынешний этап развития дознания? Вероятно, сейчас эпоха нестабильности, поскольку, начиная с принятия УПК РФ на протяжении уже почти двадцати лет в эту форму предварительного расследования непрерывно вносятся коррективы, уже приведшие к тому, что дознание, изначально предусмотренное как упрощенная форма досудебного производства, трансформировалось в аналог предварительного следствия. Вместе с тем, потребность в простом и быстром досудебном производстве по незначительным преступлениям не только не отпала, но становилась все более насущной, что обусловило появление в 2013 г. дознания в сокращенной форме, правовая регламентация которого страдала весьма серьезными принципиальными недостатками, и в части доказывания, и в части обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. Вот почему и продолжают разрабатываться законопроекты, проводиться научные исследования¹, целью которых является дальнейшая разработка проблем дифференциации досудебного производства, поиск

---

¹ Григорьев Д. А. Дифференциация процессуальной формы производства дознания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 29 с.

еще более простых, чем дознание в нынешнем виде, процессуальных форм.

Предприняв краткое исследование истории развития дознания, мы видим, что эта деятельность из административной постепенно переросла в аналог предварительного следствия, что вряд ли целесообразно в силу бессмысленности дублирования процессуальной деятельности. А это значит, что в поиске новых форм досудебного производства возможно рассмотреть и этот вариант – превращение дознания из процессуальной деятельности в административную?

С. А. Грачев¹,

доцент кафедры предварительного расследования

Нижегородской академии МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Дальнейшее развитие и совершенствование системы российского уголовно-процессуального законодательства обусловлено поступательной реализацией положений Конституции Российской Федерации (1993 г.), основных этапов Судебной реформы (1991 г.) и потребностью в имплементации общепризнанных принципов и норм международного права, а также ратифицированных международных договоров межгосударственного характера в нормативную ткань российского права. Вместе с тем, и доктрина российского уголовно-процессуального права, и сфера практического уголовно-процессуального правоприменения объективно дают основания для констатации того, что система источников уголовно-процессуального права далека от идеала, перманентно рождая коллизии и дискуссии как о действительных элементах функционирующей системы, так и об оптимальной и законодательно выверенной их иерархии.

Определить понятие и систему российского уголовно-процессуального права можно, как представляется, изучив учебники по уголовно-процессуальному праву. Во-первых, потому, что учебники подготавливаются видными отечественными процессуалистами, имеющими признанный научный авторитет. Во-вторых, в учебниках в сжатом виде излагаются точки зрения авторов на большинство во-

---

¹ © Грачев С. А., 2019.

просов уголовного судопроизводства, закладывающих базис знаний соответствующей целевой аудитории. В третьих, учебники, имеющие несколько переработанных и дополненных изданий, позволяют проследить генезис подходов их авторов к вопросам, изложенным в содержании исследуемого учебного издания.

Анализ содержания учебников по уголовно-процессуальному праву и их глав, посвященных вопросам источников уголовно-процессуального права, не позволяет однозначно ответить на поставленные вопросы. Каждым автором или авторским коллективом выстраивается своя система источников исследуемой отрасли права и свое их иерархическое построение. Более того, можно отметить тот факт, что зачастую в учебниках приводится простое перечисление всех возможных источников и не аргументируется позиция автора по коллизионным вопросам. Так, например, в большинстве изученных нами учебников по уголовному процессу применительно к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, отмечается их важное значение для правильного правоприменения и необходимость учета позиций названного органа судебной власти в процессе принятия процессуальных решений, однако общеобязательность для всех должностных лиц, ведущих процесс, а следовательно, и место данных позиций в системе источников уголовно-процессуального права в принципе не называются.

Практическая сторона уголовно-процессуального правоприменения также рождает коллизии, прежде всего связанные с неопределенностью вопросов о том, как «выстроена» иерархия источников системы российского уголовно-процессуального права и какие именно компоненты снижают или полностью нивелируют эффективность динамики этой отрасли права. Среди наиболее коллизионных при этом, к примеру, можно обозначить такие проблемы:

– какие именно принципы и нормы международного права должны быть учтены законодателем, доктриной и практикой как действительно общепризнанные и соответственно имплементированы в нормативную ткань уголовно-процессуального права России. Как нормативные предписания указанных норм взаимодействуют с предписаниями Конституции Российской Федерации и собственно внутренней системой национального права; как они должны быть включены в действующий нормативный механизм уголовно-процессуального регулирования;

– является ли Конституция Российской Федерации частью и соответственно доминантой внутренней системы источников российского уголовно-процессуального права или она находится над этой системой. В последнем случае возникает вопрос о методе и средствах ее нормативного воздействия на регулируемые отношения. Правомерен также вопрос о ее соотношении с общепризнанными принципами и нормами международного права, особенно при возникновении коллизии между предписаниями данных норм. Также следует констатировать, что до сих пор возникают проблемы с прямым применением Конституции Российской Федерации в уголовно-процессуальной деятельности органов досудебного уголовного преследования;

– в какой именно иерархии должна быть выстроена внутренняя система источников уголовно-процессуального права, какой нормативный акт (источник) является доминантой системы;

– на каком месте указанной вертикали находится Европейская конвенция о правах человека (1950 г.) и соответственно акты ЕСПЧ как источники российского уголовно-процессуального права. Насколько оправдана наличествующая в настоящее время избирательность Российского государства в исполнении решений Европейского суда по правам человека и других международных договоров межгосударственного характера. Это в свою очередь ставит с неизбежностью вопрос о том, насколько обоснована возможность оценки национальным судом выводов и позиций ЕСПЧ в условиях самостоятельно взятой Россией обязанности безусловного исполнения решений названного суда;

– какова юридическая природа актов конституционного правосудия; на каком месте иерархии источников уголовно-процессуального права они реально находятся; насколько оправданы императивные апелляции о необходимости издания правовых норм и совершения определенных действий в точном соответствии с позицией Конституционного Суда Российской Федерации к российскому законодателю, к системе судов общей юрисдикции, которые также отнесены к самостоятельным ветвям государственной власти России, и по идее вправе иметь самостоятельные суждения о сути тех или иных правовых предписаний;

– правомерно ли Конституционным Судом Российской Федерации в его решениях поставлен под сомнение приоритет норм кодифицированного уголовно-процессуального закона в сравнении с нормами иных федеральных законов;

– насколько оправдано «неприятие» в качестве источников российского уголовно-процессуального права официальных позиций пленума Верховного Суда Российской Федерации и прецедентов высшей судебной инстанции России;

– какую роль в правосознании участников уголовно-процессуальных отношений занимают подзаконные нормативные акты и ведомственное нормативное регулирование.

Эти и другие (аналогичные) обстоятельства существенно усложняют процесс правильного понимания воли закона и эффективного применения правовых норм, позволяют при принятии значимых процессуальных решений не следовать духу и букве актов высшей юридической силы, а субъективно «подобрать» то правило, которое в большей степени удовлетворяло бы должностное лицо – субъекта правоприменения.

Вместе с тем еще в 2004 г. Конституционный Суд Российской Федерации при проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных статей УПК РФ отметил, что наличие обозримого уголовно-процессуального законодательства существенно облегчает работу должностных лиц и органов, ведущих уголовное судопроизводство, позволяет правоприменителю при принятии промежуточных и итоговых решений не искажать аутентичную волю законодателя¹.

Последняя в свою очередь также подвержена динамике. С развитием государства и общества изменяется и воля законодателя. Пример тому – многочисленные изменения УПК РФ, которые сначала вводят новое правило поведения государственно-властных субъектов, а затем по прошествии времени происходит откат к существовавшим ранее позициям, чем нивелируется стабильность нормативного регулирования, определенность в действительных и актуальных векторах государственной воли.

Существенное, нередко определяющее влияние на практику применения уголовно-процессуального права оказывает правосознание субъектов, реализующих уголовный процесс и принимающих итоговые или промежуточные процессуальные решения. В зависимости от ситуации или субъективных установок одни и те же нормы права

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – № 27, ст. 2804.

субъектами правоприменения применяются кардинальным образом по-разному. С учетом специфики предмета и метода правового регулирования уголовно-процессуального права это, во-первых, приводит к существенному нарушению прав и свобод человека и гражданина, невозможности достижения назначения уголовного судопроизводства. Во-вторых, разрушает искомое состояние определенности права, правовых отношений как необходимого элемента правового государства и гражданского общества.

Представляется, что принятие закона о нормативных правовых актах позволит в области уголовного судопроизводства разрешить имеющуюся в настоящее время настоятельную потребность:

- определить реальную, согласованную и телеологически взаимодействующую иерархию нормативных источников российского уголовно-процессуального права;

- оценить роль и значение для этой системы правовых позиций и прецедентов высших судебных инстанции России;

- проанализировать действительную роль таких компонентов динамики права (которые в теории отечественного уголовного судопроизводства традиционно не считаются источниками), как правовая идеология, правовая политика и правосознание участников правовых отношений.

С. В. Гурдин¹,

доцент кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Т. Е. Кукало²,

слушатель института подготовки сотрудников

для органов предварительного расследования

Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Возникающие в практической деятельности правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам проблемы, связанные с процессом доказывания, не раз становились предметом для обсуждения на страницах юридической и иной специальной литературы.

Обсуждение таких проблем не удивительно, так как уголовный процесс по большому счету представляет собой искусство пользоваться поштучно перечисленными в УПК РФ доказательствами.

Помимо этого сам по себе процесс доказывания, его непосредственные средства и методы, а также его элементы всегда были и остаются в центре пристального внимания законодателя, так как рассмотрение любого сообщения как о готовящемся, так и уже совершенном преступлении, невозможно без сложной и комплексной деятельности по собиранию, проверке и оценке доказательств.

При этом вопросы регламентации правил доказывания напрямую связаны с видением законодателя относительно назначения уголовного судопроизводства в целом.

В пределах своих, достаточно четко определенных УПК РФ полномочий доказывание по уголовным делам призваны осуществлять специально уполномоченные на то участники уголовного процесса, к которым относятся: орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор и судья.

При этом их деятельность в процессе доказывания складывается из двух взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга аспектов.

---

¹ © Гурдин С. В., 2019.

² © Кукало Т. Е., 2019.

С одной стороны, эта деятельность познавательная, связанная с оценкой доказательств. С другой – это практическая деятельность, выражающаяся в собирании, проверке и оценке доказательств.

Доказывание как процесс познания – мыслительно-практическая деятельность, подчиняется весьма строгим, логически завершенным правилам, суть которых состоит в том, что обнаружение, накопление определенного фактического материала, его всесторонний анализ, разделение на части, выяснение отдельных сторон, деталей исследуемых фактов, формулирование выводов обо всем исследуемом событии.

При всем при этом определение понятия доказывания остается одним из интереснейших и спорных вопросов, актуальных на сегодняшний день.

Так, ряд авторов поддерживают мнение И. Я. Фойницкого о том, что доказывание – это процесс, «путем которого обстоятельство искомое становилось в связь с обстоятельством известным, данным и показывается им».

В свою очередь, имеющееся в юридической литературе представление о доказывании, как о деятельности, заключающейся в обосновании какого-либо тезиса, в большей мере соответствует состязательному характеру современного уголовного судопроизводства, способствует распределению процессуальных функций и обеспечению беспристрастности суда.

Явным минусом такого подхода является попытка разграничить собирание доказательств, как познавательно-практическую деятельность, и доказывание, как деятельность рационально-логическую¹.

Анализ нормативной трактовки понятия «доказывания», определенной законодателем в ч. 1. ст. 85 УПК РФ, и круга возможных субъектов доказывания позволят сделать вывод о том, что познавательная деятельность следователя, дознавателя, прокурора и суда есть ни что иное, как основополагающий элемент уголовного судопроизводства.

Однако если согласиться с тем, что доказывание – это состоящая в собирании, проверке и оценке доказательств деятельность участников уголовного судопроизводства, то положения ст. 14 УПК РФ теряют смысл, закон как бы освобождает обвиняемого от обязанности, кото-

---

¹ Безрядин В. И. О некоторых проблемах доказывания в уголовном судопроизводстве // URL: cyberleninka.ru.

рая на него не может быть возложена. Из этого следует, что обвиняемый не имеет права собирать, осуществлять проверку и оценку доказательств в той форме, в которой правомочен сделать следователь¹.

Отметим далее, что понятие «доказывание» нельзя рассматривать отдельно от понятия «обязанность доказывания».

Статья 14 УПК РФ указывает на то, что виновность лица в совершении преступления и будет являться предметом доказывания. Вынесение обвинительного приговора не может быть основано на предположениях и постановляется лишь при подтверждении вины по средствам исследования в ходе судебного разбирательства всей совокупности доказательств. Обязательным к доказыванию является лишь безусловная доказанность вины подсудимого, а не невиновности. Если не доказано событие преступления, причастность к нему лица или же в деянии, совершенном им, не усматривается состав преступления – выносится оправдательный приговор, т. е. происходит признание лица невиновным.

Опираясь на все вышеуказанные положения закона, можно сделать вывод, что уголовно-процессуальное доказывание – это деятельность по установлению и обоснованию вины лица в совершение преступления.

В настоящее время, несмотря на казалось бы детальную урегулированность этого вопроса в УПК РФ, по-прежнему спорным остается круг лиц, имеющих право осуществлять доказывание по уголовным делам.

Обязанность выяснить все обстоятельства преступления, совпадающая с необходимостью обоснования утверждения о наличии вины у совершившего преступление лица, возлагается на органы уголовного преследования. При обнаружении признаков преступления начинается работа по установлению событий преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Именно эти обстоятельства нормативно находят свое отражение в предмете доказывания, именно для их доказывания вышеперечисленные органы производят собирание, проверку и оценку доказательств.

Осуществляемые органами расследования собирание, проверка и оценка доказательств совпадают с доказыванием ими обвинения: познавательная сторона и обосновывающая сторона этой деятельности

---

¹ Безрядин В. И. Указ. соч. С. 2.

образуют неразрывное единство¹. Уголовное преследование является обязанностью следователя, прокурора и дознавателя. Они обязаны устанавливать все обстоятельства предмета доказывания, осуществлять необходимые следственные и процессуальные действия, рассматривать и разрешать все ходатайства других участников, связанные с доказыванием.

Однако объем обязанностей по доказыванию обстоятельств дела у разных субъектов, ведущих процесс, различен. Эти различия обусловлены не только выполняемой процессуальной функцией, но еще и принципом презумпции невиновности. Анализ ст. 49 Конституции Российской Федерации и ст. 14 УПК РФ, закрепляющих этот принцип, позволяет с уверенностью сделать вывод о том, что обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

При этом обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, следовательно, он освобождается от прямого доказывания каких бы то ни было фактических обстоятельств относительно вменяемого ему обвинения. Кроме того, обвиняемый не виновен в силу действия основополагающего принципа уголовного судопроизводства – презумпции невиновности.

Чтобы опровергнуть такую презумпцию, сторона обвинения обязана доказать все те обстоятельства, которые она вменяет обвиняемому.

Для нее это становится процессуальным бременем, потому что, если она не выполнит этого бремени, обвиняемый останется невиновным и суд обязан будет вынести оправдательный приговор.

В свою очередь, сторона защиты с процессуальной точки зрения не несет бремени доказывания не только невиновности лица, поскольку она презюмируется, но и иных доводов, которые она приводит в защиту обвиняемого. Отсутствие такого процессуального бремени означает только одно: суд не вправе признавать лицо виновным только потому, что сторона защиты не доказала его непричастности к совершению преступления. Действительно, процессуального бремени доказывать обстоятельства дела на стороне защиты не лежит. При этом на сторону обвинения, уголовно-процессуальный закон возлагает не только обязанность доказывания обвинения, но и

---

¹ Безрядин В. И. Указ. соч. С. 3.

обязанность опровержения его, то есть бремя собрания и предоставления суду доказательств, опровергающих доводы, приводимые в защиту подозреваемого или обвиняемого. Именно такой вывод можно сделать, анализируя положения ч. 2 ст. 14 УПК РФ.

Отсутствие такого опровержения со стороны обвинения порождает неопровержимые сомнения в доказанности обстоятельств обвинения.

На распределение бремени доказывания влияют применяемые в уголовном судопроизводстве презумпции и преюдиции, приобретающие особое значение именно потому, что оказывают существенное влияние на доказывание.

Преюдиция – это придание предрешающего значения решению суда, вынесенному по одному делу и вступившему в законную силу, для установления фактических обстоятельств по другому делу.

Законодатель связывает преюдицию непосредственно с доказательственным правом. В таком ракурсе она приобретает значение одного из способов установления фактических обстоятельств дела.

Так, если фактические обстоятельства установлены вступившим в законную силу решением суда, вынесенным в гражданском, арбитражном или даже административном судопроизводстве, они могут быть использованы судом, прокурором, следователем или дознавателем в уголовном процессе без дополнительной проверки. Именно таким смыслом законодатель наполняет содержание ст. 90 УПК РФ.

Доказывание события преступления предполагает всестороннее выяснение всех объективных обстоятельств дела, необходимых для справедливого разрешения уголовного дела (объект и объективная сторона состава преступления).

Доказать виновность обвиняемого – значит, установить с учетом закрепленного в ст. 14 УПК принципа презумпции невиновности, что, во-первых, данное преступление совершено именно лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, и, во-вторых, что обвиняемый действовал виновно, то есть усматривается наличие умысла или неосторожности.

По некоторым категориям уголовных дел необходимо доказать, что данное лицо обладает признаками так называемого специального субъекта преступления (должностное лицо, материально ответственное лицо, военнослужащий и т. д.), что оно действовало в специфических условиях, например, превышения пределов необходимой обороны, сильного душевного волнения и т. п.

Для правильного разрешения дела необходимо установить также цель и мотив преступления независимо от того, имеют ли эти субъективные факторы уголовно-правовое значение квалифицирующих обстоятельств¹.

Предмет доказывания един на всех стадиях уголовного процесса. Это значит, что в ходе доказывания на стадии предварительного расследования ни одно из указанных в ст. 73 УПК РФ обстоятельств не может быть установлено и не доказано до судебного разбирательства.

Совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, едина для всех уголовных дел и не зависит от квалификации преступления. Некоторой спецификой в этом отношении обладает доказывание по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних и связанных с производством о применении принудительных мер медицинского характера. Предмет доказывания по этим категориям уголовных дел дополняется положениями специальных норм (ст.ст. 421 и 434 УПК РФ соответственно), которые законодатель специально предусмотрел для таких случаев, объединив их в гл. 4 УПК РФ «Особый порядок уголовного судопроизводства».

Далее следует отметить, если предмет доказывания – совокупность устанавливаемых фактов, то под пределами доказывания понимается необходимая и достаточная совокупность доказательств, позволяющая считать установленными как отдельные обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ, так и установленный этой статьей предмет доказывания в целом. Если преступление, например, хулиганство, массовый захват заложников или террористический акт, совершено на глазах десятков, а то и сотен очевидцев, то при расследовании и судебном разбирательстве уголовного дела возникает вопрос, какое число свидетелей необходимо допросить, какие доказательства и из каких источников нужно добыть, кроме показаний, чтобы полученные сведения (фактические данные) считать достаточными для справедливого разрешения уголовного дела.

Одновременно с получением следователем, дознавателем всех необходимых сведений, содержащих доказательственную информацию по уголовному делу, производится их проверка. Данные сведения становятся доказательствами в ходе их проверки и оценки. В готовом виде доказательств не существует. В уголовно-процессуальном законе проверке доказательств посвящена отдельная ст. 87 УПК РФ,

---

¹ Безрядин В. И. Указ. соч.

что свидетельствует о ее самостоятельной роли в процессе доказывания. Законодатель правомерно отказался от прежней формулировки «все собранные доказательства подлежат проверке», т. к. она создавала искаженное представление о том, что доказательства необходимо вначале собрать, а потом проверить. В ходе доказывания все его элементы взаимосвязаны между собой. Однако УПК РФ ничего не говорит о целях проверки доказательств, что в свою очередь усложняет определение ее сущности¹.

В научной литературе также существуют точки зрения отдельных авторов, которые при характеристике проверки доказательств стараются вообще не акцентировать свое внимание на целях проверки доказательств. Считаем, что такой подход не позволяет в полной мере составить однозначного представления о сущности данного понятия.

Также ученые, которые указывают, что в ходе проверки доказательств должна быть определена прежде всего их достоверность, полагают, что целями проверки могут стать и допустимость, и относимость доказательств.

Таким образом, проверка доказательств сочетает в себе логико-мыслительные приемы и практическую деятельность субъектов уголовного процесса посредством указанных в УПК РФ способов, которые взаимосвязаны между собой, имеют длящийся характер в ходе процесса доказывания.

Оценка доказательств является важнейшей составляющей процесса доказывания в уголовном судопроизводстве. Задача оценки представленных доказательств имеет место наряду с задачей собирания необходимых сведений по обстоятельствам рассматриваемого уголовного дела. Оценка доказательств необходима для соблюдения законности, принятия обоснованных решений по уголовному делу, в качестве основы принятия процессуальных решений и окончательного решения по делу – приговора. Оценка доказательств – это завершающий элемент процесса доказывания. Она тесно связана с собиранием и проверкой доказательств. Оценка доказательств имеет место на протяжении всего процесса доказывания, но особую роль она играет при принятии итоговых решений на стадиях уголовного судопроизводства. Оценка доказательств является «чисто логическим,

---

¹ Рудин А. В. Проверка доказательств в системе элементов процесса доказывания по уголовным делам // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 4. – С. 180.

мыслительным процессом», но имеющим все же и правовой аспект. При этом следует сказать, что оценка доказательств производится как в отношении каждого из представленных доказательств, так и относительно всей совокупности¹.

В ходе судебного реформирования законодатель внес существенные изменения в принципы оценки доказательств. В ст. 71 УПК РСФСР говорилось о том, что оценка доказательств судом, прокурором, следователем и лицом, производящим дознание, происходит на основе их внутреннего убеждения, основанном на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием. Сегодня уголовно-процессуальное законодательство в отношении оценки доказательств несколько изменилось. Свобода оценки доказательств заявлена в УПК РФ как принцип уголовного судопроизводства. В ст. 17 УПК РФ раскрывается содержание этого принципа, который в том, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. В УПК РФ акцент сделан не на политическом правосознании, а на нравственной категории «совесть»². Но известно, что нравственные категории имеют предельно общие характеристики, которые трудно конкретизировать под конкретную ситуацию, поэтому очень важно, что в ст. 17 УПК РФ речь идет не только о совести, как основе оценки доказательств, но и о законе.

Кроме того, ст. 88 УПК РФ содержит процессуальную схему оценки доказательств: «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела».

Таким образом, несмотря на принцип свободы в оценке доказательств, этот процесс носит нормативный характер и должен отвечать указанным выше требованиям. Особое значение оценка доказательств имеет в стадии судебного разбирательства, на этапе судебного след-

---

¹ Шевченко С. В. Принципы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // URL: cyberleninka.ru. 2011. С. 217.

² Шевченко С. В. Принципы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // URL: cyberleninka.ru. 2013. С. 217.

ствия. Эта стадия практически не характеризуется собиранием доказательств. В ходе судебного следствия процесс доказывания осуществляется в основном в форме проверки и оценки представленных доказательств.

И. В. Дворянсков¹,

*ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию
нормативно-правового регулирования деятельности
уголовно-исполнительной системы НИЦ-1
ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;*

Е. Е. Панфилов²,

*проректор по финансово-правовым и кадровым вопросам
АНО ВО «Институт законоведения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации»*

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА И ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях. Превентивная составляющая домашнего ареста состоит из ограничений и (или) запретов (в частности, покидать определенное помещение (здание, участок территории), общаться с некоторыми лицами устно, письменно и по средствам связи), устанавливаемых в целях обеспечения надлежащего поведения подозреваемого/обвиняемого. а также осуществления за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение.

При формулировании содержания запретов, устанавливаемых в рамках домашнего ареста, законодатель прибегает к ссылочной норме, указывая, что суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании домашнего ареста

---

¹ © Дворянсков И. В., 2019.

² © Панфилов Е. Е., 2019.

в качестве меры пресечения может установить ряд запретов, предусмотренных п. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Запрет определенных действий заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных частью шестой настоящей статьи, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов. Запрет определенных действий может быть избран в любой момент производства по уголовному делу.

Регламентация перечня запретов в рамках рассматриваемой меры пресечения установлена в уже упомянутой нами ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий может возложить запреты, предусмотренные УПК РФ.

Суд в своем постановлении об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий (как, впрочем, и домашнего ареста) должен указать конкретные условия исполнения возлагаемых запретов (адрес жилого помещения и периоды времени, в течение которых запрещено покидать жилое помещение, район, населенный пункт, с которыми связаны запреты, места, запрещенные для посещения, данные о расстоянии, ближе которого запрещено приближаться к определенным объектам, лицам, с которыми запрещено общаться, срок применения запрета, способы связи со следователем, с дознавателем и контролирующим органом, другие условия), а также обязанность подозреваемого или обвиняемого самостоятельно являться по вызовам дознавателя, следователя или суда.

При этом подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут как всем указанным запретам, так и отдельным из них.

Характерно, что подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения со следователем, с дознавателем и контролирующим органом. О каждом таком звонке в случае установления запрета, связанного с использованием средств связи,

подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган.

Контролирующим органом, исполняющим меры пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий, выступает уголовно-исполнительная инспекция территориального органа ФСИН России (далее – УИИ). При этом многие специалисты отмечают отсутствие механизмов осуществления такого контроля и реализации соответствующих функций УИИ. Так, по мнению Г. П. Химичевой, отсутствие установленного законом механизма осуществления функций контроля УИИ за соблюдением несовершеннолетними подозреваемыми или обвиняемыми запретов и (или) ограничений на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений, использование средств связи и Интернета приводит к тому, что УИИ не могут выявлять факт нарушения подозреваемым или обвиняемым указанных выше запретов и (или) ограничений. При наличии сведений о возможном использовании малолетним средств связи и Интернета или получении им почтово-телеграфных отправлений УИИ направляет их в орган дознания, предварительного следствия или в суд. Вместе с тем, проверить данные сведения УИИ не в состоянии¹. К аналогичному выводу приходят Р. М. Жилиев, В. Б. Первозванский, И. Н. Медведева, указывающие, что регламентация функций, связанных с реализацией запретов и (или) ограничений на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений, использование средств связи, предусмотрена только при проведении следственных действий (ст.ст. 165, 185, 186, 186.1 УПК РФ). В них содержатся процессуальные нормы, предусматривающие возможность осуществления осмотра, выемки и снятия копий с почтово-телеграфных отправлений, контроля и записи телефонных и иных переговоров, а также получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Указанные действия осуществляются следователями по постановлению суда².

Однако даже при наличии выписки из судебного решения об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста или запрета определенных действий организация федеральной почтовой связи, а также

---

¹ Химичева Г. П. Несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый): меры пресечения // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 4. – С. 20–24.

² Жилиев Р. М., Первозванский В. Б., Медведева И. Н. О некоторых проблемах избрания судами меры пресечения в виде домашнего ареста и путях их решения // Российская юстиция. – 2013. – № 11. – С. 49–52.

оператор мобильной связи не имеют законных оснований предоставлять в УИИ сведения о почтово-телеграфных отправлениях или о переговорах абонента. Указанные сведения могут быть предоставлены только по запросу следователя. Сотрудник УИИ правом такого запроса не обладает.

Таким образом, направление уведомления операторов связи о решении суда об избрании соответствующей меры пресечения не дает возможности обеспечить ее исполнение. Фактически УИИ должно обращаться к следователю или дознавателю за соответствующим решением. Разумеется, в данной ситуации применение запретов и (или) ограничений на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений, использование средств связи и Интернета оказывается неэффективным, как и сами меры пресечения в целом. Очевидно, при этом, что именно подобные средства коммуникации зачастую используются несовершеннолетними, в том числе для осуществления противоправной деятельности, для пропаганды деструктивных интернет-сообществ (АУЕ, оффники, «околофутбол», «валхалла», «лесники», «коллумбайнеры» и т. п.), открыто призывающих к насилию и совершению противоправных действий¹.

Сказанное позволяет сделать вывод, что при всей важности и предпочтительности домашнего ареста и запрета определенных действий в качестве мер пресечения в отношении несовершеннолетних следует признать их неэффективность ввиду отсутствия соответствующих механизмов контроля и реализации указанных мер. Это в свою очередь требует совершенствования полномочий УИИ и других взаимодействующих органов.

---

¹ Об этом мы писали ранее. См., например: Дворянсков И. В., Панфилов Е. Е. Состояние и проблемы профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2018. – № 5. – С. 11–15.

Н. Ю. Емельянова¹,

преподаватель кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ ПОТЕРПЕВШЕГО

Преступление – это серьезнейшее нарушение прав и законных интересов личности, причиняющих наибольший вред, поэтому лица, от него пострадавшие, особенно нуждаются в защите.

В уголовном судопроизводстве потерпевший занимает особое место. «Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации» (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Потерпевший является лицом, заинтересованным в результатах расследования, в изобличении преступника и его справедливом наказании (что соответствует ст. 2 Конституции Российской Федерации (Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства) и п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ: «Уголовное судопроизводство имеет своим назначением: защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений»). В рамках уголовного судопроизводства потерпевшему необходимо обеспечить, прежде всего, его права, предоставить правовые средства для их защиты и возможность осуществлять их наиболее эффективным образом.

Нельзя не отметить, что важной гарантией прав и законных интересов потерпевшего является предусмотренная законом возможность иметь представителя (ч. 2 ст. 42 УПК РФ: «потерпевший вправе иметь представителя»). Данная норма соответствует и международным нормам: Всеобщей декларации прав человека (ст. 2); Международному пакту о гражданских и политических правах (ч. 3 ст. 26); Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью; Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 13).

---

¹ © Емельянова Н. Ю., 2019.

Представителями потерпевшего могут быть «адвокаты ... В качестве представителя потерпевшего могут быть также допущены один из близких родственников потерпевшего или гражданского истца либо иное лицо, о допуске которого ходатайствует потерпевший или гражданский истец».

В УПК РФ регламентировано общее правило представительства интересов потерпевшего (ч. 1 ст. 45 УПК РФ), а также определены случаи обязательного представительства, когда потерпевшие не могут в полной мере либо самостоятельно осуществлять права и отстаивать свои интересы в уголовном судопроизводстве. Так, в целях защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители (ч. 2 ст. 45 УПК РФ).

Тем не менее в интересах защиты прав и интересов личности необходимо привести в соответствие представительство, защищающее права и интересы лиц, пострадавших от преступлений с представительством стороны защиты в уголовном судопроизводстве.

Важно отметить, что необходимость участия представителя потерпевшего может возникнуть и в иных случаях. Потерпевшие, не владеющие языком, на котором ведется уголовное судопроизводство; потерпевшие, участвующие в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ), потерпевшие, участвующие в особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) и потерпевшие по делам, по которым ведется дознание в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ), также требуют дополнительной защиты их интересов.

Потерпевшему, который не владеет языком уголовного судопроизводства, даже при наличии переводчика сложно полностью обеспечить защиту своих интересов (так же как и обвиняемому в подобной ситуации п. 4 ч. 1 ст. 51 УПК РФ). В силу этих обстоятельств потерпевший не может использовать всех возможностей для своей защиты, что про-

тиворечит назначению уголовного судопроизводства. Все это обуславливает обязательное участие представителя по делам данной категории.

Особый порядок принятия судебного решения, при котором обвиняемый согласен с предъявленным обвинением, а также производство дознания в сокращенной форме влекут упрощенное рассмотрение и разрешение уголовного дела в суде по существу. С одной стороны, эти институты обеспечивают сокращение времени и материальных затрат на отправлении правосудия, с другой – влекут ограничение процессуальных гарантий прав участников процесса, в том числе и потерпевшего. Согласие потерпевшего на рассмотрение дела в таком порядке является правовым условием применения особого порядка принятия судебного решения и сокращенного дознания (ч. 1, 4 ст. 314, п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ). В указанных ситуациях участие представителя потерпевшего представляется обязательным, что не лишает самого потерпевшего осуществлять свои права, предусмотренные уголовно-процессуальным законом. Это должно служить гарантией прав потерпевшего, в том числе и дополнительной, и способствовать активному участию представителя в уголовном судопроизводстве, при этом потерпевший должен четко представлять, в чем состоит специфика указанных производств и с какими правовыми последствиями они связаны.

Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве также требует дополнительных гарантий для потерпевшего, поскольку законодательное положение этого участника в данной ситуации существенно ущемляет его права и интересы. Ряд ученых-процессуалистов считает, что потерпевший должен иметь право знать и выражать свое мнение официально еще до подписания прокурором соглашения с обвиняемым о том, как обвиняемый может быть наказан, заслуживает ли он смягчения наказания, как и в каком объеме ему, потерпевшему, будет возмещен вред, причиненный преступлением, а также знакомиться с соглашением, если таковое заключено и т. д. В частности, И. В. Блинов-Сычкарь пишет: «Неупоминание в главе 40.1 УПК РФ таких участников процесса как «потерпевший», и дает основание полагать, что досудебное соглашение с подозреваемым или обвиняемым выводит

этих участников с данного участка правового поля и влечет существенное нарушение их прав и законных интересов, так как возможность заключения соглашения не ставится в зависимость от их согласия и возмещения вреда, причиненного преступлением».

Также необходимо коснуться вопроса о представительстве интересов потерпевшего при осуществлении производства по уголовному делу частного-публичного и частного обвинения (ч. 4 ст. 20 УПК РФ: «если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы»).

Комплексный анализ ч. 2 ст. 45 и ч. 4 ст. 20 УПК РФ позволяет считать участие представителя потерпевшего по данной категории дел обязательным, т. к. ч. 2 ст. 45 гласит: «Для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители».

Из вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости для вышеуказанных категорий потерпевших дополнительных гарантий в виде обязательного представительства. Решить данную проблему возможно путем внесения изменений в ч. 2 ст. 45 УПК РФ. На наш взгляд, целесообразным изменить ч. 2 ст. 45 УПК РФ, представив ее в следующей редакции: «Для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними; по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы; не владеющих языком, на котором ведется уголовное судопроизводство; участвующих в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением; участвующих в особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; участвующих в производстве дознания в сокращенной форме, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители».

Указанные предложения послужат средством обеспечения гарантий прав и законных интересов потерпевшего, а также реализации принципа состязательности сторон обвинения и защиты, а также реализацией их равноправия перед законом и судом.

Е. А. Загрядская¹,

доцент кафедры уголовного права 4-го факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Нижний Новгород)

Института повышения квалификации

Московской академии

Следственного комитета Российской Федерации

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ РИСКА

Обеспечение оперативного и качественного расследования преступлений – это одна из основных задач Следственного комитета Российской Федерации, как федерального государственного органа, осуществляющего полномочия в сфере уголовного судопроизводства. Повышение эффективности уголовного преследования требует совершенствования технологии производства по уголовным делам, дальнейшей разработки научных основ деятельности следователя на основе глубокого анализа передовой следственной практики и использования достижений юридических, естественных и гуманитарных наук.

В научной литературе некоторые авторы рассматривают проблему повышения «эффективности» предварительного расследования через категорию «оптимизация» и приходят к выводу о том, что повышение эффективности деятельности следователя с точки зрения современных требований непосредственно упирается на проблемы оптимизации. В свою очередь, оптимизация процесса расследования предполагает повышение эффективности комплексом наиболее выгодных, наилучших при данной ситуации.

Ученые-процессуалисты выделяют различные стороны содержания оптимизации. Одни авторы отмечают, что оптимизация уголовного процесса непосредственно связана с целесообразностью прове-

---

¹ © Загрядская Е. А., 2019.

дения того или иного следственного действия¹, другие – с рационализацией и специализацией, прагматичностью², третьи – с кадровым, материально-финансовым, техническим и т. п. ресурсным обеспечением³, четвертые – с направленностью на реализацию назначения уголовного судопроизводства⁴ и эффективностью правоприменения⁵.

Обобщая все научные точки зрения, можно сделать вывод о том, что оптимизация предварительного следствия – это приведение его системы в оптимальное состояние, с рациональными и ресурсосберегающими процедурами, позволяющими наряду с решением задач судопроизводства всемерно и неукоснительно обеспечивать гарантии прав и интересов всех субъектов, вовлекаемых в уголовный процесс.

В нашей статье нам хотелось бы остановиться еще на одном важном элементе повышения эффективности и качества предварительного следствия, а именно на исследовании проблемы влияния на деятельность следователя условий риска, в которых он оказывается.

Риск является закономерным компонентом расследования. Сама специфика расследования делает принятие решений в условиях риска типичным явлением. Для выработки рекомендаций по оптимизации уголовно-процессуальной деятельности следователя в условиях риска необходимо изучение феномена риска.

Проведенное собственное исследование показало, что действовать в условиях риска следователя побуждает: дефицит времени (на это указали 66 % опрошенных следователей территориальных следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации в Приволжском федеральном округе, причем выбор данного варианта ответа практически не зависел от количества уголовных дел, одно-

---

¹ Гришина Е. П. Непроцессуальные формы использования специальных познаний в раскрытии и расследовании уголовных дел (актуальные проблемы теории и практики) // Право и политика. – 2007. – № 1. – С. 97.

² Поляков М. П., Никифорова Т. В. Уголовно-процессуальная форма: размышления о роли обрядности // Нижегородский юрист: альманах. – 2004. – Вып. 9. – С. 23–24.

³ Малышева О. А. О некоторых концептуальных положениях современной уголовно-процессуальной политики (досудебное производство) // Российский следователь. – 2008. – № 6. – С. 18–20.

⁴ Орлова А. А. Реализация назначения уголовного судопроизводства при привлечении в качестве обвиняемого: научно-практический комментарий // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Саченко А. Предпосылки введения в регионе ювенальной юстиции // Законность. – 2007. – № 1. – С. 43–47.

временно находящихся в производстве данного следователя), дефицит доказательственной и ориентирующей информации (23 % опрошенных), неопределенность законодательной регламентации (10 % опрошенных), наличие случайности в ходе расследования (менее 1 % опрошенных), личность рискующего субъекта (например, на недостаток знаний и умений у следователя указали 45 % опрошенных), противодействие расследованию (16 % опрошенных), угроза личной (физической) и служебной безопасности (6 % опрошенных).

Внимательное изучение этих «негативных факторов внешнего и внутреннего характера», ставящих следователя перед выбором адекватных конкретной ситуации расследования решений и действий, позволит учитывать их влияние, а также сформулировать меры по их уменьшению.

Кроме того, анализ содержания уголовно-процессуальных норм, регламентирующих полномочия следователя, показал, что ему приходится действовать в условиях риска при осуществлении своей уголовно-процессуальной деятельности и в силу «неопределенности» законодательной регламентации. Например, согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ процессуальное решение о возбуждении уголовного дела должны приниматься при наличии достаточных данных. Однако уголовно-процессуальный закон не раскрывает понятия «достаточности данных». В итоге в уголовно-процессуальной практике несовпадение оценки достаточности данных очень частое явление. В свою очередь, неопределенность критерия достаточности образует неопределенность критерия «полноты» проведенного следствия, что делает возможным порой безосновательно прокурору возвращать уголовные дела, в порядке, предусмотренном ст. 221 УПК РФ, с мотивировкой «для дополнительного расследования, так как в ходе изучения материалов уголовного дела выявлены неполнота или односторонность расследования».

Установление на законодательном уровне критериев достаточности или полноты по многим причинам невозможно однако, с целью максимального исключения риска необоснованно возвращенных уголовных дел для производства дополнительного следствия с мотивировкой «неполнота», можно, например, предлагаем более точно определить основания проведения дополнительного следствия.

Принятие следователем в своей процессуальной деятельности решений ограничивается пределами допустимости риска. Определение пределов допустимости риска особенно актуально в следственной де-

тельности, поскольку в результате рискованных действий может быть причинен вред интересам следствия, общества и государства, правам граждан, однако, законодательного закрепления понятие «допустимый риск» не получило.

Следователь при оценке допустимости риска в своей деятельности в первую очередь основывается на критериях обоснованности, законности и нравственности, если риск отвечает этим критериям, он является правомерным и допустимым, а при несоответствии одному из критериев – неправомерным или необоснованным, поэтому недопустимым.

Итак, риск является неотъемлемой чертой уголовно-процессуальной деятельности следователя. Он играет важную роль в процессе выбора и принятия решений. Задача следователя заключается в том, чтобы избрать стратегию наименьшего риска, предвидеть возможные отрицательные последствия своего решения и заранее продумать меры по ликвидации или ослаблению этих последствий, т. е. минимизировать риск. А минимизация рисков является одним из условий эффективного уголовного преследования, т. е. оптимизации предварительного следствия.

А. Н. Заливин¹,

доцент кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

А. П. Рыжаков²,

кандидат юридических наук, профессор,

заслуженный работник высшей школы

Российской Федерации

ИЗБРАНИЕ НОВОЙ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ – ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

После введения в действие Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения меры пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» в уголовном процессе появилась новая мера пресече-

---

¹ © Заливин А. Н., 2019.

² © Рыжаков А. П., 2019.

ния – запрет определенных действий. Что собой представляет избрание таковой?

Избранием названной меры пресечения суд вправе не разрешить подозреваемому или обвиняемому: 1) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях; 2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них; 3) общаться с конкретными лицами; 4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; 5) использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»; 6) управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное подозреваемым или обвиняемым преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

В то же время подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, для общения со следователем (дознавателем и др.), а равно с должностным лицом филиала уголовно-исполнительной инспекции района по месту его жительства (месту его нахождения)¹. О каждом таком звонке в случае установления запрета, связанного с использованием средств связи, подозреваемый или обвиняемый обязан проинформировать ФКУ УИИ (ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ).

Если по медицинским показаниям подозреваемый или обвиняемый был доставлен в учреждение здравоохранения и госпитализирован, до разрешения судом вопроса об изменении либо отмене меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого продолжают действовать установленные судом запреты. Местом исполнения меры пресечения в виде запрета определенных действий в этом случае считается территория соответствующего учреждения здравоохранения.

Запрет определенных действий – это довольно строгая мера пресечения и поэтому ее применение имеет под собой дополнительные гарантии соблюдения прав граждан, специальные условия ее приме-

---

¹ Далее для краткости, если иное специально не оговорено, – ФКУ УИИ или инспекция.

нения. После избрания рассматриваемой меры пресечения свобода лица урезается. Он не только обязан своевременно являться по вызовам следователя (дознателя и др.)¹, но и не имеет права делать то, что ему запрещено постановлением (определением) суда.

Если при избрании мер пресечения, не связанных с ограничением свободы, большое значение имеет психологический фактор их воздействия на поведение подозреваемого или обвиняемого, то при запрете определенных действий на первый план выступает ограничение свободы, в результате которого сужается возможность воспрепятствовать осуществлению задач уголовного судопроизводства и продолжать преступную деятельность.

Это, несомненно, менее строгая мера пресечения чем заключение под стражу и даже домашний арест. Между тем и она связана с серьезным ограничением личной свободы граждан и поэтому должна применяться только в тех случаях, когда задачи, стоящие перед мерами пресечения, не могут быть решены путем применения более мягкой из них.

По общему правилу мера пресечения в виде запрета определенных действий может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в любой момент досудебного производства по уголовному делу и вне зависимости от того в совершении какого именно преступления он подозревается (обвиняется), какая санкция предусмотрена УК РФ за совершение данного преступления и его возраста. Иначе говоря, запрет определенных действий может быть применен и к лицу, совершившему преступление небольшой тяжести, и к несовершеннолетнему. Специальных дополнительных условий применения данной меры пресечения к указанным лицам законодатель не предусмотрел. Те же условия, которые предусмотрены для заключения под стражу, согласно ч. 2 ст. 105.1 УПК РФ на запрет определенных действий не распространяются.

Запрет определенных действий может применяться только по судебному решению. Процессуальный порядок принятия решения об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий следующий.

---

¹ Здесь и далее, если иное специально не оговорено, под следователем (дознателем и др.) подразумеваются: следователь, руководитель следственного органа, руководитель (член) следственной группы, дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, руководитель (член) группы дознавателей, орган дознания.

1. Следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора выносят постановление о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства.

В данном постановлении излагается перечень запретов, которые, по мнению следователя (дознавателя и др.), целесообразно применить к подозреваемому или обвиняемому, мотивы, основания их установления и невозможности решения стоящих перед органом предварительного расследования задач путем избрания более мягкой меры пресечения.

К постановлению следует прилагать материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий. Эти материалы должны содержать надлежаще заверенные копии постановления о возбуждении уголовного дела, протокола задержания подозреваемого, постановления о привлечении в качестве обвиняемого, протоколов допроса подозреваемого или обвиняемого, а также имеющиеся в деле доказательства, которые следователь (дознаватель и др.) представляет в суд для подтверждения необходимости избрания лицу меры пресечения в виде запрета определенных действий (сведения о наличии возможности у лица совершить аналогичное преступление, об угрозах в адрес потерпевших, свидетелей и т. п.). Помимо того, должны представляться: решения правомочного органа о согласии на привлечение к уголовной ответственности лица, пользующегося статусом неприкосновенности; справки и другие документы, свидетельствующие о состоянии здоровья, семейном положении, наличии или отсутствии постоянного места жительства, судимости, характеристики личности подозреваемого или обвиняемого¹.

2. Постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий и приложения к нему направляются в районный суд или в гарнизонный военный суд.

Если ходатайство возбуждается в отношении подозреваемого, задержанного в порядке, установленном ст.ст. 91 и 92 УПК РФ, то постановление и прилагаемые к нему материалы должны быть пред-

---

¹ По аналогии см. : О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1993. – № 9.

ставлены судье не позднее, чем за 8 часов до истечения срока задержания.

3. Постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения в виде запрета определенных действий рассматривается судьей в судебном заседании.

Рассмотрение ходатайства осуществляется судьей единолично по месту производства предварительного расследования либо по месту задержания подозреваемого в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд.

Исходя из редакции ст. 108 УПК РФ, в судебном заседании участвуют подозреваемый или обвиняемый, прокурор, защитник, если последний имеется в уголовном деле или подозреваемый или обвиняемый ходатайствуют о таком участии. Здесь также вправе участвовать законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, руководитель следственного органа, следователь (дознатель и др.). Между тем неявка без уважительных причин сторон, своевременно извещенных о времени судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения ходатайства, за исключением случаев неявки обвиняемого. Без обвиняемого решение об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий в принципе может быть принято только в случае объявления обвиняемого в международный розыск.

Подозреваемый же, задержанный в порядке ст. 92 УПК РФ, в обязательном случае должен быть доставлен в судебное заседание.

Судебное заседание начинается с объявления судьей, какое ходатайство подлежит рассмотрению. Затем судья разъясняет явившимся в судебное заседание лицам их права, обязанности и ответственность. После чего прокурор либо по его поручению лицо, возбуждившее ходатайство, обосновывает его. Далее заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица.

4. По итогам рассмотрения ходатайства судья выносит одно из следующих постановлений:

- 1) об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде запрета определенных действий;
- 2) о возложении дополнительных запретов на подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого применена мера пресечения в виде запрета определенных действий;
- 3) об отказе в удовлетворении ходатайства.

5. Постановление судьи направляется лицу, возбуждавшему ходатайство. Копии постановления – прокурору, начальнику ФКУ УИИ района по месту жительства (месту нахождения) подозреваемого или обвиняемого, подозреваемому или обвиняемому, их защитнику и (или) законному представителю, а также потерпевшему, свидетелю и всем иным участникам уголовного судопроизводства, чья безопасность обеспечивается установлением искомых запретов.

В случае возложения на подозреваемого или обвиняемого запрета управлять транспортным средством у последнего следователем (дознавателем и др.) или судом изымается и приобщается к материалам уголовного дела водительское удостоверение.

6. Данное судебное решение подлежит немедленному исполнению.

7. Постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения запрета определенных действий, об отказе в этом, равно как и о возложении дополнительных запретов на подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого применена мера пресечения в виде запрета определенных действий, может быть обжаловано в апелляционном порядке в течение 3 суток со дня его вынесения. Апелляционные жалоба (представление) всегда приносятся через суд, вынесший обжалуемое судебное решение.

Н. А. Золотухин¹,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя

ВОПРОСЫ, РАЗРЕШАЕМЫЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРИ ОЗНАКОМЛЕНИИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В настоящее время ознакомление с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного следствия достаточно ясно регламентировано УПК РФ; конкретно определены права участников уголовного судопроизводства, возникающие у них при ознакомлении с материалами уголовного дела, и вытекающие из необходимости реализации этих прав обязанности следователя. Однако следует отметить, что последние существенные изменения положений ст.ст. 215–

---

¹ © Золотухин Н. А., 2019.

219 УПК РФ, которые затрагивают взаимоотношения всех участников досудебного производства именно при ознакомлении с материалами дела, внесены в 2009 г., т. е. почти 10 лет назад. За это время законодателем были конкретизированы права и обязанности участников процесса на различных его этапах, но вопросы, которые оставались не разрешенными ранее и появившиеся новые, требуют конкретизации, правового регулирования. Все вопросы вынужден разрешать следователь и именно ввиду отсутствия правового регулирования, следователь разрешает возникающие вопросы (споры) исключительно исходя из своих знаний, опыта и сложившейся именно в его следственном подразделении практике применения тех или иных норм уголовно-процессуального закона (и соответственно у прокурора, которому поднадзорно следственное подразделение, и у суда, на территории обслуживания которого находится это подразделение).

Таким образом, в пределах одного административного округа г. Москвы (для большей наглядности рассмотрим ситуацию на примере столицы), на территории которого функционируют несколько районных судов, в каждом из них складывается разная практика применения уголовно-процессуального закона. При этом решения в различных следственных подразделениях по одному и тому же вопросу могут кардинально различаться даже в пределах одного административного округа города. И эти решения «удовлетворяют» и надзирающего прокурора, и рассматривающий в дальнейшем уголовное дело по существу суд.

Представляется, что подобные расхождения в принятых решениях по одному и тому же вопросу не должны возникать. Сложившаяся ситуация становится возможной, как видится, исключительно ввиду неточных формулировок УПК РФ.

Так, этап ознакомления с материалами дела является единственным процессуальным действием, во время производства которого возможно проводить иные следственные, а также процессуальные действия. Вместе с тем, законодателем остаются не урегулированы вопросы, какие именно следственные и процессуальные действия возможно проводить, а какие нет, не конкретизирован порядок их производства. Поэтому, когда со стороны защиты в ходе ознакомления с материалами уголовного дела поступает ходатайство о дополнении предварительного следствия и проведении конкретных дополнительных процессуальных действий, следователь, с одной стороны, вправе отказать в удовлетворении ходатайства именно на том осно-

вании, что в данном случае УПК РФ не предусмотрено проведение процессуальных действий, а возможно проведение только следственных действий.

Вместе с тем иногда возникают ситуации, когда в случае удовлетворения ходатайства стороны, в ходе проведения дополнительных процессуальных или следственных действий возникает необходимость в изменении предъявленного обвиняемому обвинения. И возникают вопросы, возможно ли перепредъявить обвиняемому обвинение ввиду выявления новых обстоятельств, возможно ли изменить предъявленное обвинение, не изменяя квалификацию вменяемого деяния. В различных следственных подразделениях и соответственно в прокуратурах и судах, которыми они контролируются, правоприменительная практика идет различными путями. Однако самостоятельно разрешить возникшую ситуацию следователь не в состоянии, поскольку в УПК РФ нет ответа на возникший вопрос, нет ни прямого запрета, ни разрешения на перепредъявление обвинения в подобных случаях.

Возникают вопросы по уточнению формулировок некоторых положений УПК РФ. Например, согласно ч. 3 ст. 217 УПК РФ «Обвиняемый и его защитник не могут ограничиваться во времени, необходимым им для ознакомления с материалами уголовного дела. Если обвиняемый и его защитник, приступившие к ознакомлению с материалами уголовного дела, явно затягивают время ознакомления с указанными материалами, то на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 125 настоящего Кодекса, устанавливается определенный срок для ознакомления с материалами уголовного дела...». При этом определение «явно затягивают», не раскрыто, что вызывает многочисленные вопросы участников уголовного судопроизводства, чьи интересы затрагиваются данным вопросом.

Для следователя, расследующего уголовное дело, само по себе возникновение ситуации, при которой он предполагает выход в суд с ходатайством об установлении определенного срока для ознакомления с материалами дела, вопрос о том, что сторона защиты явно затягивает время ознакомления, уже решен. Следователь приходит к подобному выводу из совокупности общего поведения стороны защиты не только при ознакомлении с материалами уголовного дела, но и с учетом того, как осуществлялось процессуальное взаимодействие со стороной защиты на протяжении всего расследования по делу. По-

добные ситуации возможно отнести к разряду конфликтных, поскольку сторона защиты сознательно выбирает линию своего поведения, в том числе и процессуального и, соответственно, осознает, какие последуют дальнейшие действия со стороны следователя, в целях скорейшего окончания предварительного расследования. Однако ввиду не конкретизированных формулировок закона со своей стороны защита пытается убедить следователя и суд, что они не затягивают время ознакомления с материалами дела и соответственно следствие. А дальше, опять же ввиду не конкретизированных формулировок закона, возникают разногласия между следователем и судом в степени оценки затягивания ознакомления с материалами уголовного дела участниками судопроизводства. И опять же в различных судах, следственных подразделениях совершенно по-разному разрешают складывающуюся ситуацию. В каких-то подразделениях считается достаточным для выхода в суд с указанным ходатайством при ознакомлении защитой со 100 листами материалов дела в день, в каких-то – с половиной тома, в каких-то – целого тома. В дальнейшем и суд при рассмотрении ходатайства следователя исходит из своего мнения, потому что законодательно данный вопрос не разрешен. В итоге по уголовным делам одной и той же сложности, одного и того же объема суды по-разному устанавливают время, необходимое для ознакомления с материалами уголовного дела, одни исходят из того, что защита должна знакомиться в течение дня со 100 листами материалов дела, другие суды устанавливают срок, исходя из того, что знакомиться необходимо с одним томом и тому подобное. При этом в одном и том же суде по схожим уголовным делам могут приниматься различные решения о сроке, необходимом для ознакомления с материалами дела. Таким образом, следователю необходимо обосновать суду, что сторона защиты явно затягивает ознакомление с материалами уголовного дела, а также следователь должен обосновать свое мнение о сроке, который необходим стороне защиты для ознакомления с оставшимися материалами дела, что в условиях не конкретизированного законодательства сделать крайне сложно.

Следующим вопросом, который периодически возникает при ознакомлении участников уголовного судопроизводства с материалами дела является вопрос с предоставлением для ознакомления участникам уголовного судопроизводства вещественных доказательств. В случае если вещественные доказательства приобщены к материалам уголовного дела и находятся при деле, то вопросов, как

правило, не возникает. Однако если вещественные доказательства выданы владельцу на «ответственное хранение» или сданы в камеру хранения, то зачастую между следователем и стороной защиты, а иногда и потерпевшими или их представителями и другими лицами, обладающими правом на ознакомление с материалами уголовного дела, возникают спорные вопросы, природа которых находится опять же в не конкретизированных положениях УПК РФ.

Так, в ч. 1 ст. 217 УПК РФ сказано, что «...для ознакомления предъявляются также вещественные доказательства и по просьбе обвиняемого или его защитника фотографии, материалы аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки и иные приложения к протоколам следственных действий. В случае невозможности предъявления вещественных доказательств следователь выносит об этом постановление».

Какие случаи необходимо считать невозможными для предъявления вещественных доказательств – не определено. В связи с чем при рассмотрении подобных вопросов следователи следственных подразделениях по-разному их разрешают и принимают различные решения. Для примера, по уголовному делу в качестве вещественного доказательства признан пистолет, который является огнестрельным оружием, и наркотические средства. Эти вещественные доказательства сданы в камеры хранения вещественных доказательств. По делу в качестве обвиняемых привлечены два лица, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, но они содержатся в разных следственных изоляторах. В преддверии выполнения требований ст.ст. 215–217 УПК РФ следователем в соответствии с ч. 1 ст. 217 УПК РФ вынесено постановление о невозможности предъявления для ознакомления участникам уголовного судопроизводства данных вещественных доказательств на указанном выше основании. Сторона защиты настаивала на ознакомлении с ними и обжаловала постановление следователя руководителю следственного органа. Последним жалоба была удовлетворена. Следователь должен был предъявить указанные вещественные доказательства обвиняемым и их защитникам. Однако руководство обоих следственных изоляторов не разрешило проносить на территорию СИЗО наркотические средства. При этом в отношении пистолета решения руководства следственных изоляторов разошлись, и в итоге один обвиняемый ознакомился с вещественным доказательством – пистолетом, а другой – нет. Суд, рассматривающий по существу уголовное дело, не

нашел нарушений УПК РФ при ознакомлении с материалами уголовного дела в представленной ситуации.

Приведенные выше примеры не конкретизированных формулировок уголовно-процессуального законодательства вызывают спорные ситуации, которые зачастую перерастают в конфликтные, на разрешение которых затрачиваются время, силы и средства, а также позволяют принимать правоприменителям различные решения по одним и тем же вопросам, что представляется недопустимым.

*Л. С. Золочевская*¹,

адъюнкт Орловского юридического института

МВД России имени В.В. Лукьянова

УВЕДОМЛЕНИЕ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ, РОДСТВЕННИКОВ ИЛИ БЛИЗКИХ ЛИЦ О ЗАДЕРЖАНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ТЕЗИСЫ)

Стремление к обеспечению прав и свобод личности на уровне мировых стандартов является одной из наиболее заметных тенденций в развитии российского уголовного судопроизводства на протяжении двух последних десятилетий. Решая данную задачу, законодатель часто прибегает к заимствованиям готовых правовых решений – нормативных положений, апробированных в правоприменительной практике других стран. При таком подходе следует учитывать риск потери эффективности механически перенесенного в российское законодательство иностранного правового института вследствие его недостаточной сбалансированности с отечественными правовыми нормами. Это не способствует гармонизации системы правового регулирования уголовного судопроизводства.

В настоящей статье нами предпринята попытка проанализировать дополнения к ст. 96 УПК РФ, предусматривающие право на телефонный разговор, в правовом механизме защиты прав лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, с учетом текущих правовых реалий и особенностей российского уголовного процесса.

Во-первых, возникает вопрос, является ли предусмотренное в законе право на телефонный разговор действительно важным элементом системы обеспечения прав и законных интересов лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, или же это все-

---

¹ © Золочевская Л. С., 2019.

го лишь своего рода «американизм», дань обывателю, безотчетно считающего выполнение данного требования реально необходимым?

Следует отметить, что на этапе обсуждения проекта Федерального закона¹, которым были внесены анализируемые здесь дополнения, заинтересованные ведомства дали в целом положительные оценки предлагаемым новеллам, указывалось, что они направлены на усиление правовых гарантий прав лица, задержанного по подозрению в совершении преступления. Так, в заключении Правового управления аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации отмечена направленность новых законоположений на обеспечение прав и законных интересов не только самого задержанного подозреваемого, но и его родственников, поскольку они призваны исключить ситуацию, при которой лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, воспринималось бы его родственниками как пропавшее без вести².

Таким образом, право задержанного на телефонный разговор – объективно обусловленная гарантия, направленная на обеспечение интересов не только задержанного, но гораздо более широкого круга лиц: его близких родственников, родственников и близких лиц.

Во-вторых, как неоднократно отмечалось в более ранних публикациях³ по рассматриваемой проблеме, действующая редакция ч. 1 ст. 96 УПК РФ существенно ограничивает гарантируемые Конституцией Российской Федерации права на использование родного языка (ч. 2 ст. 19, ч. 2 ст. 26) и на тайну телефонных переговоров (ч. 2 ст. 23). Вместе с тем такие серьезные правоограничения вряд ли оправданы.

---

¹ Проект Федерального закона № 388255-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

² Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации // URL: [https:// transcript.duma.gov.ru/node/4342/](https://transcript.duma.gov.ru/node/4342/) (дата обращения: 19.10.2018).

³ Баев О. Я. Дилеммы современного правового механизма задержания подозреваемого // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2016. – № 1 (1). – С. 7–11 ; Кузнецова С. И., Роор М. А. Проблемы реализации права задержанного, не владеющего русским языком, на телефонный звонок // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2016. – № 2 (31). – С. 54–55 ; Маркелов А. Г., Кошкин В. Н. Уведомление о задержании подозреваемого в свете реализации права на телефонный разговор // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2018. – № 16 (1). – С. 130–132.

В-третьих, с другой стороны, не вызывает сомнений позитивный характер внесенных в ст. 96 УПК РФ изменений в части сокращения сроков уведомления родственников задержанного о его задержании. Предыдущая редакция ст. 96 УПК РФ предусматривала 12-часовой срок уведомления близких родственников подозреваемого следователем. Однако этот промежуток времени приводил к многочисленным нарушениям прав задержанных и их родственников, не знающих о месте нахождения задержанного, при этом переживающих и испытывающих стресс.

В-четвертых, если рассматривать предусмотренное ч. 4 ст. 96 УПК РФ право следователя, дознавателя сохранить в тайне факт задержания в интересах предварительного расследования, то, как представляется, по мере производства следственных действий основания неуведомления об этом родственников подозреваемого могут отпасть, например через 6–12 часов. Поэтому ограничение в праве на телефонный разговор не должно быть абсолютным.

Д. А. Иванов¹,

*заместитель начальника кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук,
доцент, почетный сотрудник МВД России*

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ДОЗНАВАТЕЛЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Современные взгляды на деятельность прокуратуры по надзору за осуществлением уголовного судопроизводства ведутся весьма активно и с нарастающей амплитудой. Говоря более масштабно и глобально о прокурорском надзоре в целом, Президент России В. В. Путин отметил, что «реакция прокуроров всех уровней на несоблюдение закона и нарушение прав должна быть незамедлительной и действенной»².

---

¹ © Иванов Д. А., 2019.

² Из выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина на торжественном заседании, посвященном 295-летию Российской прокуратуры от 11 января 2017 г. // URL: [http:// www.bfm.ru/news/](http://www.bfm.ru/news/) (дата обращения: 12.09.2018).

В наши дни в силу своей неоднозначности применительно к досудебному производству наиболее интересной в этой системе представляется роль прокурора за деятельностью органов предварительного расследования. Причем нам представляется, что особенно актуальным и востребованным является рассмотрение значимых аспектов прокурорского надзора именно за деятельностью следователя, дознавателя по обеспечению возмещения вреда причиненного преступлением, на этапе окончания предварительного расследования. Одной из составляющих совершенствования деятельности органов предварительного расследования по обеспечению возмещения причиненного преступлением вреда, является прокурорский надзор за применением законодательства, осуществляемый Генеральным прокурором Российской Федерации и подчиненными ему прокурорами.

В настоящее время, при поступлении уголовного дела для утверждения обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления) в порядке ст.ст. 221, 226, 226⁸ УПК РФ, как верно утверждает О. Я. Баев, прокурор наряду с множеством обстоятельств должен оценить «меры обеспечения гражданского иска и возможной конфискации имущества»¹.

Осуществляя надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования на этапе окончания предварительного расследования, прокурор, проверив все материалы представленного ему уголовного дела, наряду с иными требованиями должен проверить наличие комплекса мероприятий, проведенных следователем, дознавателем по обеспечению гражданского иска и возможной конфискации имущества². Дополнительно прокурор должен проконтролировать законность процессуальных решений, связанных с возвращением собственнику либо иному законному владельцу вещественных доказательств в целях возмещения вреда, причиненного преступлением.

В соответствии с ч. 5 ст. 220 УПК РФ сведения о принятых мерах по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, или возможной конфискации имущества должны быть отражены в справке, прилагаемой к обвинительному заключению.

---

¹ Баев О. Я. Прокурор как субъект уголовного преследования : научно-практическое пособие. М. : Юрлитинформ, 2006. С. 89.

² Титова В. Н. Применение законодательства о возмещении вреда, причиненного преступлением // Вестник академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2013. – № 6 (38). – С. 38.

Невыполнение следователем положений ст.ст. 115, 116 УПК РФ само по себе не может явиться основанием для возвращения уголовного дела прокурору для устранения имеющихся недостатков, и если меры по обеспечению возмещения вреда или возможной конфискации имущества не были приняты органами расследования, законодатель предусмотрел механизм, который позволяет непосредственно суду восполнить допущенное в стадии предварительного расследования нарушение закона. Так, согласно ст. 230 УПК Российской Федерации, судья, по ходатайству любого участника процесса со стороны обвинения вправе вынести постановление о принятии мер по обеспечению возмещения причиненного преступлением вреда либо возможной конфискации имущества. Исполнение указанного постановления возлагается в свою очередь на судебных приставов-исполнителей.

В то же время реакция прокурора относительно ненадлежащего исполнения требований уголовно-процессуального законодательства за соблюдением прав потерпевших на возмещение причиненного преступлением вреда должна выражаться в отказе утверждения обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления).

Таким образом, одной из причин возвращения уголовного дела следователю, дознавателю является необходимость в пересоставлении обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления). Данная ситуация возникает в случае изменения обвинения, когда прокурор признает, что оно недостаточно индивидуализировано и в формулировку обвинения требуется включить точный размер вреда, причиненного потерпевшему в результате совершенного преступления.

При этом, исходя из данных аналитических обзоров Главного следственного управления ГУ МВД России по г. Москве, прослеживается тенденция, что наибольшее количество уголовных дел возвращено именно из-за недостатков, связанных с установлением в ходе предварительного расследования характера и размера вреда, причиненного преступлением.

Так, Кузьминским межрайонным прокурором возвращено на дополнительное расследование уголовное дело по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в связи с тем, что следователем следственного отдела

по району Кузьминки г. Москвы в нарушение требований ст. 73 УПК РФ не установлен размер причиненного имущественного вреда¹.

Как видно из проведенного анализа, ошибки и нарушения зачастую тривиальны и свидетельствуют о слабой теоретической и практической подготовке должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам, а также зачастую формальном отношении к выполнению своих обязанностей.

Прокурорский надзор за данным направлением их деятельности в свою очередь позволяет констатировать, что ведомственный процессуальный контроль за ходом расследования со стороны руководства органов предварительного расследования минимален либо вовсе отсутствует, уголовные дела перед направлением прокурору зачастую не изучаются, отсутствуют указания по принятию мер, направленных на возмещение вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями.

Данная негативная динамика стала возможной ввиду того, что руководство органов предварительного расследования зачастую осуществляет, по мнению Ю. А. Шемраевой, «поверхностный ведомственный контроль исходя из устного доклада о ходе расследования и принимаемых решениях. Ознакомление непосредственно с материалами уголовных дел производится в исключительных случаях: по «резонансным» преступлениям, в связи с жалобами участников процесса либо по требованию прокурора»².

При этом, говоря о деятельности прокурора в данном направлении, следует сказать, что возможность выявления ошибок лишь при изучении уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, а не в ходе процессуального руководства расследованием, нередко вызвана объективными причинами. Прокурор осуществляет надзор в отношении большого количества уголовных дел, что делает просто невозможным проконтролировать каждое действие (бездействие) следователя, дознавателя, и в том числе тех процессуальных и организационных решений, которые они принимают в целях обеспе-

---

¹ Материалы уголовного дела № 122535, расследованного в следственном отделе при ОВД по району Ивановское г. Москвы в 2015 г. // Аналитические данные контрольно-методического управления ГСУ ГУ МВД России по г. Москве за 2015 г.

² Шемраева Ю. А. Обеспечение качества предварительного расследования по уголовным делам посредством процессуального контроля // ISAEC «THE GENESIS OF GENIUS». – 2014. – № 2. – С. 114.

чения условий, направленных на возмещение вреда, причиненного преступлением.

Таким образом, на фоне всего вышесказанного логичным и убедительным представляется вывод о том, что в настоящее время особенно повышаются роль и значение прокурорского надзора за деятельностью должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, в том числе по созданию и обеспечению в досудебном производстве условий для возмещения вреда потерпевшим от преступлений. В связи с чем концептуальной видится тенденция, олицетворяющая прокурорский надзор не как нечто чуждое и негативное, а как важный процессуальный инструмент реагирования, направленный, в том числе на исправление допущенных ошибок и упущений в деятельности следователей и дознавателей по возмещению вреда, причиненного преступлением.

Л. В. Кокорева¹,

доцент кафедры Московского областного филиала

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

МОТИВЫ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В ч. 2 ст. 92 УПК РФ закреплено, что в протоколе задержания должны быть указаны «дата и время составления протокола, дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого, результаты его личного обыска и другие обстоятельства его задержания». Анализ норм главы 12 УПК РФ позволяет утверждать, что перечень оснований задержания подозреваемого закреплен в ст. 91 УПК РФ. В свою очередь, мотивам задержания законодатель не уделил должного внимания, что создает определенные трудности в правоприменительной практике по выполнению требований, указанных в ч. 2 ст. 92 УПК РФ. Результаты анализа следственной практики позволяют утверждать, что зачастую следователи и дознаватели не могут верно сформулировать мотивы задержания подозреваемого, ограничиваясь указаниями в протоколе задержания лишь оснований применения данной меры принуждения.

Кроме этого отсутствие законодательного понимания мотивов задержания вызывает множество дискуссий среди ученых¹. В силу

---

¹ © Кокорева Л. В., 2019.

ограниченности объема научной статьи приведем лишь некоторые из них. Так, Е. С. Березина предлагает рассматривать в качестве мотивов задержания «субъективные побуждения следователя (дознавателя) воспрепятствовать определенным предполагаемым действиям подозреваемого, которые в случае их осуществления могли бы помешать реализации целей применяемой меры процессуального принуждения либо привести к совершению преступления»².

Другие ученые дают более развернутое понятие мотивов уголовно-процессуального задержания. К примеру, А. В. Ольшевский мотивами задержания считает «основанные на материалах уголовного дела обоснованные опасения, что, находясь на свободе, лицо, подозреваемое в совершении преступления, скроется от дознания или предварительного следствия, продолжит заниматься преступной деятельностью или воспрепятствует производству по уголовному делу, побуждающие орган дознания, дознавателя, следователя, прокурора применить уголовно-процессуальное задержание к данному лицу»³. Данную точку зрения разделяет Ю. Ю. Ксендзов, который полагает, что «это конкретные, основанные на материалах уголовного дела доводы должностного лица о необходимости задержания подозреваемого и содержания его под стражей»⁴.

Изучив точки зрения ученых на понятие мотива задержания подозреваемого, становится ясно, что это некие обоснованные опасения следователя или дознавателя о том, что лицо, оставаясь на свободе, может заниматься противозаконной или препятствующей расследованию деятельностью, и побуждающие применить к данному лицу рассматриваемую меру принуждения.

В период с июля по октябрь 2018 г., в рамках научного исследования по специально разработанной анкете нами было проведено анкетирование руководителей следственного органа, следователей и дознавателей. Всего опрошено 53 сотрудника правоохранительных ор-

---

¹ Химичева О. В., Шаров Д. В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2018. – № 5. – С. 56–61.

² Березина Е. С. *Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства* : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 22.

³ Ольшевский А. В. *Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения* : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 5.

⁴ Ксендзов Ю. Ю. *Задержание и заключение под стражу подозреваемого* : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. С. 20.

ганов. Опрос был проведен в подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации на территории Московской области. В ходе исследования было установлено, что мотивами задержания, по мнению большинства опрошенных, является пресечение попытки подозреваемого скрыться от органов предварительного расследования или суда (78,9 % случаев). В 27,1 % случаев респонденты считают, что мотивом задержания является пресечение попытки подозреваемого воспрепятствовать установлению объективной истины по уголовному делу (путем угроз свидетелю и другим участникам уголовного процесса); 17,4 % – обоснованные сомнения, что подозреваемый может совершить другое преступление; в 9,3 % случаев – пресечение попыток лица уничтожить следы преступления, пресечение совершаемого преступления или попытки подозреваемого продолжать в дальнейшем преступную деятельность, своевременное решение вопроса об избрании в отношении задержанного меры пресечения в виде заключения под стражу.

Несмотря на то что мотивы задержания подозреваемого, как и любые мотивы, носят субъективный характер, важно понимать, что они основаны на объективных фактах, говорящих о достаточно высокой вероятности ожидать от лица действий, нарушающих закон или нормальный ход расследования. В свою очередь, правильное указание в протоколе мотивов задержания делает ограничения прав и свобод лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, всецело обоснованным и справедливым с точки зрения закона.

В заключение отметим, что учеными и практиками высказываются разные мнения о том, какие конкретно имеются мотивы задержания подозреваемого, но все они по своей сути являются вариациями трех наиболее важных. Так, мотивами задержания подозреваемого выступают основанные на конкретных материалах уголовного дела предположения о том, что, находясь на свободе, подозреваемый может: 1) скрыться от органов предварительного расследования; 2) воспрепятствовать установлению объективной истины по уголовному делу, т. е. обстоятельств, подлежащих доказыванию; 3) продолжить заниматься преступной деятельностью. Полагаем, что законодательное закрепление в главе 12 УПК РФ мотивов задержания подозреваемого, бесспорно, способствовало бы улучшению правоприменительной практики при выполнении следователем (дознавателем) требования об указании в протоколе задержания мотивов применения данной меры принуждения (ч. 2 ст. 92 УПК РФ).

*И. Н. Кондрат*¹,

профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья 44 УПК РФ устанавливает, что физическое или юридическое лицо, понесшее ущерб от преступления, вправе при производстве по уголовному делу предъявить гражданский иск к обвиняемому или к лицам, несущим имущественную ответственность за его действия. Лицо признается гражданским истцом, если есть основания полагать, что данный вред причинен непосредственно преступлением, и заявлено требование о его возмещении. О признании лица гражданским истцом выносится постановление.

Гражданский иск может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия в суде первой инстанции, и рассматривается судом совместно с уголовным делом. Это существенная льгота для лиц, пострадавших от преступления, поскольку они освобождаются от уплаты государственной пошлины и им легче обосновать свои исковые требования, поскольку уголовно-процессуальный закон обязывает следователя, а не гражданского истца доказывать наличие оснований и предмета гражданского иска.

Следует отметить, что многие вопросы, связанные с предъявлением гражданского иска в уголовном деле, разрешаются в соответствии с нормами не уголовно-процессуального, а гражданского законодательства. Уголовно-процессуальное право допускает аналогию, поэтому при решении спорных вопросов следует руководствоваться нормами ГК РФ. Так, ст. 12 ГК РФ к способам защиты гражданских прав наряду с другими относит возмещение убытков и компенсацию морального вреда, и поскольку гражданский иск в уголовном деле – это требование защитить нарушенное преступлением право или интересы, следователь обязан признать потерпевшего гражданским истцом при заявлении им иска о компенсации морального вреда.

---

¹ © Кондрат И. Н., 2019.

Кроме того, в ст. 44 УПК РФ прямо указано, что гражданский истец может предъявить гражданский иск и для имущественной компенсации морального вреда.

Компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме, а ее размер определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда.

В то же время нельзя не отметить наличие ряда дискуссионных вопросов, касающихся взыскания компенсации причиненного преступлением морального вреда. Так, например, Верховный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на то, что ни гражданское, ни иное законодательство не содержат указаний на возможность компенсации морального вреда, причиненного хищением имущества, исключая из определения суда по конкретному уголовному делу вывод о возможности в принципе компенсации морального вреда, причиненного преступлением против имущественных благ.

Действительно, в соответствии со ст. 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред.

Причем в соответствии с действующим законодательством одним из обязательных условий наступления ответственности за причинение морального вреда является вина причинителя. Между тем можно привести достаточно много примеров, когда в результате той же кражи предмета, представляющего ценность исключительно для данной семьи, как предмета, передающегося по наследству и т. п. и имеющего невысокую стоимость в денежном эквиваленте, права потерпевших существенно ущемляются отсутствием возможности компенсировать нравственные страдания, причиненные указанным преступлением.

Что касается иных преступлений против прав и свобод человека и гражданина, то полагаем, что в результате их совершения также могут складываться ситуации, предопределяющие правомерность рассмотрения в рамках уголовного дела гражданских исков о взыскании морального вреда.

Так, например, анализ опроса 124 прокуроров и 26 судей дает основание для вывода, что моральный вред, причиненный в результате невыплаты заработной платы и иных установленных законом выплат (ст. 145.1 УК РФ) может выражаться: в невозможности удовлетворения физиологических потребностей и потребностей, порожденных социальными и культурными условиями (так ответили 86 % прокуроров и 82 % судей), в психических страданиях (так ответили 98 % прокуроров и 96 % судей), в чувстве унижения человеческого достоинства, связанном с невозможностью обеспечить достойное существование себе и своим близким, постоянной необходимостью жить в долг (так ответили 68 % прокуроров и 70 % судей).

Не менее актуальным представляется вопрос, касающийся рассмотрения в рамках уголовного дела исков о признании требований регрессного характера (например, о лишении родительских прав, выселении и т. п.). По уголовным делам о преступлениях против собственности весьма часто возникает необходимость предъявления и рассмотрения подобного рода гражданских исков. Поэтому не ясно, почему, например, в случае, когда в суд передается уголовное дело о хищении путем мошенничества прав на недвижимое имущество, в рамках этого же уголовного дела не уместен гражданский иск потерпевшего или прокурора для разрешения жилищного спора?

Вполне понятно, что положительное решение вопроса о рассмотрении в рамках уголовного дела регрессных исков сопряжено с проблемой возможных потерь государства в связи со своего рода «упущенной выгодой», обусловленной неуплатой государственной пошлины по гражданским искам в рамках уголовного дела. В связи с этим полагаем, что гражданский иск о возмещении вреда, причиненного преступлением, не подлежит обложению пошлиной.

Полагаем, что подобный подход обеспечит не только публичные, но и частные, личные интересы потерпевших и гражданских истцов поскольку, во-первых, обусловит уменьшение числа гражданских исков в порядке гражданского судопроизводства, что, несомненно, имеет существенное значение в целях экономии времени, сил и средств системы правосудия. Во-вторых, обеспечит разрешение в более ко-

роткий срок и с наименьшими затратами имущественных и иных требований вышеуказанных лиц.

Таким образом, в рамках уголовного дела целесообразно разрешить предъявление и рассмотрение всех гражданских исков, связанных с совершенным преступлением.

Вполне понятно, что рассмотрение и разрешение любого иска в уголовном деле возможны лишь при условии, что в ходе предварительного расследования собраны для этого необходимые доказательства, подтверждающие характер и размер имущественного вреда. И, наоборот, если в материалах уголовного дела отсутствуют необходимые доказательства, а вопросы, связанные с предъявленным иском, выяснены весьма поверхностно либо не в полном объеме, то налицо необходимость рассмотрения такого иска в рамках гражданского судопроизводства.

Например, исходя из норм гражданского законодательства, следует решать вопрос о включении в сумму гражданского иска упущенной выгоды. К законным способам защиты гражданских прав закон относит возмещение убытков. Под убытками в соответствии со ст. 15 ГК РФ понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Эти вопросы также должны быть определены.

Гражданский иск в защиту интересов несовершеннолетних, лиц, признанных недееспособными либо ограниченно дееспособными в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством, лиц, которые по иным причинам не могут сами защищать свои права и законные интересы, может быть предъявлен их законными представителями или прокурором, а в защиту интересов государства – прокурором.

Таким образом, следует согласиться с позицией, обозначенной в теории уголовного процесса, о том, что гражданский иск является действенным механизмом обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением, посредством заявления которого реализуются положения уголовно-процессуального закона, предполагающие восстановление прав потерпевших, нарушенных преступлением, в том числе путем разрешения исковых требований в пользу гражданского

истца. Стоит только заметить, для того, чтобы гражданский иск являлся действительно эффективным механизмом обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением необходимо дальнейшее развитие законодательства и практики его применения.

К. А. Костенко¹,

*заведующий кафедрой уголовного процесса 5-го факультета
повышения квалификации (дислокация в г. Хабаровск)
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПК РФ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Председатель Верховного Суда Российской Федерации Вячеслав Лебедев, в своем выступлении на совещании председателей судов субъектов Российской Федерации 20 февраля 2018 г., рассказывая об основных «болевых точках» судебной системы, высказался о ряде стратегических инициатив, требующих корректировки процессуального законодательства. Одна из них, – это вопрос о необходимости введения в уголовный процесс института следственного судьи. Такое предложение им было высказано с приведением статистических данных (за 2017 г. на действия или бездействие следственных органов подано более 120 тыс. жалоб, из них почти 20 % удовлетворено)².

Необходимо отметить, что различные точки зрения о необходимости совершенствования тех или иных сфер процессуального законодательства России неоднократно звучали с высоких трибун. При этом УПК РФ постоянно подвергался корректировке. Так, с момента его принятия (2001 г.) в него внесены изменения и дополнения посредством более 230 федеральных законов. Конституционным Судом Российской Федерации принято свыше 20 решений о проверке конституционности тех или иных положений закона, в том числе с выводами об их несоответствии Конституции Российской Федерации.

Рассматриваемая ситуация свидетельствует о том, что все изменения УПК РФ как раз и были нацелены на своевременное устранение

---

¹ © Костенко К. А., 2019.

² Лебедев призвал ускорить введение института следственного судьи: Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. Лебедева на совещании судей субъектов Российской Федерации 20 февраля 2018 г. // URL: <https://legal.report/article/20022018/lebedev-prizval-uskorit-vvedenie-instituta-sledstvennogo-sudi> (дата обращения: 15.09.2018).

пробелов процессуального законодательства. Многие изменения требовались в силу становления новой правоприменительной практики. В то же время отдельные ученые отмечают, что такое большое количество изменений в УПК РФ это в том числе результат отсутствия четкой государственной концепции (программы) развития уголовного процесса в России и, к сожалению, следует констатировать, что концепцию развития УПК РФ лишь только предстоит разработать и представить для широкого обсуждения¹.

Несмотря на разные точки зрения в рассматриваемом вопросе, необходимо подчеркнуть, что принятие новых законопроектов в сфере уголовно-процессуального законодательства крайне необходимо, т. к. современные условия развития Российского государства диктуют новые подходы к расследованию преступлений. За период действия УПК РФ достаточно много появилось нового, что, по мнению практиков, несколько усложнило процесс расследования. Это и расширение спектра прав всех участников уголовного процесса (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего); распространение судебного контроля за проведением ряда следственных действий (арест, домашний арест, продление сроков содержания под стражей, арест имущества и продление срока ареста имущества и т. д.); необходимость исполнения ч. 2.1. ст. 281 УПК РФ) и обязательного проведения очных ставок с потерпевшим и свидетелем на стадии предварительного расследования для возможности последующего оглашения в суде их показаний в случае их неявки («...проведение очной ставки даже при отсутствии противоречий в показаниях участников»²) и ряд других изменений.

Несмотря на разные мнения, следует отметить, что необходимость совершенствования УПК РФ не вызывает никаких сомнений. При этом наиболее актуальными, на наш взгляд, могут быть предложения о внесении отдельных изменений в УПК РФ, продиктованных практической потребностью органов предварительного расследования.

В частности, Следственный комитет Российской Федерации уже более 10 лет принимает активное участие в реформировании уголовно-процессуального законодательства России. Вся его законотворче-

---

¹ См. более подробно: Зайцев О. А. О необходимости разработки концепции современной уголовно-процессуальной политики Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 13–14.

² Костенко К. А. Очная ставка в уголовном процессе России: вопрос о внесении изменений давно назрел // Российский следователь. – 2018. – № 9. – С. 32.

ская работа направлена на решение задач оптимизации следственной работы, экономии времени следствия, соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства, а также повышения качества следствия.

Так, при непосредственном участии Следственного комитета Российской Федерации в УПК РФ были внесены существенные изменения и дополнения. Это и введение в УПК РФ главы 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», это и расширение полномочий на стадии проверки сообщения о преступлении (Федеральные законы № 226-ФЗ от 2 декабря 2008 г. и № 23 от 4 марта 2013 г. в ст. 144 УПК РФ добавили осмотр трупа, предметов и документов, освидетельствование, производство экспертизы)¹.

К сожалению, некоторые, достаточно актуальные законопроекты Следственного комитета РФ остались нереализованными. Среди них: проект закона № 440058-6 «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» (2013 г.); проект закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» (2012 г.) и некоторые другие.

В 2010 г. Следственный комитет Российской Федерации совместно с Общественной палатой Российской Федерации разработали проект Федерального закона «О потерпевших от преступлений». Между тем несмотря на несомненную значимость законопроекта, а со времени его разработки прошло более семи лет, вопрос о рассмотрении в Государственной Думе РФ до сих пор откладывается.

Как показывает практика, ситуация с указанным, так и не реализованным законопроектом не единичная.

Так, уже более 7 лет не принимаются поправки в УПК РФ во исполнение Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части 1 ст. 24 и пункта 1 ст. 254 УПК РФ в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко», где сказано, что при заявлении возражения со стороны близких род-

---

¹ Костенко К. А., Костенко Г. Ю. Методология и тактика следственного осмотра : монография. Пятый ФПК (с дислокацией в г. Хабаровск) ИПК Московской академии СК России, 2017. С. 11.

ственников подозреваемого (обвиняемого) против прекращения уголовного дела в связи с его смертью орган предварительного расследования или суд обязаны продолжить предварительное расследование либо судебное разбирательство.

Их непринятие во исполнение решения Конституционного Суда Российской Федерации привело к тому, что статус представителя умершего подозреваемого или обвиняемого в УПК РФ не определен, как и не определен порядок направления такого уголовного дела в суд для рассмотрения по существу. Вместо этого на практике применяется аналогия о предоставлении близким родственникам умершего подозреваемого (обвиняемого) прав, предусмотренных ст. 42 УПК РФ (потерпевший).

Необходимость в корректировке УПК РФ с учетом правоприменительной практики в последние годы имела высокую актуальность, но в силу разных причин изменения в УПК РФ не вносились.

Так, в 2014 г. при участии Следственного комитета РФ депутатом Государственной Думы Российской Федерации К. В. Лазаревым на рассмотрение в Государственную Думу РФ внесен законопроект № 500386-6 О внесении изменений в УПК РФ (в части увеличения первоначального срока предварительного следствия и содержания под стражей до трех месяцев).

Указанный законопроект в период 2014–2016 гг. поддерживался всеми органами предварительного расследования и профильными комитетами Государственной Думы Российской Федерации и имел под собой сильную аналитическую базу, основанную на изучении тысяч уголовных дел. Между тем 22 марта 2017 г. Комитет Государственной Думы Российской Федерации по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству отклонил законопроект с мотивировкой того, что он будет способствовать значительному ограничению прав и законных интересов обвиняемых и потерпевших, а также будет происходить бесконтрольное содержание лица под стражей длительное время, а в отношении потерпевшего существенно затянется вопрос о возмещении ему вреда¹.

---

¹ Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации // URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?Open> (дата обращения: 15.09.2018).

В этой ситуации напрашивается вывод, что нежелание принятия данного закона обусловлено явным лоббированием позиции стороны защиты в ущерб интересам следствия!

Аналогичная ситуация сложилась и по законопроекту № 500393-6 О внесении изменений в УПК РФ (в части ограничения следователем времени ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела в случаях его явного затягивания)¹.

Подводя итоги, следует отметить, что рассмотренные в настоящей статье законопроекты в недалеком будущем могут стать частью модернизированной системы уголовно-процессуальных норм, и мы видим, что в последнее десятилетие именно эти идеи наиболее востребованы органами предварительного расследования и могут составлять часть концепции развития уголовно-процессуального законодательства в России.

С. С. Крипиневи²,

заместитель заведующего

кафедрой уголовно-процессуального права

Российского государственного университета правосудия

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЭТАПЕ ПОДГОТОВКИ К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ

Нельзя не согласиться с утверждением, что стадия подготовки к судебному заседанию представляет собой этап, характеризующийся совокупностью процессуальных действий судьи, итогом которого является постановление о назначении судебного заседания, подтверждающий собой тот факт, что имеется достаточно оснований для привлечения обвиняемого к уголовной ответственности и появления его на скамье подсудимых, для того чтобы дело в отношении него было рассмотрено по существу в судебном заседании.

Однако подготовку к судебному заседанию нельзя сводить лишь к процедуре вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания. Так, на данном этапе свою деятельность осуществляет определенный круг государственных органов и иных лиц, разрешая

---

¹ Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации // URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=500393-6> (дата обращения: 15.09.2018).

² © Крипиневи² С. С., 2019.

конкретные задачи стадии, вытекающие из общих задач уголовного судопроизводства. Выделение подготовки к судебному разбирательству как отдельной стадии уголовного судопроизводства привело к тому, что научный интерес, как правило, ограничивается исследованием ее формы и содержания. Со стадией же связывается и восприятие совокупности правовых норм, регламентирующих соответствующую деятельность, как самостоятельного правового института.

В привычном понимании словосочетание «подготовка к судебному заседанию» понимается как комплекс норм, закрепленных гл. 33 и 34 УПК РФ, регулирующих порядок подготовки поступившего уголовного дела после предварительного расследования в суд для дальнейшего его рассмотрения по существу в первой инстанции. Однако элемент подготовительной деятельности к судебному заседанию не только предваряет рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции, но также присутствует в большинстве стадий уголовного судопроизводства, протекающих в форме судебных заседаний, в том числе и досудебных.

Суд согласно состязательным началам уголовного судопроизводства является органом, призванным разрешать уголовные дела, вследствие чего он создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, выступая в качестве гаранта реализации сторонами своих прав и законных интересов при отправлении правосудия по уголовному делу¹. К таким условиям можно отнести комплекс подготовительных действий судьи к судебному заседанию и устранение препятствий для вынесения законного, обоснованного и мотивированного решения по итогу проведения данного заседания.

Проблемам самой стадии подготовки к судебному разбирательству в первой инстанции посвящены многочисленные научные работы, активно исследуются вопросы оптимизации законодательного регулирования подготовительных действий в рамках данной стадии и вышестоящих судебных инстанциях, однако вопросы подготовки к судебным заседаниям, проводимым в рамках досудебных стадий уголовного судопроизводства практически не обсуждаются, не говоря уже о нормативном закреплении подготовительной деятельности в структуре уголовно-процессуального права как самостоятельного

---

¹ Курышева Н. С., Ишимов П. Л. Подготовка к судебному заседанию в российском уголовном процессе: монография. М., 2011. С. 4.

элемента правового регулирования в досудебном производстве. Однако неэффективная подготовка к судебному разбирательству вне зависимости от того, рассмотрение ли это уголовного дела по существу в первой инстанции или судебное заседание, назначенное в рамках досудебного производства, способна повлечь за собой нарушение законных прав участников уголовного судопроизводства или принятие незаконного итогового решения.

Развитие системы российского уголовного судопроизводства, включая расширение границ и объема судебной деятельности в досудебных стадиях, привело к возникновению необходимости расширения границ подготовительной деятельности суда, поскольку проведение судебного заседания в досудебном производстве требует тщательной подготовленности. Осуществление подготовительной деятельности возможно исключительно в рамках правоотношений, которые имеют уголовно-процессуальную природу и соответствующее правовое регулирование.

Однако подготовительная деятельность, предшествующая судебному заседанию в досудебных стадиях, до настоящего времени практически не имеет правовой основы. Что подразумевает за собой отсутствие единого последовательного алгоритма процессуальной деятельности по разрешению конкретных процессуальных вопросов и принятия определенных решений, предусмотренных законом.

Так, обобщение практики показывает, что суды на этапе до начала рассмотрения ходатайств следователя (о производстве следственных действий, применении мер пресечения или рассмотрения жалоб участников, поданных в порядке ст.ст. 125, 125.1 УПК РФ) вынуждены принимать решения, не предусмотренные действующим уголовно-процессуальным законом, например, о возвращении жалоб или ходатайств, как несоответствующих предъявляемым требованиям. При этом возникают системно взаимосвязанные вопросы об обеспечении прав участников, их защите и охране в случае вынесения судом решения, не предусмотренного УПК РФ, о соблюдении процессуальных сроков, о законности как самих решений, так и возникающих на их основе правоотношений. Так, законодатель признал обязательным участие в судебных заседаниях по рассмотрению отдельных вопросов, предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ, определенных лиц. Очевидно, что это участие должно преследовать некую цель. Из содержания назначения уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6 УПК РФ, можно сделать вывод, что такой целью являются за-

щита и охрана прав участников уголовного судопроизводства. Соответственно для достижения этой цели сами участники должны наделяться совокупностью процессуальных прав. В свою очередь, системные свойства уголовно-процессуального права предполагают, что права участников подлежат обеспечению специальными средствами их реализации, защиты и охраны, обладающими необходимой правовой основой. В настоящее время, несмотря на социальную и правовую значимость фактически складывающихся отношений между участниками на этапе до начала судебного заседания, эта правовая основа полностью отсутствует. Получается, что весь этот комплекс отношений базируется лишь на указании об обеспечении участия определенных лиц в судебном заседании по рассмотрению и разрешению вопросов, предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ, не имея при этом конкретных правовых предписаний.

Кроме того, есть ряд аспектов, требующих правового регулирования для надлежащей подготовки и организации судебного заседания, проводимого по вопросам, указанным в ч. 2 ст. 29 УПК РФ, а также для обеспечения законности и обоснованности судебного решения:

- об извещении заинтересованных лиц и обеспечении их участия в судебном заседании;
- об ознакомлении заинтересованных лиц с представленными в суд материалами для подготовки и обоснования процессуальной позиции;
- о повторном представлении материалов в суд после внесения изменений и исправлений;
- об истребовании судом дополнительных материалов по запросу сторон, необходимых для принятия законного и обоснованного решения, и др.

Однако эти и иные вопросы, имеющие широкое распространение в практической деятельности, не имеют уголовно-процессуального регулирования. Распространение же прецедентов на правоотношения, имеющие существенное значение для прав граждан и их законных интересов, представляется в современной системе уголовно-процессуального права недопустимым.

Подводя итог, можно сказать, что сегодня мы можем наблюдать развитие и совершенствование уголовного судопроизводства в направлении все большего вовлечения суда в разрешение различного рода насущных вопросов. Наличие судебного заседания в досудебных стадиях актуализирует потребность в его подготовке, включая орга-

низационную и процессуальную стороны. В настоящее время досудебные стадии включают производство судебных заседаний с привлечением большого количества участников и решением важнейших вопросов, затрагивающих законные интересы данных участников. На подготовительном этапе к судебному заседанию в досудебных стадиях уголовного судопроизводства складываются особые отношения между его участниками, которые обладают высокой социальной и правовой значимостью, затрагивают такие ценности (блага), которые существенны для отдельных личностей, всего общества и государства в целом. Данные факторы обуславливают объективную потребность в установлении обособленного, функционального, стабильного, системного, устойчивого правового регулирования указанных общественных отношений.

*Ле Куанг Вьет¹,
адъюнкт Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ДОКАЗЫВАНИЕ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ ВЬЕТНАМА

В ст. 60 УПК СРВ обвиняемым признается физическое или юридическое лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого и имеет свои права и обязанности.

Рассматриваемый участник уголовного судопроизводства приобретает процессуальный статус с момента привлечения его в качестве обвиняемого, порядок которого установлен в ст. 179 УПК СРВ.

Как и в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации, привлечение лица в качестве обвиняемого зачастую является основанием для избрания меры пресечения. Кроме этого привлечение лица в качестве обвиняемого может повлечь для данного участника уголовного процесса отдельные негативные последствия. С момента привлечения лица в качестве обвиняемого у него появляются процессуальные обязанности, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством СРВ. В случае несоблюдения примененных в отношении обвиняемого мер процессуального принуждения для него могут наступить конкретные негативные последствия. Например, со-

---

¹ © Вьет Ле Куанг , 2019.

гласно п. 4 ст. 60 УПК СРВ при неявке обвиняемого без уважительных причин к следователю для предъявления обвинения и допроса в качестве обвиняемого он может быть подвергнут принудительному доставлению к месту производства предварительного следствия либо может быть объявлен в розыск.

Вместе с тем, у лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, возникают права и обязанности, которыми он может воспользоваться, поэтому при рассмотрении материалов уголовного дела следователь должен доказать свою позицию. Иными словами, процесс привлечения лица в качестве обвиняемого – это часть процесса доказывания. Полагаем, что при рассмотрении вопроса о доказывании при привлечении лица в качестве обвиняемого в уголовно-процессуальном праве СРВ существуют и требуют разрешения следующие актуальные проблемы:

Во-первых, *достаточность оснований*. Законодатель указывает, что лишь при наличии достаточных оснований лицо может привлекаться в качестве обвиняемого. Однако, как и в УПК РФ, УПК СРВ не указывает конкретно, какие основания необходимы для рассмотрения лица в качестве обвиняемого.

Основания для привлечения лица в качестве обвиняемого – это доказательство совершения лицом преступления. Для получения данных доказательств следователь должен установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, которые предусмотрены ст. 85 УПК СРВ. Однако не все обстоятельства должны быть доказаны при привлечении лица в качестве обвиняемого, а их можно условно разделить на главные и второстепенные:

– главными могут быть: 1) существует ли событие преступления; 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; 3) характер и размер вреда, причиненного преступлением;

– второстепенными могут быть: 1) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; 2) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого или характер и размер вреда, причиненного преступлением.

Кроме того, в отличие от других процессуальных действий привлечение лица в качестве обвиняемого непосредственно влияет на изменение процессуального статуса лица, участвующего в уголовном судопроизводстве, так как согласно ч. 1 ст. 179 УПК СРВ следователь не просто собирает доказательства, а собирает их достаточный объем. Например: в ноябре 2013 г. следственный орган района Кинь Мон,

провинции Хай Зыонг принял сообщение о преступлении, заключавшееся в том, что гражданин Т. и Н. истязали своего шестилетнего ребенка – М. После принятия сообщения следственный орган района Кинь Мон вызывал Т. и Н. для получения показаний, вместе с тем, назначил судебную экспертизу для определения повреждений ребенка; допросил свидетелей. Однако после следственных действий следственный орган района Кинь Мон принял решение о том, что, хотя на теле ребенка существуют повреждения, однако не достаточно оснований, которые доказывают вину гражданина Т. и Н. Поэтому следственный орган района Кинь Мон отказал в привлечении Т. и Н. в качестве обвиняемых по ст. 110 УК СРВ¹.

В уголовном процессе СРВ, а также в правоприменительной практике не определено, наступление каких условий необходимо для решения следователем вопроса о достаточности доказательств, данная проблема решается только на основании внутреннего убеждения следователя. Иными словами, следователь сам рассматривает и оценивает признак «достаточности основания» – достаточность собранных доказательств. По мнению автора, достаточные доказательства в момент привлечения в качестве обвиняемого представляют собой лишь некоторую степень доказанности обстоятельств, составляющих содержание предъявленного обвинения, отражает вероятное знание, которое характеризуется постепенным повышением его надежности, когда увеличение количества поступившей информации приводит к получению нового качества – доказательства. Однако для обеспечения прав лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, следователь должен рассматривать все обстоятельства, связанные с данным лицом, по уголовному делу в соответствии с принципом презумпции невиновности, т. е. когда все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК СРВ, толкуются в пользу обвиняемого.

Например, при обнаружении трупа женщины в ее собственном доме следователь возбудил уголовное дело и установил личные данные потерпевшей – К., работающей в магазине продавцом. В ходе допроса свидетелей – знакомых К. следователь установил, что два дня назад К. поссорилась с гражданином М., после чего последний угро-

---

¹ URL: <https://laodong.vn/phap-luat/hai-duong-khoi-to-vu-an-bo-de-me-ke-hanh-ha-be-gai-6-tuoi-147545.bld>.

жал убить К. На месте происшествия обнаружен телефон, принадлежащий М.

В соответствии с положениями УПК СРВ при наличии оснований для обвинения лица в совершении преступления следователь выносит постановление о привлечении М. в качестве обвиняемого. Однако следователь должен толковать обстоятельства в пользу подозреваемого М., т. е. кроме собранных доказательств следователю необходимо рассматривать заключение эксперта и протоколы допроса свидетелей, чтобы найти имеющиеся оправдательные для подозреваемого М. доказательства, поскольку привлечение гражданина в качестве обвиняемого возможно только после собирания достаточного объема доказательств¹.

При рассмотрении положений УПК СРВ, в соответствии с ч. 1 ст. 60, а также с ч. 1 ст. 179 помимо физического, также привлекается в качестве обвиняемого и юридическое лицо. В уголовном процессе права и обязанности юридического лица в качестве обвиняемого осуществляются его законным представителем. Однако, на наш взгляд, юридическое лицо не может реализовать в полной мере свои права и обязанности обвиняемого. Поэтому полагаем возможным привлекать юридическое лицо в уголовном судопроизводстве в качестве гражданского ответчика и исключить его из определения понятия обвиняемого.

Во-вторых, *о субъектах доказывания*. Как уже отмечалось, в уголовном процессе СРВ привлечение лица в качестве обвиняемого рассматривается как следственное действие, поэтому субъект принятия постановления – следователь. Кроме того, по нашему мнению, субъектами доказывания права – проводить данное следственное действие являются не только следователь, но и прокурор. Отвечая на данный вопрос, можно сказать о том, что:

1) прокурор имеет право надзора за процессом привлечения лица в качестве обвиняемого, так как согласно ст. 179 УПК СРВ после принятия решения о привлечении лица в качестве обвиняемого следственный орган должен отправить данное постановление с материалами уголовного дела прокурору. Прокурор вправе дать согласие с постановлением о привлечении лица в качестве обвиняемого; либо отменить постановление о привлечении в качестве обвиняемого; или

---

¹ URL: <https://kenhphunu.com/truong-cong-an-xa-giet-co-giao-do-mau-thuan-tinh-ai.html>.

потребовать дополнить доказательствами, документами для утверждения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого или обвинительного тезиса;

2) прокурор вправе самостоятельно принимать решение о привлечении лица в качестве обвиняемого. Часть 4 ст. 179 и ч. 1 ст. 180 УПК СРВ гласят о том, что в случае обнаружения другого виновного лица, который еще не привлекался в качестве обвиняемого, прокурор вправе принять решение о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. После того возвращает дело следственным органам со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования.

Таким образом, прокурор также является субъектом доказывания при привлечении лица в качестве обвиняемого наряду со следователем.

В-третьих, соби́рание, проверка и оценка доказательств. Следователь в рамках своих полномочий должен собирать все сведения, которые имеют значение для доказывания виновности лица. После этого следователь также проверяет и оценивает собранные сведения на соответствие их свойствам относимости, допустимости и достоверности.

В-четвертых, процессуальное решение. Приняв решение о доказанности виновности лица в совершении преступления, следователь и прокурор вправе вынести постановление о привлечении его в качестве обвиняемого. Однако данный процессуальный документ не является окончательным или итоговым. Как и в уголовном процессе Российской Федерации, постановление изменяется, отменяется следственным органом либо прокурором. Согласно ст. 180 УПК СРВ следователь, прокуратура вправе изменять постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, когда: 1) в ходе проведения предварительного расследования установлено, что действия обвиняемого не соответствуют квалификации преступления, указанному в постановлении; 2) данные о личности обвиняемого, указанные в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого не соответствует фактическим данным. Например, в июне 2016 г. следственный орган по городу Вунг Тау – СРВ получил заявление о преступлении от гр-на Т. о том, что гражданин Н. совершил действия сексуального характера с ее дочкой – К. (2009 года рождения). После получения и проверки сообщения о преступлении следственный орган по городу Вунг Тау принял постановление о возбуждении уголовного дела. Од-

нако до марта 2018 г. производство по делу было приостановлено. 15 марта 2018 г. прокурор по городу направил документ следственному органу по городу Вунг Тау, в котором потребовал немедленно привлечь Н. в качестве обвиняемого по ст. 146 УК СРВ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста»¹.

Однако ч. 1 ст. 60 УПК СРВ указывает только о том, что обвиняемым признается лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, т. е. существует противоречие с другими положениями УПК СРВ. На практике все процессуальные решения следователя при проведении следственных действий должны получить согласие прокурора. В случае если прокурор не дает согласие на принятое следователем решение, данное постановление не является окончательным. Поэтому полагаем необходимым дополнить ч. 1 ст. 60 УПК СРВ следующими положениями:

«1. Обвиняемым признается физическое лицо, в отношении которого с согласия прокурора вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого; либо составлено обвинительное постановление».

Итак, привлечением в качестве обвиняемого является деятельность, в ходе которой изменяется статус лица, участвующего в уголовном судопроизводстве, т. е. комплекс его прав и обязанностей также преобразуется в соответствии с фабулой обвинения. Поэтому для проведения данного процессуального действия уполномоченные лица должны соблюдать положения уголовно-процессуального права СРВ.

---

¹ URL: <https://news.zing.vn/ong-lao-77-tuoi-dam-o-voi-tre-em-o-vung-tau-duoc-giam-an-post841695.html>.

К. А. Мальцев¹,

магистр Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: А. А. Шишков

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ

Для того чтобы определить правовой статус личности с перечнем прав и законных интересов при производстве дознания, нужно определить, что же такое личность и какими свойствами она должна обладать.

В философском понимании личность (маска, роль актера) – понятие, выработанное для отображения социальной природы человека, рассмотрение его как субъекта социокультурной жизни, определение его как носителя индивидуального начала. Проблема личности в философии является проблемой места, занимаемого в обществе.

В науке психологии понятие «личность» рассматривается по-разному.

Наиболее распространенная трактовка – личность – это человеческий индивид как субъект межличностных отношений и социальной деятельности.

В правовом же аспекте личность соотносится с понятием «человек». Следует согласиться с мнением Г. С. Кнабе, что личность – это характеристика человека с точки зрения его участия в общественной жизни. Личность и человек в широком смысле слова есть тождественные понятия.

В сфере уголовного судопроизводства человек должен быть наделен таким объемом прав, который позволил бы ему защититься от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения его прав и свобод, как того требует ст. 6 УПК РФ, определяющая назначение всего уголовного судопроизводства. Не случайно именно в главе 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства» назначением уголовного процесса признаны защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

---

¹ © Мальцев К. А., 2019.

В ст. 64 Конституции Российской Федерации закреплено понятие основы правового статуса личности, отражающие положение гл. 2 Основного закона. Из этого можно понять, что термин «правовой статус личности» имеет конституционное значение.

Расследование преступлений в форме дознания имеет некоторые проблемные вопросы и особенности. При производстве дознания не предусмотрена специальная процедура привлечения лица в качестве обвиняемого. Лицо приобретает статус обвиняемого уже по окончании дознания, после вынесения обвинительного акта, который является процессуальным документом, в котором дознаватель приводит итоги дознания и наделяет подозреваемого всеми процессуальными правами обвиняемого.

В связи с этим можно сказать, что обвинительный акт приравнивается к постановлению о привлечении лица в качестве обвиняемого. Также обвинительный акт по своей сути не отличается от обвинительного заключения. Только при невозможности составить обвинительный акт не позднее 10 суток со дня заключения подозреваемого под стражу ему предъявляется обвинение в порядке, установленном для предварительного следствия (ч. 2, 3 ст. 224 УПК РФ.)

Существует определенная проблема, а именно, после составления обвинительного акта допрос обвиняемого при производстве дознания не предусмотрен. Также закон не указывает, каким образом осуществлять допрос лица после ознакомления с обвинительным актом, если обвиняемый и его защитник ходатайствуют об этом.

Данное обстоятельство ограничивает как права и законные интересы обвиняемого, так и дознавателя. В первом случае обвиняемый, исходя из фабулы обвинения, мог бы изменить свои показания, понимая полностью, в чем его обвиняют и какая доказательная база против него собрана. Относительно полученной информации из фабулы обвиняемое лицо может более осознанно и качественно себя защищать. В то время как для дознавателя в том, что не предусмотрен повторный допрос, утрачивается возможность получить такое доказательство, как показания обвиняемого.

Л. Г. Татьяна справедливо считает, что при признании лица обвиняемым дознаватель обязан разъяснить ему его права и предоставить возможность дать показания по поводу предъявленного обвинения. Лишение обвиняемого права высказать свое отношение к предъявленному обвинению означает нарушение права на защиту.

Закон также не регламентирует действие дознавателя при поступлении ходатайства обвиняемого о его допросе по существу обвинения после ознакомления с обвинительным актом. Зачастую дознаватели отказывают в удовлетворении ходатайства, не имея на то оснований.

Для обеспечения прав личности, соблюдения законности и повышения качества производства дознания предложен комплексный подход к рассмотрению процессуальных полномочий дознавателя, начальника подразделения дознания и начальника органа дознания и их дифференциации, предусматривающей что:

1) процессуальные полномочия дознавателя по обеспечению прав личности при производстве дознания заключаются в его обязанностях по разъяснению прав, обязанностей и ответственности участникам уголовного процесса для уяснения и единообразного их понимания и по обеспечению возможности осуществления этих прав; предупреждению лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, о том, что их показания могут использоваться в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу; принятию мер безопасности при необходимости в отношении потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства, а также по обеспечению возмещения причиненного преступлением ущерба;

2) под уголовно-процессуальной ответственностью дознавателя необходимо понимать ответственность, наступающую в случае нарушения им уголовно-процессуального закона и выражающуюся в обязанности: устранить допущенное нарушение, принять меры по восстановлению прав участника уголовного судопроизводства. Ответственность может выражаться как в отстранении дознавателя от расследования уголовного дела, так и наступлении дисциплинарной, гражданско-правовой, материальной и уголовной ответственности;

3) следует усовершенствовать процессуальные полномочия начальника органа дознания и начальника подразделения дознания за счет:

– предоставления начальнику органа дознания права возвратить обвинительный акт, обвинительное постановление дознавателю в случае неполноты дознания, нарушений закона, с указанием на необходимость их устранения, а также права принятия решения в соответствии со ст.ст. 144–145 УПК РФ по постановлению дознавателя о выделении из уголовного дела материалов, содержащих сведения о новом преступлении;

– передачи начальнику подразделения дознания полномочий прокурора: по установлению срока дознания в случае отмены постановления о приостановлении его производства начальником подразделения дознания, соединению уголовных дел, находящихся в производстве дознавателей; отстранять дознавателя от расследования в случае нарушения уголовно-процессуального закона; по даче согласия дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения.

Законодателем продекларированы права и обязанности, соответствующие международным, конституционным и гражданско-правовым принципам, однако механизмы их обеспечения при расследовании преступлений в форме дознания еще несовершенны.

Еще в Концепции судебной реформы Российской Федерации 1991 г. предлагалось упразднить дознание как форму расследования преступлений, отделить следственные органы от органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, возложить на органы дознания только производство неотложных следственных действий на первоначальном этапе расследования, создать единый следственный аппарат.

Реалии таковы, что дознание не только осталось в УПК РФ как альтернатива предварительному следствию, но и претерпело множество изменений. Кроме того, с принятием Федерального закона от 4 марта 2013 г. дознание разделилось на общее и сокращенное (гл. 32.1 УПК РФ). Подтверждением необходимости существования дознания как формы расследования служат показатели расследованных уголовных дел. Например, по данным МВД России, в 2017 г. расследовано и раскрыто 646.1 тыс. преступлений, предварительное следствие по которым необязательно, и 592.1 тыс. преступлений, по которым предварительное следствие обязательно. Таким образом, около половины общего числа регистрируемых преступлений составляют деяния, предварительное расследование по которым производится в форме дознания. Именно поэтому одной из актуальных в современной науке уголовного процесса по-прежнему остается проблема сохранения и совершенствования дознания как формы предварительного расследования и неотъемлемой части обеспечения прав личности при его производстве.

О. В. Мичурина¹,

*профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России*

имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

В. В. Миронов²,

слушатель Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Доказывание представляет собой активную и целенаправленную деятельность государственных органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Его содержание традиционно складывается из комплекса процессуальных действий по установлению искомых обстоятельств, уяснению их сущности и обоснованию соответствующих выводов. Это сложный процесс от незнания к знанию, от вероятного к достоверному. Составляющий такой процесс действия разнообразны и могут быть сгруппированы в отдельные, относительно самостоятельные элементы, именуемые этапами доказывания: собирание, проверку и оценку доказательств. Процесс доказывания не содержит четко установленных границ между элементами, все происходит непрерывно. Доказательства проверяются путем собирания новых доказательств, одновременно оцениваются, вследствие чего опять принимается решение о собирании доказательств, которые в свою очередь, служат для проверки уже имеющихся и т. д. Таким образом, собирание доказательств, а тем более их проверка, постоянно сопровождаются оценкой, т. к. в противном случае субъект доказывания просто не мог бы двигаться вперед.

Относительно производства органом дознания неотложных следственных действий в порядке ст. 157 УПК РФ указано, что они осуществляются им в целях обнаружения и фиксации доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. Таким образом, неотложные следственные действия также нацелены на собирание, проверку и оценку доказательств, но только в особых неотложных случаях и носят незамедлительный характер. Все это

---

¹ © Мичурина О. В., 2019.

² © Миронов В. В., 2019.

позволяет заключить, что при производстве неотложных следственных действий органом дознания осуществляется доказывание.

Производство органом дознания неотложных следственных действий не является формой предварительного расследования и не охватывается понятием «дознание», а представляет собой одно из его полномочий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно. Ранее действовавший УПК РСФСР предусматривал два вида дознания: дознание по делам, по которым предварительное следствие обязательно (ст. 119), и дознание по делам, по которым предварительное следствие не обязательно (ст. 120). Нынешний УПК РФ сузил понятия «дознание», ограничив его только уголовно-процессуальной деятельностью по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно. Если рассматривать производство органом дознания неотложных следственных действий не как разновидность дознания, а только как вид его процессуальной деятельности, то возникает вопрос: в каком процессуальном режиме он осуществляется? Этот вопрос важен и в аспекте доказывания для установления легитимности его результатов.

Итак, производство органом дознания неотложных следственных действий не является разновидностью дознания, третьей формы предварительного расследования закон не предусматривает, поэтому руководствуясь логикой закона, попытаемся предположить, что орган дознания производит неотложные следственные действия в форме предварительного следствия. Это его процессуальное полномочие в п. 2 ч. 2 ст. 40 УПК РФ так и звучит: «Выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно». Вместе с тем, мы признаем, что данный вывод вряд ли был бы оправдан. Неправильно считать, что орган дознания может производить предварительное следствие. Только одно мы можем безошибочно констатировать, что производство органом дознания неотложных следственных действий является предварительным расследованием. Впрочем, как и осуществление неотложных следственных действий следователем и дознавателем, в случае, если они установят, что уголовное дело им не подследственно (ч. 5 ст. 152 УПК РФ). Следователь или дознаватель будут реализовывать неотложные следственные действия в рамках той формы предварительного расследования, которую они производят, а именно: соответственно предварительного следствия или дознания.

А в какой форме предварительного расследования осуществляет неотложные следственные действия орган дознания, сказать затруднительно.

Таким образом, мы можем допустить лишь то, что производство неотложных следственных действий представляет собой какой-то факультативный первоначальный этап предварительного расследования, на котором орган дознания в особой неотложной ситуации возбуждает уголовное дело вместо следователя и выполняет процессуальную деятельность по делам, ему не подследственным. Тогда необходимо выяснить, с какой целью он ее осуществляет. Тем более, что этот этап проходят не все уголовные дела, по которым обязательно предварительное следствие.

Для производства органом дознания неотложных следственных действий должна иметься реальная угроза утраты доказательств в случае промедления расследования по одной единственной причине – отсутствие следователя. Отсутствие это может быть вызвано его болезнью, командировкой, а также невозможностью прибыть на место происшествия, что особенно актуально для нашей страны с учетом ее больших расстояний, географической удаленности отдельных территорий и т. п. К примеру, между местом дислокации следственного органа и местом совершения преступления могут быть многие сотни километров, в связи с чем следователь не имеет оперативной возможности своевременно прибыть на место происшествия. Отсутствие следователя и невозможность его участия в уголовно-процессуальной деятельности не следует рассматривать как основание к тому, чтобы не реагировать на факт совершения преступления. В ожидании следователя (порой до нескольких дней) возможна утрата следов преступления, доказательств, а лицо, совершившее преступление, может скрыться. Именно для таких случаев обязанность возбуждения уголовного дела и производство по нему неотложных следственных действий и возлагаются на органы дознания в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования (п. 19 ст. 5 УПК РФ).

Вопрос о правовой природе неотложных следственных действий в юридической литературе решается неоднозначно. Так, С. П. Сереброва выполнение органом дознания неотложных следственных дей-

ствий по-прежнему считает дознанием¹. З. Ф. Коврига вообще не указывает, к какой форме расследования следует отнести выполнение органом дознания неотложных следственных действий. По мнению А. П. Кругликова, неотложные следственные действия являются не чем иным, как предварительным следствием на первоначальном его этапе². Нередко на практике и в теории неотложные следственные действия отождествляются со следственными действиями, проводимыми в случаях, не терпящих отлагательства (ч. 5 ст. 165 УПК РФ) или первоначальными следственными действиями³.

С этимологической точки зрения неотложные следственные действия это те, производство которых нельзя отложить «на потом», которые нужно произвести немедленно. УПК РСФСР относил к ним осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемого, допрос потерпевших и свидетелей (ч. 1 ст. 119). Вряд ли правильно было ограничивать деятельность органов дознания рамками указанного перечня, т. к. сложно предусмотреть, какие действия могут оказаться неотложными в каждом конкретном случае. Все зависит от вида преступления и сложившейся ситуации. Теперь орган дознания сам определяет, какие следственные действия носят неотложный характер. Их перечень законом не установлен. Таким образом, орган дознания вправе их производить в таком количестве и в такой последовательности, в котором сочтет необходимым исходя из конкретных обстоятельств уголовного дела. И все-таки его нельзя при этом отождествлять со следователем, а также уравнивать в полномочиях. Остальные процессуальные действия (кроме следственных) уже выходят за рамки полномочий органа дознания и относятся только к исключительной компетенции следователя. В частности, орган дознания не вправе принимать решение о выделении, соединении уголовных дел, привлечении в качестве обвиняемого, применении мер процессуального принуждения, у него нет полномочий на принятие каких-либо итоговых решений по уголовному делу.

---

¹ Уголовный процесс России: учебник / науч. ред. В. Т. Томин. М., 2003. С. 313.

² Кругликов А. П. Начало предварительного следствия органом дознания как форма его взаимодействия со следователем // Уголовный процесс. – 2006. – № 2. – С. 87.

³ См., например: Федюкина А. Ю. Производство неотложных следственных действий как предпосылка возбуждения уголовного дела // Юрист-правовед. – 2009. – № 2. – С. 83–86.

После направления уголовного дела руководителю следственного органа орган дознания вправе производить по нему следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия только по письменному поручению следователя. Если лицо, совершившее преступление, не установлено, то орган дознания обязан по собственной инициативе проводить по уголовному делу розыскные и оперативно-разыскные мероприятия для установления лица, совершившего преступление, с последующим уведомлением следователя о результатах работы.

А. А. Мишенина¹,

*заведующий кафедрой уголовного процесса 4-го факультета
повышения квалификации (с дислокацией в г. Нижний Новгород)
ИПК Московской академии*

Следственного комитета Российской Федерации

РАЗВИТИЕ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Действующий УПК РФ содержит ряд положений, являющихся продолжением отдельных норм международного законодательства.

Так, согласно ст. 5 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) каждому человеку гарантируется право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в случаях и в порядке, установленном законом. Обвиняемый в совершении преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком.

Каждому привлекаемому к уголовной ответственности Конвенция гарантирует определенный минимум прав (право на защиту, на разумные сроки судопроизводства, право на компенсацию и другие).

Предписания Конвенции являются обязательными для всех государств, участвующих в Европейской конвенции, и должны быть реализованы в национальном законодательстве.

Но если Конвенция прописывает подробно права подозреваемых и обвиняемых, подвергнутых уголовному преследованию, то права лиц, пострадавших от преступления, нашли свое выражение в возможности «эффективного средства правовой защиты в государственном органе» (ст. 13 Конвенции).

---

¹ © Мишенина А. А., 2019.

Основной закон Российской Федерации гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации .

Права потерпевших в защите от преступлений охраняются законом. Им обеспечиваются доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации).

Конституционные права и законные интересы граждан требуют обеспечения и реализации¹. В уголовно-процессуальном законе должны содержаться нормы, обеспечивающие права всех участников процесса в равной мере.

Как отмечалось, уголовно-процессуальные нормы – принципы уголовного судопроизводства, регламентируют права участников уголовного процесса, прежде всего подозреваемого и обвиняемого и потерпевшего.

Уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования, ограничений прав и свобод, а также защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления.

Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ) имеет особое значение. Суд и представители стороны обвинения обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав.

Эта обязанность закреплена по отношению к лицам, не являющимся участниками уголовного процесса, но в отношении которых осуществляется процессуальная деятельность, затрагивающая их права и интересы (ст.ст. 49, 119, 144 УПК РФ). В случае обращения с ходатайствами о нарушении прав в отношении лиц, не имеющих формального процессуального статуса, их доводы должны быть проверены должностными лицами органов предварительного расследования, прокурором, судом.

---

¹ Гапонов О. И., Гришин А. В. К вопросу о реализации конституционных прав граждан Российской Федерации и некоторых путях совершенствования основного закона страны // Материалы II Международной научно-практической конференции «Уголовный закон: современное состояние и перспективы развития». – 2018. – С. 29–33.

Одним из важнейших принципов является принцип состязательности, определяющий стороны в уголовном процессе – обвинения и защиты.

Согласно ст. 15 УПК РФ уголовное судопроизводство должно осуществляться на основе состязательности сторон. Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. Суд же создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Участники со стороны обвинения, со стороны защиты, а также иные участники уголовного судопроизводства выделены законодателем в отдельные главы. За каждым участником закреплены полномочия.

Состязательность предполагает равные возможности для сторон в процессе. На стадии предварительного расследования нормы, определяющие возможности стороны обвинения, значительно шире. Ведущая роль определения хода расследования отведена должностным лицам, осуществляющим дознание и предварительное следствие, что объяснимо, поскольку основная функция данной стадии процесса – уголовное преследование.

На стадии судебного разбирательства принцип состязательности, предполагающий равные возможности сторонам обвинения и защиты, наиболее соответствует своей формулировке.

Статьей 9 УПК РФ закреплен принцип уважения чести и достоинства личности. Согласно этому принципу в ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Вред, причиненный лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, подлежит возмещению по основаниям и в установленном законом порядке.

Право каждого гражданина на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов

государственной власти или их должностных лиц, также гарантируется ст. 53 Конституции Российской Федерации. Указанные гарантии в отечественном законодательстве соответствует нормам Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ч. 5 ст. 5), где определено, что «каждый, кто был жертвой ареста или содержания под стражей, произведенных в нарушение положений данной статьи, имеет право на компенсацию.

Действующий УПК РФ (п. 34 ст. 5, ст. 135, 136 и другие) содержит понятие реабилитации в уголовном процессе – порядка восстановления прав и свобод лица, незаконно и необоснованно подвергнутому уголовному преследованию, и возмещения причиненного им вреда. Это, безусловно, является гарантией принципа уважения чести и достоинства личности¹.

Механизм восстановления нарушенных прав был прописан в отдельной главе 18, которая призвана обеспечить реализацию гарантированного Конституцией Российской Федерации права на реабилитацию лица, незаконно (необоснованно) подвергнутого уголовному преследованию.

Законодатель предоставил возможность восстановления в нарушенных правах не только участникам уголовного судопроизводства – подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, осужденному и оправданному, но и иным лицам, права которых могли быть нарушены (к примеру, юридическому лицу, которому причинен вред незаконными действиями (бездействием) и решениями), а также в случае смерти реабилитированного – его родственникам.

Уголовно-процессуальным законом установлен принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ) согласно которому, судья, прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся собранных ранее доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Участникам уголовного судопроизводства одновременно предоставлено право собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их в качестве доказательств (ч. 2 ст. 86 УПК РФ).

Гарантией реализации прав участников уголовного процесса является глава 16 УПК РФ, посвященная обжалованию действий и реше-

---

¹ Коршунов А. В. Вопросы реабилитации в уголовном процессе России // Научный портал МВД России. – 2017. – № 1 (37). – С. 29–32.

ний суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Особо оговорен порядок судебного контроля за действиями (бездействием) и решениями должностных лиц при осуществлении уголовного судопроизводства в случае, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников процесса (ст. 125 УПК РФ). Положения этой нормы в дальнейшем получили свой развитие в ст. 125.1 УПК РФ¹.

Данные нормы призваны реализовать права каждого участника судопроизводства, максимально обеспечить возможности защиты их прав и законных интересов в уголовном процессе.

Возмещение имущественного вреда, согласно п. 3¹ ч. 2 ст. 29 УПК РФ отнесено к исключительной компетенции суда.

Только суду согласно ст. 29 УПК РФ, в том числе в ходе досудебного производства, принадлежит право принимать решения по ряду вопросов, возникающих у следователя на стадии предварительного следствия: об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога; о наложении ареста на имущество и другие.

Это свидетельствует о стремлении законодателя укрепить судебный контроль за действиями (бездействием), решениями должностных лиц, осуществляющих досудебное производство, и реализовать закрепленные законом гарантии участников процесса. А также обеспечивает широту их возможностей на защиту прав и законных интересов, защиту от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод и назначение виновному справедливого наказания в рамках разумного срока уголовного судопроизводства.

На протяжении нескольких последних лет наблюдается тенденция к совершенствованию уголовно-процессуального закона:

– расширены возможности участия защитника в уголовном процессе до начала уголовного преследования с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении (ст. 47, 144 УПК РФ);

---

¹ Селина Е. В. О новых полномочиях суда в связи с введением статьи 125.1 УПК РФ // Российский судья. – 2015. – № 7. – С. 31–35.

– более подробно регламентированы права потерпевшего и его представителя (ст.ст. 42, 45, 198 УПК РФ);

– повышены требования к проведению следственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетних (ст.ст. 45, 191, 196 УПК РФ) и некоторые другие.

Нововведения свидетельствуют о развитии норм уголовно-процессуального законодательства, обеспечивающих права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, что следует отметить как положительное.

Т. А. Морозова¹,

старший преподаватель кафедры

предварительного расследования Нижегородской академии

МВД России, кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННЕМ УБЕЖДЕНИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Говоря о сущности принципа свободной оценки доказательств, стоит отметить, что законодательством определено следующее положение, согласно которому судьи, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, которое в свою очередь базируется на совокупности имеющейся в уголовном деле доказательственной базе. Данное положение дублируется и ч. 1 ст. 88 УПК РФ, где закреплено, что все доказательства, собранные в рамках расследования, подлежат оценке совокупно для определения их достаточности для принятия решения по уголовному делу.

На наш взгляд, нормативное закрепление возможности принятия решения по каждому юридическому факту, основываясь лишь на достаточной совокупности доказательств, имеет важное значение, поскольку представляется сложным доказать наличие или отсутствие любого обстоятельства по уголовному делу при помощи одного лишь доказательства. Думается, что необходимо применять совокупность взаимно проверенных доказательств, т. к. именно она дает возможность подтверждения или опровержения любого обстоятельства, входящего в предмет доказывания.

В юридической литературе имеется несколько точек зрения, касающихся понятия и содержания внутреннего убеждения. По мнению

---

¹ © Морозова Т. А., 2019.

А. Р. Ратинова, указание закона на внутреннее убеждение стоит понимать как исключительное право должностного лица, в чьем производстве находится расследуемое уголовное дело¹. П. А. Лупинская рассматривает внутреннее убеждение не иначе как принцип оценки доказательств, в основе которого, как она считает, должно быть всестороннее, полное и объективное рассмотрение совокупности всех обстоятельств². М. А. Чельцов, В. Д. Арсеньев и другие ученые рассматривают внутреннее убеждение не иначе как критерий, метод и в конечном счете результат оценки доказательств. Ю. К. Орлов определяет внутреннее убеждение как чувство уверенности и убежденности в правильности собственных выводов. Как моральную, так и этическую сторону внутреннего убеждения, по его мнению, характеризуют действия, поступки, совершенные в соответствии со своими убеждениями. Также Ю. К. Орлов выделяет среди признаков свободной оценки доказательств следующие: отсутствие в нем каких-либо формальных предписаний и не связанность свободной оценки субъекта законом; запрет вмешательства в оценочную деятельность и не связанность субъекта оценки мнением других субъектов³. С позицией Ю. К. Орлова, на наш взгляд, стоит не согласиться ввиду того, что положения первого признака противоречат ч. 2 ст. 17 УПК РФ, где субъекту оценки дается четкое указание о недопустимости использования конкретного метода оценки доказательства, другими словами, говорить о какой-либо не связанности субъекта оценки самим законом нельзя. Кроме того, ст. 88 УПК РФ содержит положение, касающееся оценивания доказательств в их совокупности. Второй признак, указанный Ю. К. Орловым, бесспорно, является значимым признаком внутреннего убеждения субъекта, поскольку оно отражает личную оценку субъекта доказывания. При этом, на наш взгляд, не совсем правильным является включение в содержательную сторону данного признака указание на запрет вмешательства в оценочную деятельность. Данный запрет важен для доказывания, но в то же время выступает лишь условием формирования внутреннего убеждения того или иного субъекта доказывания. Стоит отметить, что содержатель-

---

¹ Ратинов А. Р. Внутреннее убеждение при оценке доказательств: теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 475.

² Лупинская П. А. Оценка доказательств. Уголовно-процессуальное право / под ред. П. А. Лупинской. М., 1997. С. 162.

³ Орлов Ю.К. Заключение эксперта как источник выводного знания в судебном доказывании : дис. ... докт. юрид. наук. М., 1985. С. 51.

ная сторона рассматриваемой категории не исчерпывается лишь указанием на самостоятельную и личную оценку доказательств субъектом доказывания. В данном случае более значимым выступает психологический компонент, при котором субъект доказывания уверен, что оцененные им доказательства в полной мере отвечают требованиям, а именно: относимость, допустимость, достоверность, достаточность. В этой связи закономерно встает вопрос возможности принятия решений не по своему внутреннему убеждению, на который можно получить положительный ответ. Это случается, когда имеется четко заданный алгоритм действий. Существует большое количество правил, предписывающих, как необходимо поступать в той или иной ситуации, поэтому и внутреннего убеждения от него не требуется. Такая же ситуация складывается и в процессе познания, там, где присутствует четкий алгоритм получения вывода и соответственно принятия решения, говорить о внутреннем убеждении не приходится. Вывод из вышесказанного напрашивается сам собой – возможны лишь две взаимоисключающие системы оценки доказательств – формальная и свободная, на основе внутреннего убеждения.

Формализованный путь познания обладает рядом преимуществ, сводит к минимуму, если не исключает полностью ошибки, но верен он будет лишь при правильности алгоритма. Нам думается, что создать такой алгоритм для уголовно-процессуального доказательства невозможно. За последние годы создаются новые возможности для формализации процесса доказывания на качественно новом уровне, где в области экспертного исследования доказательств создаются и успешно применяются автоматизированные методики. Но все же, несмотря на это, процесс доказывания остается содержательным, поскольку никакого универсального алгоритма, который был бы пригоден на все случаи доказывания, нет и вряд ли он когда-нибудь будет создан, ввиду чего ядром оценки доказательств остается внутреннее убеждение. Говоря о содержании понятия внутреннее убеждение, необходимо обратиться к ч. 2 ст. 17 УПК РФ: никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. С юридической точки зрения сила всех доказательств, включая признательные показания обвиняемого своей вины, одинакова, что подразумевает под собой следующее: следователь, суд, прокурор, дознаватель, формируя выводы по уголовному делу, свободно оценивают все имеющиеся доказательства по делу, исходя из своего внутреннего убеждения, основывающегося на совокупности имеющихся доказательств, будучи свобод-

ным при их оценке от каких-либо формальных предписаний. Закон не определяет, какими доказательствами должны быть установлены те или иные обстоятельства, не устанавливает заранее силы доказательств как заведомо лучших или худших, а также преимущества каких-либо видов доказательств. В связи с этим мы разделяем позицию Г. М. Миньковского, который полагает, что подход к оценке доказательств на любой стадии определяется непредвзятостью, независимостью, отсутствием предопределенности¹.

Из анализа законодательства следует, что оценивание доказательств по внутреннему убеждению предусматривает такой порядок, при котором эта оценка производится органом, ведущим расследование, при отсутствии заранее установленных правил о значимости и силе доказательств, а также завершается категорическими выводами и решениями, которые исключают любое сомнение в их правильности.

Необходимо отметить и тот факт, что юридической силой обладают те доказательства, которые не просто входят в субъективно определенную следователем или судом совокупность, но увеличивают доказательственное воздействие друг на друга в отдельности и всей совокупности в целом. Любой юридический факт может считаться доказательным, если для этого было использовано несколько взаимосвязанных доказательств. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что недопустимо определять совокупность доказательств, необходимую для правильного разрешения уголовного дела, посредством простого математического числа. Она должна содержать определенный набор совокупностей доказательств, устанавливающих определенные юридические факты, входящие в предмет доказывания, при этом стоит заметить, чем более тесная связь имеется между средствами доказывания этих фактов, тем более убедительна и вся совокупность доказательств по уголовному делу в целом. Непредустановленность силы доказательств выступает основой при анализе соотношения свободной оценки доказательств с системой формальных доказательств, где все подвергается строгой регламентации, другими словами, в отличие от формальной свободная оценка доказательств базируется на отсутствие каких-либо заранее установленных правил.

---

¹ Миньковский Г. М. Оценка доказательств. Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / под ред. В. П. Божьева. М., 1995. С. 145.

Все вышеизложенное дает нам возможность понимать под внутренним убеждением устойчивое, нравственно обоснованное, свободное от мнения иных лиц отношение следователя, дознавателя, прокурора, суда, присяжных заседателей к истинности результатов познания обстоятельств, определяющих содержательную сторону доказательства, определяющее готовность субъекта процесса к принятию решения по делу в условиях процессуально-правовой регламентации. Закрепленный в УПК РФ принцип свободной оценки доказательств гласит, что оценка доказательств априори произвольной быть может, внутреннее убеждение должно базироваться на совокупности имеющихся в деле доказательствах, при этом под совокупностью доказательств необходимо понимать систему юридически значимых обстоятельств уголовного дела.

А. Б. Назарова¹,

научный сотрудник НИЦ-3 НИИ ФСИН России;

С. А. Копыткин²,

*старший научный сотрудник НИЦ-3 НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук*

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Согласно данным, полученным из статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2012 г. судами по первой инстанции рассмотрено 873177 представлений, ходатайств, в 2013 г. – 783826, в 2014 г. – 707983, в 2015 г. – 698154, 2016 г. – 820866, в 1 полугодии 2017 г. – 401388 соответственно³, что в свою очередь позволяет сделать вывод о высокой степени участия сотрудников УИС в судебном разбирательстве, включая подготовку и представление доказательственной информации в суде.

Необходимо также отменить, что стадия исполнения приговора является стадией уголовного процесса, имеющей тесную связь с фактической деятельностью по осуществлению наказания⁴, в связи с чем

---

¹ © Назарова А. Б., 2019.

² © Копыткин С. А., 2019.

³ Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: <http://www.cdep.ru>.

⁴ Тябина Ю. А. Уголовно-процессуальные правоотношения в стадии исполнения приговора : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2016. С. 17.

содержание общественных отношений, возникающих на данном этапе отправления правосудия, является предметом дискуссии.

Одним из наиболее распространенных вопросов, возникающих в ходе подобных дискуссий, являются вопросы об обособленности и самостоятельности данной стадии уголовного процесса.

Анализ научных взглядов в рамках рассматриваемой тематики позволяет констатировать, что, с одной стороны, стадия исполнения приговора рядом ученых признается, как особое производство¹, которое не может являться полноценной стадией уголовного процесса, или вообще является актом внесудебного характера, который производится административными органами по особым правилам, выходящим за пределы УПК РФ². С другой стороны, стадия исполнения приговора в своем содержании имеет все признаки, присущие самостоятельной стадии уголовного судопроизводства³.

На наш взгляд, представляется наиболее верной позиция авторов, утверждающих, что уголовно-процессуальные нормы, регулирующие деятельность по исполнению приговоров и корректированию наказаний в ходе их исполнения, являются составной частью уголовно-процессуального права, а регулируемая рассматриваемыми нормами деятельность в свою очередь является неотъемлемой стадией исполнения приговора⁴ в связи с тем, что, как и любая стадия уголовного процесса, стадия исполнения приговора имеет особенное содержание, позволяющее отличить данную стадию от других.

К одному из аспектов содержания стадии исполнения приговора относятся процессуальные формы деятельности, осуществляемой в стадии исполнения приговора судьей и другими субъектами уголов-

---

¹ См. напр.: Николук В. В. Уголовно-исполнительное производство в СССР : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Омск, 1991 ; Добровольская Т. Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговоров. М., 1979. С. 35.

² Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. : Госюриздат, 1950. С. 291.

³ Аврах Я. С. Исполнение приговоров по УПК РСФСР // Новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РСФСР. Ученые записки Казанского университета. – 1961. – С. 191–192 ; Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 6–7 ; Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск : Изд-во Томского университета, 1978. С. 81–83 и др.

⁴ Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск : Изд-во Томского университета, 1978. С. 81–83.

ного процесса, которые во многом совпадают с процессуальными формами, действующими в других стадиях, имея при этом ярко выраженные особенности, которые в других стадиях процесса не встречаются. Примером подобного утверждения могут служить: наличие ходатайства заявителя в качестве акта для инициирования производства по вопросам, возникающим в процессе исполнения приговора; исключительно судебный порядок разрешения подобных инициатив; рассмотрение вопросов без истребования и изучения уголовного дела; вынесение постановления судьей по возникающим в процессе исполнения приговора вопросам¹.

Следующим немаловажным аспектом содержания рассматриваемой стадии уголовного процесса является тот факт, что в стадии исполнения приговора действует определенный круг участников уголовно-процессуальной деятельности, между которыми складываются специфические уголовно-процессуальные правоотношения. К таким участникам относятся судья, прокурор, учреждение и орган, исполняющий наказание, осужденный, лицо, в отношении которого применены меры уголовно-правового характера, и др.

Примечательно, что деятельность субъектов и, в частности, суда в стадии исполнения приговора основана на единых принципах уголовного процесса и направлена на достижение общих задач уголовного судопроизводства, предусмотренных ст. 6 УПК РФ, к которым возможно отнести защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Одновременно с этим ч. 2 ст. 6 УПК РФ устанавливает, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Следовательно, задачи, стоящие перед уголовным процессом, не ограничиваются периодом предварительного расследования, судебного разбирательства, вынесения и вступления приговора в законную

---

¹ Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве : монография. М. : Юрлитинформ, 2006. С. 8–9.

силу, но распространяются и на стадию исполнения приговора, что следует из анализа ч. 2 ст. 6 УПК РФ¹.

Очередным дискуссионным вопросом, связанным с содержанием стадии исполнения приговора, является наличие процесса доказывания, отличающегося от аналогичного процесса, осуществляемого в рамках ст. 73 УПК РФ.

Специфика предмета доказывания при разрешении судом дел, возникающих при исполнении приговоров, была замечена Г. М. Миньковским. По мнению ученого, «доказывание в стадии исполнения приговора как бы «ответвляется» от основного его направления при производстве по уголовному делу, имея конкретную (а не промежуточную) цель локального характера обеспечить своевременное начало и прекращение исполнения приговора и устранить все возникающие при его исполнении сомнения и неясности. Поэтому стадия исполнения приговора имеет свою «автономную» совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию, в зависимости от вопроса, который подлежит решению»².

Общеизвестно, что судебное разбирательство по уголовному делу имеет своим предметом установление виновности или невиновности подсудимого. Процедура же разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, имеет иной предмет, определяемый существом отдельных, разрешаемых судом вопросов, не предполагающий пересмотра существа самого приговора³. Следовательно, нельзя утверждать, что суд, рассматривающий уголовное дело, и суд, разрешающий вопросы в стадии исполнения приговора, подвергает оценке одни и те же обстоятельства⁴.

---

¹ Конин В. В. Правовая природа стадии исполнения приговора // Адвокат. – 2015. – № 10. – С. 22–28.

² Белкин Р. С., Винберг А. И., Дорохов В. Я., Карнеева Л. М., и др.; Редкол. : Н. В. Жогин (Отв. ред.), Г. М. Миньковский, А. Р. Ратинов, В. Г. Танасевич, А. А. Эйсман. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрид. лит, 1973. С. 157.

³ Червоткин А. С. Процессуальные особенности рассмотрения вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора // Российская юстиция. – 2015. – № 10. – С. 27.

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2014 г. № 2843-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Глазкина Алексея Геннадьевича на нарушение его конституционных прав статьями 63 и 399 Уголовно-процессуального кодекса РФ» (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

По нашему мнению, специфику процесса доказывания в стадии исполнения приговора возможно определить как совокупность значимых обстоятельств, подлежащих установлению и необходимых для вынесения судом законного и обоснованного решения в рамках ст.ст. 397, 398, 400 УПК РФ. Помимо этого очевидно, что ст. 73 УПК РФ не учитывает в качестве обстоятельств, подлежащих доказыванию, вопросы, рассматриваемые судом в соответствии со ст.ст. 397, 398, 400 УПК РФ, за исключением случаев, когда осужденный в период отбывания наказания совершил действия, предусмотренные ст. 314 УК РФ.

Процесс доказывания в стадии исполнения приговора обладает еще одной немаловажной особенностью, поскольку не требует формирования, проверки и оценки доказательств по всем без исключения вопросам, предусмотренным ст.ст. 397, 398, 400 УПК РФ, что в свою очередь является важнейшей отличительной процессуальной чертой такой деятельности в стадии исполнения приговора по сравнению с доказыванием в других стадиях уголовного судопроизводства.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что для решения поставленных в статье вопросов необходим дальнейший научный анализ теоретических, методологических и концептуальных аспектов, связанных с правоотношениями, возникающими в стадии исполнения приговора.

П. О. Панфилов¹,

*адъюнкт Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, ассистент кафедры юриспруденции,
интеллектуальной собственности
и судебной экспертизы МГТУ имени Н.Э. Баумана*

ЗАПРЕТ НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ В ОТНОШЕНИИ «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ»: ПРИЧИНЫ НЕЭФФЕКТИВНОСТИ

Законное, обоснованное и мотивированное избрание любой меры пресечения является важной процессуальной гарантией соблюдения конституционных прав личности в уголовном судопроизводстве². Избрание меры пресечения влияет не только на ход и результаты уголовного судопроизводства, но и существенно отражается на обще-

---

¹ © Панфилов П. О., 2019.

² Сумин А. А. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу (актуальные проблемы). М., 2017. С. 4.

ственных отношениях, не являющихся уголовно-процессуальными. Особенно остро это проявляется при лишении обвиняемого (подозреваемого) свободы, поскольку в этом случае его общественные связи могут быть прерваны, он перестает быть субъектом ряда общественных отношений.

Меры пресечения, в том числе заключение под стражу, могут применяться для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. При этом ограничение прав и свобод может быть оправдано публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для их защиты¹. Таким образом, избрание, как и отказ от избрания меры пресечения, при наличии соответствующих оснований служат защите конституционно значимых ценностей. Неприменение меры пресечения при наличии оснований наносит конституционным ценностям вред, не меньший, чем необоснованное избрание меры пресечения. С учетом изложенного запрет, предусмотренный ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, вызывает угрозу конституционным ценностям².

О неэффективности ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ для решения задач, стоящих перед институтом мер пресечения, а также для обеспечения прав и свобод человека и гражданина, свидетельствует большое количество факторов.

По мнению Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, действующая модель «запрета» на избрание мер пресечения по отдельным статьям неэффективна, поскольку широко обходится посредством вменения «дополнительных» статей (например, ст. 210 УК РФ) либо отказа следствия считать деятельность предпринимательской (например, по ст. 159 УК РФ)³. С тем, что указанные способы активно применяются долж-

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. – № 294. – 2013.

² Победкин А. В. Об основной функции уголовного судопроизводства и методе уголовно-процессуального регулирования // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 1 (18). – С. 150–161.

³ URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2018/pdf/3.pdf> (дата обращения: 09.10.2018).

ностными лицами, а судьи при разрешении ходатайств не учитывают предусмотренную ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ особенность, согласен и Верховный Суд Российской Федерации¹.

Однако причины подобного поведения должностных лиц органов предварительного расследования и судей следует искать не в их недобросовестности или желании заключить под стражу как можно больше «предпринимателей». На наш взгляд, реальные причины в следующем:

1) судебное толкование не внесло ясности в вопрос о том, что считать преступлением в сфере предпринимательской деятельности². В Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно поступали жалобы о признании указанной нормы неконституционной, поскольку из-за ее неопределенности суд может применять заключение под стражу вопреки установленному запрету³. Однако в принятии жалоб Конституционный Суд Российской Федерации отказывает, ссылаясь на положения постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

При этом сам Пленум Верховного Суда Российской Федерации признает особую сложность решения указанного вопроса⁴. Правоприменительная практика содержит примеры, когда с момента совершения преступления до признания деятельности предпринимательской проходит четыре года⁵.

Предложение Пленума Верховного Суда Российской Федерации законодательно закрепить в ст. 108 УПК понятие преступлений в сфере предпринимательской деятельности, которое уже приводится в

---

¹ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 января 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 9.

² Кадников Н. Г. О некоторых проблемах уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательства // Общество и право. – 2017. – № 3 (61). – С. 24.

³ См., например: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2017 г. № 767-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барченкова Дмитрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // СПС КонсультантПлюс».

⁴ URL: <http://www.vsrf.ru/documents/own/24039/> (дата обращения: 24.02.2018).

⁵ См. : Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. по делу № 18-УД16-79 // СПС «КонсультантПлюс».

постановлении Пленума № 48¹, никак не изменит правоприменительную практику. Скорее нужно совершенствовать подготовку правоприменителей и разрабатывать для них необходимые методические рекомендации;

2) анализ судебной практики свидетельствует о том, что судьи не понимают, каким образом решить вопрос о том, совершено ли преступление в сфере предпринимательской деятельности, не входя в обсуждение вопросов о виновности или невиновности обвиняемого (подозреваемого), о доказанности вины, квалификации его действий. Также у судей отсутствует единое представление о том, применимы ли положения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, если предпринимательская деятельность осуществлялась незаконно²;

3) положения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ не согласованы с положениями УПК РФ, предусматривающими общий порядок избрания мер пресечения. При ее применении не требуется учитывать ст.ст. 97, 99 УПК РФ, которые устанавливают общие для всех уголовных дел основания и обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения. Даже угрозы в адрес свидетеля, попытки его подкупа со стороны обвиняемого, к которому не применялась мера пресечения, не могут повлечь за собой применение заключения под стражу в качестве меры пресечения, при этом речь идет о тяжких преступлениях³;

4) очередной причиной того, что должностные лица стараются обойти запрет, является статистика лиц, скрывшихся от следствия и дознания. Так, за период с 2014 г. по 2017 г. количество лиц, находящихся в розыске за совершение преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, увеличилось с 107 до 235 человек (в 2,2 раза); за период с 2008 г. (еще до введения запрета на заключение под стражу) по

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Российская газета. 24.11.2016. №266.

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 20 декабря 2017 г. по делу № 10-21924/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»; Обзор судебной практики Пензенского областного суда «Практика рассмотрения уголовных дел о мошенничестве, присвоении и растрате (ст.ст. 159, 159.1–159.6 и 160 УК РФ), рассмотренных судами Пензенской области в 2014–2015 гг.» // СПС «Гарант».

³ Химичева О. В. Уголовно-процессуальный закон: незаконченная реформа // Право и жизнь. – 2010. – № 5. – С. 109.

2017 г. за совершение преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, с 14 до 104 человек (почти в 7,5 раз)¹. Попыткой обойти запрет, предусмотренный ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, должностные лица стараются предотвратить уклонение лиц от уголовной ответственности;

5) неэффективность таких мер пресечения, как залог и домашний арест. Количество ходатайств о залоге снижается (с 2010 г. по 2017 г. их количество уменьшилось на 78 %). В отношении «предпринимателей» в 2015 и 2016 гг. удовлетворено только по два ходатайства об избрании залога². По сравнению с мерой пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста применение залога – ничтожно. Хотя, по мнению Уполномоченного по защите прав предпринимателей, залог должен стать одной из основных мер пресечения для лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. В этих целях уже принимаются меры по созданию «залогового фонда для предпринимателей»³. Однако в настоящее время предпосылки того, что залог начнет активнее применяться – отсутствуют.

Параллельно из года в год растет количество обращений с ходатайствами об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, с 2009 г. по 2017 г. количество ходатайств увеличилось почти в 45 раз (со 164 до 7 339). Однако при отсутствии эффективных полномочий по надзору и контролю за домашним арестом избрание этой меры пресечения не совпадает с задачами уголовного преследования⁴. Данные практики и статистика скрывшихся свидетельствуют, что так оно и есть. В ходе исследования было выяснено, что во время проведения Чемпионата мира по футболу от региональных уголовно-исполнительных инспекций УФСИН России в следственные органы

---

¹ Сводный отчет по России о розыске лиц, скрывшихся от дознания, следствия, суда, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, без вести пропавших, а также об установлении личности граждан и неопознанных трупов. По материалам ГИАЦ МВД России за 2008, 2009, 2010, 2012, 2014, 2015, 2016, 2017 гг.

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2009–2017 гг. Раздел 4. // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 07.09.2018).

³ URL: <http://www.interfax.ru/russia/599767> (дата обращения: 28.02.2018).

⁴ Данилова С. И., Костылева Г. В., Муженская И. Е., Цоколова О. И. Меры пресечения, не связанные с изоляцией подозреваемого, обвиняемого: Научно-практическое пособие. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2012. – С. 43.

поступали письма с просьбами об изменении меры пресечения обвиняемому, находящемуся под домашним арестом, на иную меру пресечения в связи с тем, что, все контрольные устройств системы электронного мониторинга были переданы в другой город, где проводятся матчи Чемпионата мира, а без их применения контроль за соблюдением наложенных судом запретов невозможен и мера пресечения неэффективна.

Указанные выше обстоятельства явно свидетельствуют о том, что положения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ неэффективны в решении задач как уголовного судопроизводства, так и обеспечения общественных отношений, связанных с экономической и предпринимательской деятельностью, и требуют корректировки.

Варианты совершенствования рассматриваемого порядка предлагаются следующие: применение общего порядка, если действиями подозреваемого, обвиняемого причинен вред интересам государства¹, а также если установлен факт попытки обвиняемым скрыть имущество, полученное преступным путем, или избежать возмещения преступного вреда²; предусмотреть в УПК РФ обязательное согласие прокурора на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу³.

На наш взгляд, в зависимости от позиции прокурора должна быть поставлена сама возможность обращения следователя в суд с ходатайством об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу. Это позволит реально обеспечивать прокурорский надзор за законностью предварительного следствия.

Вне зависимости от того, какой вид интересов потерпевшего защищается уголовным судопроизводством, им должна эффективно реализовываться основная функция – обеспечение публичных интересов. Выбор меры пресечения всегда связывался и должен связываться

---

¹ Фетищева Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 23.

² Рудич В. В. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельностью // Общество и право. – 2015. – № 1 (51). – С. 200.

³ URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/pdf/zhaloby16.pdf> (дата обращения: 28.02.2018).

с личностью субъекта, к которому она применяется¹, а не с характеристикой потерпевшего. Предложение о переходе к общему порядку в случае, если обвиняемый скроет имущество, добытое преступным путем, или попытается избежать возмещения вреда, не может быть принято, поскольку противоречит принципу состязательности, а также праву подозреваемого (обвиняемого) защищаться любыми доступными для него способами.

Право на законную предпринимательскую деятельность такое же конституционное право, как и право на жизнь, свободу, честь и достоинство. Согласно данным, приведенным Уполномоченным по правам предпринимателей, российские предприниматели, подвергавшиеся уголовному преследованию, в 62 % случаев полностью теряют бизнес². В связи с этим право на законную предпринимательскую деятельность должно быть защищено уголовно-процессуальными методами.

На наш взгляд, в УПК РФ должен быть предусмотрен механизм, который позволял бы защищать конституционное право именно на законную предпринимательскую или экономическую деятельность. Верно отмечают Э. Л. Сидоренко, А. Г. Волеводз, «совершенное преступление должно быть связано именно с предпринимательской деятельностью, которой на легальном основании занимается виновный»³. Незаконную деятельность Конституция Российской Федерации не защищает. В связи с этим в УПК РФ необходимо предусмотреть норму, которая позволяла бы следователю (дознавателю) при наличии достаточных данных, подтверждающих тот факт, что деятельность, которую осуществляет подозреваемый (обвиняемый), носит незаконный характер, выступать с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в общем порядке.

В качестве выводов отметим:

1) законодателю необходимо менять подход к принятию и реализации правовых норм, предусматривающих особенности производства

---

¹ См. : Цоколова О. И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого : монография. М. : ВНИИ МВД России, 2008. С. 10.

² URL: <https://rg.ru/2018/10/07/pochemu-sovladelec-kompanii-iulmart-dmitrij-kostygin-okazalsia-pod-domashnim-arestom.html> (дата обращения: 08.10.2016).

³ Сидоренко Э. Л., Волеводз А. Г. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности: особенности судебного толкования // Мировой судья. – 2016. – № 2. – С. 25.

по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности, а именно: ориентировать правовые нормы не на избавление от уголовной ответственности «предпринимателей», а на защиту законной экономической и предпринимательской деятельности;

2) следует дополнить ст. 108 УПК РФ ч. 1.2 следующего содержания: «1.2. При наличии достаточных данных считать предпринимательскую или экономическую деятельность, которую осуществляет подозреваемый или обвиняемый, незаконной, мера пресечения в виде заключения под стражу по уголовным делам о преступлениях, указанных в части 1.1 статьи 108 настоящего Кодекса, применяется в общем порядке», а также ч. 3.1 следующего содержания: «3.1. Если ходатайство возбуждается в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, указанных в части 1.1 статьи 108 настоящего Кодекса, то в постановлении о возбуждении ходатайства излагаются сведения, подтверждающие незаконность предпринимательской или экономической деятельности. К постановлению прилагаются материалы, подтверждающие указанные сведения».

И. А. Попов¹,

*главный научный сотрудник НИЦ № 5 ВНИИ МВД России,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации, почетный сотрудник МВД России*

ОСОБЕННОСТИ СОБИРАНИЯ, ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ И ПРОВЕРКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Письменные документы при расследовании дел о растратах и хищения государственной собственности являются основной доказательственной базой, на которой основывается все расследование. Чрезвычайно важно, чтобы следователь по возможности быстрее сумел собрать в своих руках все документы, касающиеся расследуемых им операций. Документы эти могут попасть к следователю одним из следующих способов:

- 1) они могут попасть к нему вместе с первичным материалом;
- 2) они могут быть истребованы следователем от соответственной организации;
- 3) они могут быть получены путем производства выемки документов в этой организации или/ли изъяты при обыске;

---

¹ © Попов И. А., 2019.

4) они могут быть представлены следователю кем-либо из участвующих в деле лиц (гражданским истцом, обвиняемым, кем-либо из свидетелей и т. п.).

Планируя последовательность следственных действий, следователь должен иметь в виду, что, исходя из общего правила, желательно с самого начала обеспечить себя всем необходимым документальным материалом, а потом уже приступить к допросу свидетелей.

Преимущество такой именно последовательности собирания доказательств заключается в том, что, во-первых, из изучения документов следователь может почерпнуть целый ряд вопросов, которые придется задать свидетелям, и поэтому может провести допрос их более полно, а во-вторых, в том, что, имея в своем распоряжении документы, отражающие ход той или иной операции, следователь имеет возможность в процессе самого допроса заметить всякое расхождение между показаниями свидетеля и документальными данными и тут же задать этому свидетелю ряд вопросов для выяснения причины такого расхождения.

Само собой разумеется, что это правило не имеет абсолютного значения. Могут быть отдельные случаи, когда целесообразнее применить обратную последовательность, т. е. сначала допросить тех или иных лиц, а уже после этого собирать документы.

Так бывает, например, в тех случаях, когда о самом существовании тех или иных документов следователь узнает из показаний свидетелей. К какому из двух указанных выше методов получения документов – к истребованию или к выемке – зависит от конкретных обстоятельств дела.

По общему правилу, выемка является всегда более предпочтительным способом получения документов, чем истребование их. Преимущества выемки заключается в следующем:

1) устраняется возможность какой-либо подделки или изменения документа (само собой разумеется, если такая подделка не была произведена раньше);

2) изучая лично уголовные дела, а также наряды соответствующей организации, следователь может натолкнуться в них на такие документы, существовании которых он и не предполагал, а которые между тем имеют большое значение для расследования дела;

3) гарантируется полнота изымаемого документального материала;

4) очень часто по делу важно не только иметь сам документ, но и знать, где этот документ находился.

Многие злоупотребления могут быть совершены без всякого подлога документов, путем простого помещения этих документов в такое место, где они быть не должны и где никто не может их обнаружить. Многие документы составляют необходимую принадлежность других документов (например, приложения к балансу – необходимая принадлежность баланса, оправдательные документы по расходам, произведенным из подотчетных сумм, – необходимая принадлежность авансового отчета и т. д.).

При выемке следователь может обнаружить, находится ли такой документ, где он должен был находиться, или нет, а это иногда имеет для уголовного дела решающее значение. При производстве выемки следователь должен прежде всего вынести постановление о производстве выемки документов с соблюдением требований действующего уголовно-процессуального законодательства.

Прибыв на место, где должна производиться выемка, следователь должен пригласить, помимо двух понятых, не заинтересованных ни в какой степени в исходе дела, руководителей той организации или той части организации, в которой производится выемка (например, главного бухгалтера, если выемка производится в бухгалтерии).

По окончании выемки следователь должен составить протокол, в котором помимо обычной вводной части всякого протокола должно быть указано также:

- кто присутствовал при производстве выемки;
- какие именно документы изъяты (каждый документ должен быть обозначен так, чтобы не могло быть никаких сомнений при идентификации этого документа, т. е. должны быть указаны дата, номер и содержание изымаемого документа; при выемке денежных документов – также и сумма их);
- где находились изымаемые документы, были ли они представлены следователю представителем той организации, откуда производилась выемка, или были обнаружены самим следователем.

В некоторых случаях нет необходимости в изъятии самого документа. Важно только удостовериться, что такой документ существует, убедиться в той или иной его особенности и знать, где он находится. В этих случаях вместо изъятия документа следователь может ограничиться его осмотром на месте его нахождения и составить об этом протокол осмотра. В этом протоколе указываются, во-первых,

место, где находится документ, а во-вторых, все признаки этого документа: дата, номер, наименование организации, от которой он исходил, наименование лица или организации, которой он адресован, подписи под документом и его содержание.

Особо отмечаются в протоколе осмотра данные, установленные путем осмотра документа, которые имеют наибольшее значение для дела (поправки, помарки и т. д.). Если следователь предполагает, что осмотренный им таким образом документ может впоследствии понадобиться следствию или суду в подлиннике, он отбирает у представителя соответствующей организации подписку о том, что данное лицо обязуется хранить осмотренный документ, никому его не выдавать и никому не отсылать без разрешения следователя. Если такая подписка отбирается, об этом также делается оговорка в протоколе осмотра.

В случае, когда документ поступает к следователю не по его инициативе, а передается ему кем-либо на участвующих в деле лиц, следователь всегда должен выяснить путем допроса данного лица, откуда ему попал представленный документ, почему он считает его имеющим значение для дела и что он может сказать сам по поводу представленного им документа.

Следователь должен избегать приобщения к уголовному делу излишних, ненужных документов. «Загроможденность» дела множеством документальных материалов, не имеющих к делу никакого отношения, является весьма обычным недостатком многих дел о растратах и хищениях. Изымая или истребуя тот или иной документ, представленный кем-либо из участвующих в деле лиц, следователь всегда должен знать, для чего этот документ необходим, для выяснения каких именно обстоятельств дела он может иметь значение. Совершенно недопустимо приобщение документов к делу «на всякий случай».

Следователь не только сам должен знать, для чего ему нужен тот или иной документ, но это должно быть отражено в деле так, чтобы изучающему дело было ясно, для чего потребовалось приобщение к делу имеющихся в нем документов. Вот почему крайне желательно, когда УПК РФ этого формально и не требует, чтобы следователь выносил постановление о приобщении к делу документов, указывая в этом постановлении те мотивы, по которым он считает необходимым приобщение данного документа к делу.

Показания свидетелей при расследовании дел о растратах и хищениях играют очень важную роль. Как видно из изложенного выше,

следователь только в том случае может считать вполне установленными те или иные данные, отраженные в каких-либо документах, когда он проверит эти данные допросом лиц, участвовавших в составлении документа, как и в выполнении операций, которые в этом документе отражены.

Однако, кроме того, свидетельские показания являются основным источником для выяснения обстоятельств, которые ни в каких документах не отражаются. В частности, только путем свидетельских показаний может быть в большинстве случаев установлена корыстная цель представления.

Правила пользования свидетельскими показаниями при расследовании дел о растратах и хищениях в основном те же самые, что и при расследовании другой категории дел. Важнейшая особенность, свойственная свидетельским показаниям по делам о растратах и хищениях, заключается в том, что по этим делам свидетелям приходится приводить в своих показаниях цифровые данные.

«Сколько вы получили за такую-то работу», «сколько товара вы перевозили?» – такие и тому подобные вопросы обычны при расследовании дел о растратах и хищениях.

Между тем известно, что именно цифры, если они специально не заучивались или если эти цифры не имели для данного лица особо важное значение, хуже всего запоминаются. Поэтому возможность ошибки в свидетельских показаниях такого рода значительно больше, чем при показаниях о каких-либо событиях, не выражающихся в цифровых величинах. Ясно, что ошибка в цифрах со стороны свидетеля по делу о растрате может направить расследование этого дела по совершенно неправильному пути. Поэтому крайне важно, чтобыследователь тщательно проверил показания такого рода.

Отнюдь не удовлетворяясь тем, что свидетель подтверждает цифру, указанную в проверяемом документе, свидетель должен подробно расспросить свидетеля, когда, где, как, в чьем присутствии была произведена операция, отраженная в проверяемом документе, при каких обстоятельствах, когда, где, кем был составлен этот документ, что в это время делал сам свидетель, как он наблюдал описываемые им факты.

Выяснение тех обстоятельств, при которых свидетель наблюдал описываемые им факты, имеет существенное значение еще и для того, чтобы установить, мог ли он при этих обстоятельствах точно запомнить называемую им цифру.

Поэтому при расследовании дел о растратах приобретает особенно важное значение общее правило, что при оценке показаний каждого свидетеля необходимо тщательно учитывать его отношение к подозреваемому, его роль в тех событиях, которые являются предметом расследования, его возможную заинтересованность в том или ином исходе дела.

С этой точки зрения большинство свидетелей, с которыми приходится иметь дело при расследовании дел о растратах, может быть отнесено к одной из следующих категорий:

1) лица, непосредственно ответственные за недостающие ценности, которые в первой стадии расследования могут быть допрошены в качестве свидетеля;

2) лица, принявшие в свое ведение тот участок хозяйства, которого касается производимое расследование, уже после обнаружения недостачи или излишка;

3) лица, работающие в других организациях или в других частях той организации, которой касается расследование, но по своей работе соприкасавшиеся с лицами, ответственными за недостающие ценности;

4) контрагенты тех лиц, которые ответственны за недостающие ценности, например:

– лица, которым подозреваемые в растрате подотчетных сумм производили различные платежи и расписки которых представлены при авансовых отчетах в израсходовании этих сумм;

– продавцы или покупатели тех или иных товаров;

– лица, выполнявшие различные работы для той организации, которой касается производимое расследование.

Таким образом, можно констатировать, что письменные документы при расследовании дел о растратах и хищения государственной собственности являются основной доказательственной базой, на которой основывается все расследование. При этом могут быть отдельные случаи, когда целесообразнее применить обратную последовательность, т. е. сначала допросить тех или иных лиц, а уже после этого собирать документы. Многие злоупотребления могут быть совершены без всякого подлога документов, путем простого помещения этих документов в такое место, где они быть не должны и где никто не может их обнаружить. Следователь не только сам должен знать, для чего ему нужен тот или иной документ, но это должно быть отражено в уголовном деле.

*Л. А. Пупышева*¹,
доцент кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук

СИНДРОМ «ЗАОЧНОГО» РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ЗАМЕНЕ НАКАЗАНИЯ И ОТМЕНЕ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ, МЕРЫ К ЕГО УСТРАНЕНИЮ

Многолетние наблюдения за практикой рассмотрения судами дел о замене осужденному неотбытого срока наказания другим его видом, отмены условного осуждения позволяют выявить в ней признаки своеобразного процессуального «синдрома заочного отправления правосудия»².

Он детерминирует целый ряд серьезных негативных явлений (принятие судом квазизаконных решений, существенно ухудшающих правовое положение осужденного, вплоть до лишения его свободы; причинение имущественного вреда осужденному, вызванного затратами на отстаивание своих интересов в вышестоящих судах; невозможность зачесть в срок наказания времени незаконного нахождения осужденного в местах лишения свободы в связи с отменой условного осуждения и др.), в итоге затрудняя доступ осужденных к правосудию.

Обобщение судебной практики показало, что данный вопрос актуален для большинства судов (Республик Алтай, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карелия, Хакасия; Алтайского, Краснодарского, Красноярского, Пермского краев; Брянской, Владимирской, Иркутской, Кемеровской, Оренбургской, Псковской областей и других), считающих, что в этой части требуются разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В отличие от судебного разбирательства уголовных дел, которое может происходить в отсутствие подсудимого (ч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ), ст. 399 УПК РФ не предусматривает случаи рассмотрения вопросов исполнения приговора без осужденного.

Практика заочного разрешения судами вопросов, предусмотренных п. 2 ст. 397 УПК РФ, и ареста по таким делам осужденных суще-

---

¹ © Пупышева Л. А., 2019.

² Николюк В. В. «Заочный» арест осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания // Уголовный процесс. – 2014. – № 12. – С. 58–69.

ствуется длительное время почти повсеместно, и наибольшее распространение она получила по делам о замене обязательных, исправительных работ лишением свободы, отмене условного осуждения.

При этом отдельные суды признают достаточным основанием для рассмотрения таких представлений нахождение осужденного в розыске, неисполнение постановлений о принудительном приводе.

Распространены и ситуации, в которых суды, рассматривая представления о замене наказания в отсутствие осужденного, признавали обязательным участие адвоката, полагая, что это компенсирует отсутствие осужденного в судебном заседании и позволит ему реализовать, таким образом, право на судебную защиту и участие в судебном разбирательстве.

В ситуациях, когда место нахождения осужденного было неизвестно и он надлежащим образом извещен о дате, месте и времени судебного заседания, однако в суд не явился, суды принимали шесть видов решений по представлениям о замене наказания: 1) производство по представлению приостанавливалось; 2) производство по представлению прекращалось; 3) в удовлетворении представления отказывалось; 4) представление оставалось без рассмотрения; 5) представление удовлетворялось, если в приложенных к нему материалах имелись данные о достаточности проведенных мероприятий по розыску осужденного; 6) представление возвращалось.

Надлежит отметить, что позиция многих судов в анализируемой части однозначна: в случаях, когда не обеспечена явка осужденного в судебное заседание, судами принимаются решения об оставлении представлений без удовлетворения (Республика Алтай, Курганская область).

В контексте изложенного очевидна необходимость «вмешательства» в эту ситуацию Пленума Верховного Суда Российской Федерации путем дачи соответствующих разъяснений. «Замалчивание» ее крайне нежелательно с точки зрения выполнения задачи обеспечения единства судебной практики по этой категории дел и законности принимаемых судами по ним решений.

Так, например, опрос судей районных (городских) судов Республики Татарстан, который проводился в рамках исполнения поручения Верховного Суда Российской Федерации, показал, что судьи в определенной мере оказались дезориентированными в данной ситуации в связи с исключением три года назад из п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21

положения о том, что вопрос о замене неотбытого срока наказания может быть разрешен только в присутствии осужденного (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 59). Поэтому выработка Пленумом соответствующей позиции по данному вопросу будет своевременной, она ожидаема судьями на местах, поскольку касается десятков тысяч дел, рассматриваемых ежегодно. При ее формулировании могут (должны) быть учтены следующие нормативные положения.

Согласно п. 20 ч. 4 ст. 47, ч. 2 ст. 399 УПК РФ осужденный вправе знакомиться с поступившими в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной, в частности, в определениях от 11 июля 2006 г. № 351-О, от 3 июля 2008 г. № 621-О-П, п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», в котором обозначена позиция Верховного Суда Российской Федерации о значимости для уголовного судопроизводства принципа обеспечения права на защиту, его распространении на все стадии производства по делу, предоставление реальной возможности довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов дела является одной из необходимых гарантий судебной защиты и справедливости судебного разбирательства. Это в полной мере относится и к тем случаям, когда на стадии исполнения приговора судом решается вопрос о замене назначенного осужденному наказания на более строгое в связи со злостным уклонением от его отбывания. Осужденный, не участвуя в судебном заседании, лишается возможности ознакомиться с имеющимися в деле материалами и представить суду свои возражения на представление о замене назначенного ему наказания, следствием чего может стать нарушение прав осужденного и конституционного принципа состязательности и равноправия сторон. Кроме того, в соответствии с разъяснениями, данными в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21, рассматривая вопросы, связанные с заменой наказания в случае злостного уклонения от его отбывания, суды должны выяснять все обстоятельства, которые могут повлиять на законность принятого решения в части определения срока или размера неотбытого

наказания или условий, которые влекут необходимость замены наказания, а решение о замене наказания должно приниматься с учетом личности виновного и причин, по которым осужденный уклонялся от отбывания назначенного ему наказания. Без участия осужденного в судебном заседании выяснение указанных обстоятельств вряд ли возможно.

С учетом изложенного нами разработан следующий примерный текст разъяснений, предлагаемых для включения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21:

«Обратить внимание судов на то, что не должны приниматься к производству материалы о рассмотрении и разрешении вопросов, изложенных в пунктах 2, 2.1, 4.1, 7, 17, 18, 18.1 статьи 397 УПК РФ, в отношении осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания и место нахождения которого не установлено, а также объявленного в розыск в связи с уклонением от контроля учреждения или органа, исполняющего наказание. В данном случае суд возвращает представление без рассмотрения.»

Указанные вопросы, за исключением предусмотренных пунктами 18 и 18.1 статьи 397 УПК РФ, могут быть разрешены по существу в отсутствие осужденного при условии наличия в материалах дела данных, подтверждающих надлежащее его извещение о дате, месте и времени слушания дела.

Назначение судом адвоката для оказания юридической помощи осужденному не может служить достаточным основанием рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, без участия осужденного в судебном заседании».

Вариант абзаца второго:

«Перечисленные вопросы, за исключением предусмотренных пунктами 18 и 18.1 статьи 397 УПК РФ, могут быть разрешены по существу в отсутствие осужденного при условии надлежащего его извещения о дате, месте и времени слушания дела и наличии в материалах дела документально оформленной письменной просьбы (заявления, ходатайства) осужденного о проведении судебного заседания без его участия».

Данные позиции принципиально не исключают рассмотрения судом представлений о замене наказания без участия в судебном заседании осужденного, надлежащим образом извещенного о дате, месте и времени слушания дела, но не явившего в суд без уважительной

причины. В то же время суды, будучи ориентированными на обязательность обеспечения явки в судебное заседание осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, ограждаются от необходимости рассматривать вопреки закону дела о замене наказания в отношении осужденных без их участия. Для этого законом предусмотрены объявление в розыск таких лиц (ст. 18.1 УИК РФ), их задержание (ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32, ч. 4 ст. 46, ч. 6 ст. 58 УИК РФ) и заключение под стражу до рассмотрения вопроса о замене наказания (п. 18 ст. 397 УПК РФ).

Ю. В. Родионова¹,

доцент кафедры уголовного процесса 4-го факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Нижний Новгород)

ИПК Московской академии Следственного комитета

Российской Федерации, кандидат политических наук

РАЗЛИЧИЯ И СХОДСТВО ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА И ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Процесс совершенствования уголовно-процессуального законодательства необходим и ориентирован на поступательное развитие, устранение пробелов, выявляемых в практической деятельности.

На протяжении последних лет проводилась законодательная работа, направленная на совершенствование правовых механизмов, позволяющих расширить возможности применения мер пресечения, не связанных с заключением под стражу. Долгое время первое место занимал домашний арест.

Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» была введена новая мера пресечения – запрет определенных действий. Понятие и порядок применения данной меры пресечения раскрываются в ст. 105.1 УПК РФ.

В связи с этим появилась реальная возможность соблюсти баланс между необходимостью достижения целей уголовного судопроизвод-

---

¹ © Родионова Ю. В., 2019.

ства и соблюдения прав и законных интересов граждан – участников уголовного судопроизводства¹.

Вопрос избрания мер пресечения, альтернативных заключений под стражу, которые будут еще и эффективными и будут достигать цели предотвращения возможных попыток лица скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью или иным образом воспрепятствовать производству по уголовному делу² (ст. 97 УПК РФ), в настоящее время законодателем решен. Однако следует помнить, что закон только тогда будет эффективным, когда практическому деятелю понятно не только содержание меры пресечения, но и механизм его реализации.

Так, согласно ч. 1 ст. 107 УПК РФ домашний арест избирается при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля.

Новая мера пресечения – запрет определенных действий, это более мягкая мера, если сравнивать ее с домашним арестом. Избирается при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько следующих запретов, установленных в УПК РФ.

Отметим, что ч. 7 ст. 107 УПК РФ указано (согласно последним изменениям), что суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения может установить запреты, указанные в п. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Таким образом, можно поставить равенство применения домашнего ареста, а именно: определения судом места нахождения обвиняемого (подозреваемого) под домашним арестом и объема возлагаемых правоограничений, указанных в п. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, и ис-

---

¹ Подробнее: Захарцев С. И. Избрание и применение мер пресечения при производстве предварительного расследования: проблемы правоприменительной практики // Вестник Воронежского института МВД России. – 2018. – № 1.

² Исаков В. С. О новой мере пресечения в виде запрета определенных действий // Аллея науки. – 2018. – № 5 (21).

пользования запрета определенных действий, то есть запрета выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, и п. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

По сути, запрет «выходить в определенные периоды и выходить за пределы жилого помещения» (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) – это «старая» трактовка домашнего ареста, когда суд в своем постановлении определял нахождение лица в конкретном жилище, запрет на общение с конкретными лицами, а также решался вопрос о возможности выхода их из жилища в случае необходимости посещения несовершеннолетними образовательного учреждения или оказания помощи престарелым родителям в определенное время.

Так в чем же отличие домашнего ареста от запрета определенных действий?

Первое отличие заключается только в том, что домашний арест применяется как самостоятельная мера пресечения, связанная с изоляцией подозреваемого (обвиняемого) только в жилище¹.

Второе отличие определяется ч. 3 ст. 105.1 УПК РФ и ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ, в которых указано, что запрет определенных действий возможно рассматривать как самостоятельную меру пресечения или в качестве «дополнительной меры пресечения» к залому и домашнему аресту.

Указанные отграничения двух мер пресечения не значительные, но существенные, которые будут обеспечивать органы предварительного расследования правовым средством по соблюдению конституционных прав подозреваемых и обвиняемых при применении к ним таких мер пресечения, как домашний арест и запрет определенных действий.

В подтверждении этому отметим, что в п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ срок применения запрета устанавливается и продлевается судом в соответствии со ст. 109 УПК РФ и является намного длиннее, чем срок содержания под стражей и домашнего ареста: о преступлениях небольшой и средней тяжести – 12 месяцев (домашний арест, предельный срок шесть месяцев); о тяжких преступлениях – 24 месяца (домашний арест, предельный срок 12 месяцев); об особо тяжких пре-

---

¹ Подробнее: Колесников М. В. Проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 2. – С. 242.

ступлениях – 36 месяцев (домашний арест предельный срок 18 месяцев).

В связи с этим решение проблемы «продления» предельного срока домашнего ареста по разным видам преступлений видится в рамках применения новой меры пресечения – запрета определенных действий.

С учетом изложенного стоит отметить, что введение в УПК РФ новой меры пресечения – запрета на совершение определенных действий, видится в положительном свете и предполагает расширение практического применения и домашнего ареста и запрета определенных действий. Видится, что следственно-судебной деятельности не хватало подобной «прослойки» между указанными мерами пресечения.

А. А. Рыбак¹,

преподаватель кафедры уголовного процесса

Дальневосточного юридического института МВД России

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ГЛАСНОСТЬ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Условие гласности судебного разбирательства является ярчайшим проявлением демократических принципов уголовного процесса, но возникают ситуации, в которых проведение открытого судебного заседания недопустимо и нецелесообразно ввиду того, что это может повлечь за собой негативные последствия для участников судебного процесса, общества и государства в целом. В таких случаях законом предусмотрены обстоятельства, исключающие данное условие, в связи с чем суд рассматривает уголовное дело в закрытом порядке и в процесс включается институт тайны, который служит одним из элементов механизма защиты граждан, их прав и свобод, а также интересов государства.

Проведение закрытого судебного разбирательства допускается на основании определения либо постановления, вынесенного судом. Оно может быть принято как при назначении судебного разбирательства, так и непосредственно в зале суда в ходе самого разбирательства².

---

¹ © Рыбак А. А., 2019.

² Глебов В. Г., Зайцева Е. А. Уголовный процесс : учебник. В 3 ч. Ч. 3: Судебное производство по уголовным делам. Волгоград, 2017.

Закрытое судебное разбирательство – это рассмотрение дела судом без присутствия в зале судебного заседания публики и прессы, но при участии сторон. Однако при этом рассмотрение уголовного дела происходит с учетом всех требований, предъявляемых к уголовному судопроизводству. Случаи проведения судебного разбирательства в закрытом порядке регламентированы ч. 2 ст. 241 УПК РФ.

Закрытое судебное разбирательство возможно провести, когда в результате его проведения возникает угроза разглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны.

Стоит отметить, что различают множество видов тайн, охраняемых законом. Среди них: государственная тайна, военная тайна, служебная тайна, банковская тайна, адвокатская тайна, тайна исповеди, врачебная тайна и т. д.¹ Все они включают в себя и защищают сведения, касающиеся конкретной деятельности, общественной либо частной жизни, распространение которых влечет за собой негативные последствия, как для общества или государства в целом, так и ограниченному кругу лиц, либо отдельной личности.

В п. 1 ч. 2 ст. 241 УПК РФ отдельно выделена государственная тайна. В законе «О государственной тайне» закреплено, что это «защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации». Перечень сведений, относящихся к данному виду тайн, также закреплен в этом законе.

В случае, когда эти сведения являются предметом рассмотрения в суде, то стороны не лишаются права участия в их исследовании, даже если у них нет соответствующего допуска, т. к. лишение такого права не соответствует ст. 48 и ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации. В такой ситуации обвиняемый просто бы лишился адвоката, что ставило бы его в заведомо невыгодное положение, нарушая условие равенства сторон и право на защитника.

Решение данной проблемы закреплено в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 1993 г. № 8, где сказано, что «законодатель, определяя средства и способы защиты государственной тайны, должен использовать лишь те из них, кото-

---

¹ Лукашин И. В. Гласность и тайна в уголовном процессе // Правовые технологии. – 2011.

рые исключают возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина. В рамках уголовного судопроизводства такими средствами могут, в частности, выступать проведение закрытого судебного заседания, предупреждение участников процесса о неразглашении государственной тайны и привлечение этих лиц к уголовной ответственности в случае ее разглашения»¹. Это значит, что судьи, адвокаты, переводчик, а также стороны, участвующие в закрытом рассмотрении уголовного дела, допускаются к сведениям, составляющим государственную тайну, без проведения в отношении них проверочных мероприятий. Они обязуются не разглашать ставшие известными данные сведения в связи с исполнением ими своих обязанностей, о чем дают соответствующую расписку. Также эти лица предупреждаются об ответственности за разглашение секретных сведений.

Для принятия решения о проведении закрытого судебного разбирательства по признаку того, что разбирательство уголовного дела в суде может привести к разглашению государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны, недостаточно одного решения органов предварительного расследования о засекречивании материалов уголовного дела, тем более если последние таковое никак не мотивировали с точки зрения требований ст. 5 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне»². Например, сообщение администрации предприятия о том, что преступление было совершено в режимном объекте, не говорит о том, что сведения в деле составляют государственную тайну.

Также закрытое судебное разбирательство допускается в случае, когда рассматриваются уголовные дела о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими возраста 16 лет. Из-за особенностей психики на лицо, не достигшее 16 лет, гласность может оказать негативное воздействие либо послужить причиной неадекватной реакции, которое знакомо судебной практике: растерянность, замкнутость,

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 1996 г. № 8-П по делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан Гурджиянца В. М., Синцова В. Н., Бугрова В. Н. и Никитина А. К. // Российская газета. – 1996. – № 64.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 августа 1996 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 5.

скованность, позерство (что называется «игра на публику»). Также большое внимание со стороны может травмировать неокрепшую психику, например, послужить началом развития комплексов, а возможно сформирует озлобленность к обществу, что в дальнейшем выльется в еще более неуважительное отношение к общепринятым нормам. В таком случае судебный процесс не будет оказывать необходимого воспитательного воздействия, а лишь усугубит ситуацию.

Следующее условие проведения закрытого судебного заседания – случаи, когда рассматриваются в суде уголовные дела против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Сами по себе половые преступления несут за собой большую опасность, ведь они причиняют потерпевшему не только физический вред, но и психологический. Потерпевшие от такого вида преступления стараются избежать распространения информации о случившемся, ведь сам факт такого события воспринимается ими позорным и обесчестивающим. Поэтому соблюдение такой нормы, регламентирующей проведение закрытого судебного разбирательства, является важной, ведь оно служит не только гарантией прав потерпевшего, но и условием успешного хода разбирательства.

На четвертом случае проведения закрытого судебного разбирательства стоит остановиться более подробно ввиду особой актуальности этого вопроса. Связан он с необходимостью обеспечения безопасности участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам либо близкому окружению.

Анализируя меры безопасности, представляемые участникам судебного разбирательства, можно прийти к выводу о том, что их относительно мало и они не обеспечивают безопасность в должном объеме. Например, сам факт проведения закрытого судебного разбирательства не несет гарантии неразглашения секретных сведений. Привлечь лицо к ответственности по ст. 310 УК РФ за разглашение таких сведений достаточно сложно, более того, судебная практика свидетельствует, что в настоящее время данная статья практически не применяется. Также эта мера почти не влияет на безопасность свидетеля в случае оказания на него давления со стороны.

В ч. 5 ст. 278 УПК РФ сказано, что при необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного раз-

бирательства. Стоит полагать, что в данной норме не хватает процессуальной конкретики и ее необходимо дополнить требованием изменения характеристик голоса допрашиваемого лица, что позволило бы полностью скрыть его опознающие признаки. Но даже при соблюдении этих условий в ч. 6 ст. 278 УПК РФ законодательно предусмотрена возможность раскрытия такого «скрытого» свидетеля: «В случае заявления сторонами ходатайства о раскрытии сведений о лице, дающем показания, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных обстоятельств суд вправе предоставить сторонам возможность ознакомления с указанными сведениями».

Сама по себе данная норма порождает собой множество проблем. Во-первых, порядок такого ознакомления в законе не урегулирован. Во-вторых, мнение потерпевшего или самого «скрытого» лица при этом не учитывается. А ведь возможно, что соблюдение такой анонимности являлось единственным условием, при котором лицо было согласно давать показания. При этом нет никакой уверенности в том, что защищаемое лицо в новых условиях не изменит свои показания или не откажется от них вовсе. Тем самым такое действие затрагивает интересы как минимум двух лиц и дает право суду на свое усмотрение предоставлять сведения практически всем о скрываемом лице.

При разрешении данной проблемы стоит согласиться с мнением Л. В. Брусницына, который считает, что «для начала суд должен выяснять согласие защищаемого на ознакомление сторон с его подлинными данными во всех случаях. И если согласие гражданина не получено, суд, пришедший ранее к выводу о необходимости ознакомления, должен исключить показания псевдонима из исследуемой совокупности доказательств, но не предавать огласке подлинные данные о нем. При предоставлении анонимности в первую очередь следует рассмотреть вопрос о том, имеются ли другие существенные доказательства по делу. Если установлено, что подкрепляющих доказательств не существует, то дело либо вообще не должно направляться в суд, либо принимается решение об отказе в анонимности. Эта позиция полностью согласуется с общепринятой практикой Европейского суда по правам человека»¹.

---

¹ Брусницын Л. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства : монография. М. : Юрлитинформ, 2010.

Подробно рассматривая положения, посвященные изъятиям из условия гласности, можно сделать вывод, что все они направлены на недопущение нарушения прав и интересов личности и государства, в свою очередь они являются воплощением конституционных принципов и принципов уголовного процесса, а также служат для обеспечения наиболее качественного и безопасного хода судебного разбирательства.

Т. Ю. Сабельфельд¹,
заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса
3-го факультета ИПК Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации
(с дислокацией в г. Новосибирск), кандидат юридических наук

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 145.1 УК РФ

Современные изменения, происходящие в социально-экономической жизни, которые вызваны прежде всего развитием негосударственного сектора экономики, неизбежно влияют на сферу отношений между работниками и работодателями. Стремление руководителей организаций, а особенно субъектов частного бизнеса, к поиску способов снижения производственных издержек, увеличению прибыльности и рентабельности, нередко приводят к нарушениям конституционных прав граждан в сфере оплаты труда. Защита заработной платы со стороны государства является приоритетным направлением в работе государственных органов, в том числе органов правоохранительной системы.

Президент Российской Федерации В. В. Путин на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации отметил, что почти три четверти преступлений в области трудового законодательства связаны с невыплатой заработной платы: «Руководство каждого предприятия должно понимать, что оно не может решать свои экономические проблемы за счет выплат своим работникам, сваливая на них свои проблемы. В противном случае правовое преследование наступит неотвратимо»².

---

¹ © Сабельфельд Т. Ю., 2019.

² Саньков В. В. Проблемные вопросы использования специальных познаний при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 145.1 УК РФ // Эксперт-криминалист. – 2018. – № 1. – С. 26.

В стадии возбуждения уголовного дела разрешается вопрос об установлении наличия или отсутствия материально-правовых и процессуальных предпосылок дальнейшего расследования, что в целом обеспечивает функционирование уголовно-процессуального право-защитного механизма.

В соответствии со ст. 151 УПК РФ предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 145.1 УК РФ, производится следователями Следственного комитета Российской Федерации. На расширенном заседании коллегии 6 февраля 2018 г. Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин отметил, что одной из важных задач Следственного комитета Российской Федерации является эффективное противодействие такому опасному с социальной точки зрения преступлению, как невыплата заработной платы. В 2017 г. в отношении руководителей предприятий – злостных неплательщиков заработной платы возбуждено 2, 4 тыс. уголовных дел, что на 43 % больше, чем в 2016 г. Принятыми уголовно-правовыми мерами следователями Следственного комитета России удалось возместить ущерб на сумму свыше 3,5 млрд руб.¹

Поскольку стадия возбуждения уголовного дела является первоначальным этапом досудебного производства, следователи Следственного комитета Российской Федерации при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении, связанного с невыплатой заработной платы должны установить наличие повода и основания для возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ.

Поводом для возбуждения уголовного дела в соответствии с ч. 1 ст. 140 УПК РФ являются заявление о преступлении; явка с повинной; сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников (например, рапорт об обнаружении признаков преступления), либо постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Наиболее распространенным поводом для возбуждения уголовного дела являются заявления, поступившие от лиц, в течение длительного времени не получавших указанные выплаты (53 % из числа изу-

---

¹ Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации // URL: <https://sledcom.ru/news/item/1201215/07.02.2018> (дата обращения: 17.10.2018).

ченных уголовных дел). Значительно реже заявления исходят от контролирующих органов, которым стало известно о совершенном преступлении – федеральной инспекции труда, налоговых органов¹.

Поводом для возбуждения уголовного дела может быть и постановление прокурора, вынесенного в порядке, установленном п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Так, 4 апреля 2016 г. в следственный отдел по Советскому району г. Новосибирска Следственного управления Следственного комитета России по Новосибирской области поступило постановление заместителя прокурора Советского района г. Новосибирска в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ и материал проверки для решения вопроса об уголовном преследовании генерального директора ООО Производственная фирма «Новосибирский завод железобетонных опор и свай» И. В. Скоробогатова, в действиях которого усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 145.1 УК РФ. По результатам проведенной проверки, следователем следственного отдела по Советскому району г. Новосибирска Следственного управления Следственного комитета России по Новосибирской области возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 145.1 УК РФ. Директор ООО Производственная фирма «Новосибирский завод железобетонных опор и свай» И. В. Скоробогатов признан по решению суда виновным².

На наш взгляд, весьма актуальным и практически значимым в современный период развития предпринимательской деятельности в различных отраслях экономики представляется рассмотрение заявлений от работников так называемых нетипичных или гибких трудовых отношений. К гибким трудовым отношениям относятся, в числе прочих, отношения по использованию удаленного труда, основной отличительной чертой которого является осуществление работником трудовой функции вне места нахождения работодателя. Как правило, вышеуказанные работники лишены возможности личного общения с руководителями предприятия, в том числе по вопросам задержки выплаты заработной платы. Данный фактор может являться поводом для нарушений со стороны работодателя условий и сроков выплаты

---

¹ Осипова Е. П. Методика расследования невыплаты заработной платы : монография. М. : Юрдитинформ, 2013. С. 70.

² Уголовное дело № 611012 // Архив прокуратуры Советского района г. Новосибирска за 2017 г.

заработной платы. В подобных случаях руководство Следственного комитета Российской Федерации обращает внимание руководителей территориальных и специализированных следственных органов на необходимость широко практиковать выездные личные приемы в отдаленных районах региона, в ходе которых принимать граждан, а также их коллективы, в особенности по вопросам, связанным с невыплатой заработной платы.

В случае установления следователем законного повода и достаточных оснований в стадии возбуждения уголовного дела, он принимает процессуальное решение в виде постановления о возбуждении уголовного дела, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ. Так, следственными органами Следственного комитета России по Московской области завершено расследование уголовного дела в отношении 40-летнего генерального директора местной коммерческой организации ООО «XXI Век Строительные Технологии», обвиняемого в невыплате заработной платы, пособий и иных выплат (ч. 1 ст. 145.1 УК РФ, ч. 2 ст. 145.1 УК РФ) работникам организации. По версии следствия, с января 2016 г. по январь 2018 г. обвиняемый из личной заинтересованности совершил частичную невыплату свыше трех месяцев заработной платы, пособий и иных установленных законом выплат 11 работникам организации на общую сумму более 3,8 млн. рублей и полную невыплату свыше двух месяцев заработной платы и иных установленных законом выплат одному работнику организации на общую сумму 63 тыс. рублей. По уголовному делу в кратчайшие сроки был проделан большой объем работы, допрошены потерпевшие и свидетели, проведены обыски и выемки, изъяты, изучены и осмотрены документы финансово-хозяйственной деятельности организации, проведены соответствующие исследования указанных документов, в том числе экономическая судебная экспертиза. В ходе следствия обвиняемый полностью возместил ущерб, причиненный преступлением, погасив перед потерпевшими всю задолженность по зарплате. В настоящее время уголовное дело с утвержденным обвинительным заключением направлено в суд для рассмотрения по существу¹.

На наш взгляд, в стадии возбуждения уголовного дела следователь обязан широко использовать и осуществлять в предусмотренных

---

¹ Официальный сайт ГСУ Следственного комитета Российской Федерации по Московской области // URL: <http://mosobl.sledcom.ru/news/item/1235192> (дата обращения: 17.10.2018).

уголовно-процессуальных формах действия, направленные на установление наличия события преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ. Следовательно в настоящее время с учетом внесенных изменений в уголовно-процессуальное законодательство (Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ) в стадии возбуждения уголовного дела предоставлен широкий спектр допустимых процессуальных и непроцессуальных способов проверки сообщения о преступлении, в первую очередь, это назначение судебной экспертизы, осмотр документов и предметов, получение объяснений, истребование документов и предметов, их изъятие в порядке, установленном УПК РФ, а также производство документальных проверок, ревизий.

Таким образом, своевременное и обоснованное принятие следователем законного решения о возбуждении уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, создает необходимые предпосылки для дальнейшей реализации спектра уголовно-процессуальных действий, направленных на установление всех обстоятельств выявленного преступления и привлечения виновных к уголовной ответственности. Кроме того, первоначальные действия следователя при рассмотрении заявлений и сообщений о невыплате заработной платы должны в конечном счете способствовать восстановлению нарушенных конституционных прав граждан в сфере оплаты труда путем возмещения им задержанной заработной платы в полном объеме.

В. А. Саморока¹,

доцент кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент;

Л. Р. Абдрахманова²,

курсант Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя

ПОИСК ЦИФРОВЫХ АРТЕФАКТОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В УСТРОЙСТВАХ ИНТЕРНЕТ-ВЕЩЕЙ

Благодаря широкому распространению беспроводных технологий и межмашинного обмена, возникновению технологии облачных вычислений и началу перехода на IPv6 в последние 2–3 года получила развитие концепция интернет-вещей IoT (Internet of Things). IoT является новым шагом в технологическом прогрессе. Интернет-вещи позволяют людям и «вещам» соединиться в любое время и в любом месте, используя различные сети связи. Практическое применение технологии IoT можно найти во многих отраслях промышленности сегодня, в том числе земледелия, строительства, управления здравоохранением, энергетики и транспорта, а также в повседневной жизни. По некоторым прогнозам, в ближайший год количество таких предметов вырастет с 25 до 50 млрд штук.

Пользователям всех этих умных гаджетов являются люди. Некоторые из этих пользователей становятся на путь преступной деятельности. При этом интернет-вещи могут стать «невольными свидетелями» действий злоумышленников. Они накапливают информацию, которая может в дальнейшем быть расшифрована правоохранительными органами и использована для целей уголовного судопроизводства.

Однако вопрос о нормативно-правовом регулировании данной области остается открытым и вызывает дискуссии среди правоприменителей. Несомненно одно: IoT могут использоваться в сфере правоохранительной деятельности.

Знакомый всем пример – Яндекс.Навигатор. Водители по всей России и СНГ пользуются этим сервисом. Смартфоны и планшеты передают координаты, направление движения и скорость в службу

---

¹ © Саморока В. А., 2019.

² © Абдрахманова Л. Р., 2019.

Яндекс, а принятая от пользователей информация анализируется на сервере компании. Получив сведения о заторе, приложение автоматически предлагает водителю варианты объезда и отображает маршрут на экране телефона или планшета. Как результат – водители тратят меньше времени в пробках, выбирая оптимальные маршруты объезда. Мобильные устройства, центры обработки данных и приложение Яндекса обмениваются данными без вмешательства человека, являя собой отличный пример интернета-вещей.

С учетом того, что смартфоны и планшеты передают информацию персонализировано, с привязкой к сим-карте или IP, должна существовать техническая возможность получения данной информации и использования ее для установления элементов предмета доказывания.

В жилищно-коммунальном хозяйстве IoT-технологии нашли применение в системах интеллектуальной диспетчеризации – «умных» приборов учета ресурсов. Подключенные к Интернету счетчики передают показания в «облако», а диспетчер видит расход воды, электричества или газа в отдельном доме, квартале или в целом городе. Это дает возможность, не заглядывая в квартиры собственников, в режиме реального времени, иметь полную картину потребления ресурсов, удаленно управлять приборами учета, оперативно выставлять счета жильцам. Без обходчиков, без обработчиков и без временных потерь.

Но возникает вопрос: каким способом можно использовать такие данные в уголовном судопроизводстве?

Проанализировав такие сведения, можно с большой уверенностью утверждать, что лицо, находящееся в розыске, находится по месту жительства. Нет необходимости приходить каждый раз к нему домой. Вырос расход воды – значит, появился новый жилец. В моменты пикового потребления можно выезжать для производства обыска или исполнения решения о приводе лица.

Аналогично – UBER, каршеринг, которые за счет концепции интернета-вещей исключил таксомоторные компании из бизнес-модели частного извоза. Крупные структуры стали просто не нужны, и сейчас клиент напрямую общается с водителем. Как правило, все пользователи данных сервисов персонализированы путем привязки к телефону, водительским удостоверениям, банковским картам. Получив доступ к базам данных аналогичных сервисов, можно отследить перемещение фигуранта.

Значительно распространение в последние годы получили фитнес-трекеры, или «умные браслеты». Показательным примером может служить информация, опубликованная в *The Washington Post*. Карта активности *The Global Heat Map*, составленная компанией *Strava* на основании данных фитнес-трекеров, раскрыла местонахождение военных баз США за рубежом, пишет издание.

В зонах боевых действий, например в Сирии и Ираке, карта активности почти полностью темная, за исключением отдельных мест. Речь, как предполагается, идет о местах дислокации американских военных.

Журналисты обнаружили на *The Global Heat Map* как уже известные американские базы, например в Кандагаре, Афганистан, так и те, координаты которых спецслужбы старались сохранить в тайне.

Несомненно, аналогичные сведения, полученные с браслета фигуранта, будут полезны и в ходе доказывания по уголовному делу.

Что нужно знать об этих предметах следователю или дознавателю?

Так, устройства, входящие в интернет-вещи, – любые автономные устройства, подключенные к Интернету, которые могут отслеживаться и/или управляться удаленно.

Экосистема IoT, или интернет-вещей, – все компоненты, которые позволяют бизнесу, правительствам и пользователям присоединять свои устройства IoT, включая пульты управления, панели инструментов, сети, шлюзы, аналитику, хранение данных и безопасность.

Физический уровень – аппаратное обеспечение, которое используется в IoT-устройствах, включая сенсоры и сетевое оборудование.

Сетевой уровень отвечает за передачу данных, собранных на физическом слое, к различным устройствам.

Уровень приложения включает протоколы и интерфейсы, которые устройства используют для идентификации и связи друг с другом.

Пульты управления позволяют людям использовать IoT-устройства, соединяясь с ними и контролируя их посредством панели инструментов, такой как мобильное приложение. К пультам управления относятся смартфоны, планшеты, ПК, умные часы, телевизоры и нетрадиционные пульты.

Панели инструментов обеспечивают отображение информации о экосистеме IoT для пользователей, что позволяет им управлять экосистемой IoT. Обычно используется удаленное управление.

Аналитика – программные системы, которые анализируют данные, полученные от IoT-устройств. Аналитика используется в большом количестве сценариев, например для прогнозирования технического обслуживания.

Хранение данных – то, где хранятся данные с IoT-устройств.

Сети – слой интернет-коммуникаций, который позволяет операторам общаться с устройством, а устройствам – общаться друг с другом.

Безусловно, без использования специальных знаний и приглашения специалиста в данной сфере сложно определить тактику проведения следственных действия и методику расследования в целом.

С уверенностью можно утверждать, что для получения доказательств посредством интернет-вещей необходимо их изъятие, осмотр, проведение экспертизы. Кроме того, возможен их удаленный скрытый мониторинг путем проведения такого следственного действия, как получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами.

После изъятия объектов они исследуются экспертом, который получит дополнительную информацию об объекте исследования. При проведении исследования для каждого объекта используется свое программное обеспечение.

Также для эксперта важно использовать специальные программно-аппаратные комплексы, имеющие возможность:

1) блокировки записи информации на исследуемый носитель. Для этого используется «блокиратор», который активируется перед проведением экспертизы;

2) посекторное копирование. Например, необходимо создать резервную копию исследуемого жесткого диска (для последующего исследования), чтобы предотвратить возможность изменения данных в оригинале;

3) доступ к файловой системе носителя;

4) просмотр типа файлов;

5) просмотр реестра (просмотр всех подключений к компьютеру);

б) оформление результатов исследования.

Если рассматривать исследование интернет-вещей, то из приведенных выше программных обеспечений можно использовать «Мобильный криминалист», так как большинство интернет-вещей таких как SmartWatch («умные часы»), подключаются к мобильному устройству. При помощи данного ПО возможно выяснить Blue-

toothID (уникальный номер устройства) «умных часов», которые были подключены к исследуемому смартфону. Если при проведении осмотра, обыска или выемки были изъяты другие СВТ, то выясненный BluetoothID сравнивается с идентификатором интернет-вещи.

Существует недостаток при снятии информации с «интернет-вещи»: возможно, что все данные, которые передавались между устройствами, зашифрованы. Расшифровка этих данных будет затруднительна. Для упрощения работы эксперта предлагается использовать учетную запись злоумышленника для входа в его учетную запись, чтобы установить действительность использования интернет-вещи для совершения преступления.

Но с практической точки зрения предложенные действия вызовут вопросы у защитника подозреваемого (обвиняемого), т. к. данные, описанные выше, могут храниться в Облаке и присутствует возможность «исчезновения» данных, которые могли бы служить доказательством в уголовном деле. То есть сегодня данные о соединении двух устройств, которые использовались для совершения преступления, присутствуют в облачном хранилище, а завтра – нет. Адвокат может заявить, что этих данных раньше не было, и эксперт, проводящий исследование данного объекта, дает ложное заключение.

В данном случае для отказа в удовлетворении ходатайства защитника необходимо оперировать понятиями из «закона Яровой» (Федеральный закон от 6 июля 2018 г. № 374-ФЗ). Он накладывает обязательства на крупнейшие операторы связи хранить на серверах записи звонков, сообщений и истории посещения интернет-страниц своих пользователей. 1 июля вступили в силу «минимальные», но все равно беспрецедентные требования. С этой даты операторы сотовой и других видов связи должны полгода хранить записи звонков, электронные сообщения и SMS-сообщения. Если правоохранитель направит запрос, компании должны передать данные. Это касается пользователей: которые зарегистрировались или авторизовались через IP-адрес на территории России; которые указали при регистрации в сервисе российский паспорт или другой российский документ, удостоверяющий личность; чьи географические данные указывают на нахождение в России; которые указали в сервисе телефонный номер, выданный российским оператором; о местоположении которых ОРИ знает от госорганов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность.

С 1 октября 2018 г. провайдеры должны хранить пользовательский интернет-трафик примерно за 30 суток и по запросу предоставлять

данные спецслужбам. В дата-центрах отведут определенное пространство, рассчитанное из объема трафика пользователя за 30 дней до начала работы хранилища. Если трафик вырастет, то старые данные станут доступны уже не в течение 30 дней, а на меньший срок. В ближайшие пять лет операторы обязаны ежегодно наращивать емкости для хранения на 15 %.

Е. В. Семенкова¹,

преподаватель кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦА, СТРАДАЮЩЕГО ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ

Расширение перечня следственных и процессуальных действий, которые можно проводить до возбуждения уголовного дела возможностью назначать, производить экспертизу и получать заключение эксперта (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), обусловило проблемы реализации новелл на практике, а в науке – острые дискуссии по этому поводу.

Родилась идея о необходимости производства судебно-психиатрической экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела. А в случае установления факта совершения общественно опасного деяния в состоянии невменяемости отказывать в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления.

На первый взгляд такая идея кажется вполне логичной. Следовательно до принятия решения о возбуждении уголовного дела назначает судебно-психиатрическую экспертизу в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, истребует заключение экспертов-психиатров, производит его оценку и в случае принятия решения о совершении преступления в состоянии невменяемости выносит постановление об отказе возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

Однако если подвергнуть нормы уголовно-процессуального закона глубокому анализу, то ошибочность такой позиции представляется налицо.

---

¹ © Семенкова Е. В., 2019.

Производство судебно-психиатрической экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела неоднократно оспаривалась многими процессуалистами¹. Данная позиция подтверждается многочисленными аргументами.

Во-первых, производство судебно-психиатрической экспертизы до возбуждения уголовного дела в отношении участников уголовного судопроизводства (живых лиц) в принудительном порядке возможно только с их согласия. Такой вывод напрашивается по результатам анализа норм УПК РФ и Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», который гласит, что «круг лиц, которые могут быть направлены на судебную экспертизу в принудительном порядке, определяется процессуальным законодательством Российской Федерации. В случае если в процессуальном законодательстве Российской Федерации не содержится прямого указания на возможность принудительного направления лица на судебную экспертизу, государственное судебно-экспертное учреждение не вправе производить судебную экспертизу в отношении этого лица в принудительном порядке»².

Возможность принудительного производства судебно-психиатрической экспертизы оговаривается УПК РФ в отношении потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого (ст.ст. 195, 196, 203 УПК РФ). Как известно, эти участники уголовного процесса появляются только при возбужденном уголовном деле, за исключением по-

---

¹ Шишков С. Н. Возможно ли производство судебно-психиатрической экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. – 2013. – № 10 (948). – С. 37–42 ; Исаенко В. Н. Проблемы назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы при проверке сообщения о преступлении // Законность. – 2014. – № 2 (952). – С. 46–50 ; Семенкова Е. В. Назначение и производство судебно-психиатрической экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в РФ : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – 2017. – С. 433–438.

² Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» // Российская газета. – 2001. – № 106.

терпевшего¹. Этой позиции придерживается Генеральная прокуратура Российской Федерации².

Во-вторых, при возникновении необходимости производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, возможно только в отношении подозреваемого или обвиняемого (ст. 203 УПК РФ), а значит, только после возбуждения уголовного дела.

В-третьих, закрепляя права участников при назначении и производстве судебной экспертизы, уголовно-процессуальный закон распространяет их лишь на подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля (ст. 198 УПК РФ). Нарушение права на ознакомление с постановлением о назначении судебно-психиатрической экспертизы может привести к признанию незаконности данного действия.

В-четвертых, отдельные вопросы, необходимые к разрешению при производстве судебно-психиатрической экспертизы (психическое отношение лица к совершенному деянию, а также его способность самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве), могут быть установлены лишь в случае производства предварительного расследования.

В-пятых, условия проведения доследственной проверки (сжатые сроки, недопустимость производства большинства следственных и процессуальных действий, упрощенные процедуры и т. д.) не обеспечивают надлежащих юридических гарантий для полноценного психолого-психиатрического исследования, в результате чего его проведе-

---

¹ См., напр. : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 27, ст. 2882 ; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2004 г. № 119-О «По жалобе гражданки Семеновы Лилии Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 354 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – № 23, ст. 2333.

² Указание Генерального прокурора Российской Федерации от 1 февраля 2016 г. № 67/36 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований законов при назначении и производстве судебно-психиатрической экспертизы» // Законность. – 2016. – № 4 (978).

ние чревато фактическими ошибками, нарушениями законов, прав и законных интересов граждан¹.

В-шестых, назначением стадии возбуждения уголовного дела является установление достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), а не психическое отношение лица к совершенному деянию.

Рождение позиции о необходимости отказа в возбуждении уголовного дела при совершении деяния в состоянии невменяемости обусловлено вполне рациональным подходом. В общественно опасных деяниях, совершенных лицами в состоянии невменяемости, отсутствуют субъект и субъективная сторона преступления. В соответствии с уголовно-процессуальным законом уголовное дело не должно возбуждаться, а возбужденное в отношении невменяемого лица дело должно быть прекращено в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. В таком случае возникает закономерный вопрос о судьбе лица, совершившего общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом. Если развить идею авторов, предлагающих отказывать в возбуждении рассматриваемой категории уголовных дел, то лицо, совершившее деяние, предусмотренное УК РФ, должно быть направлено на принудительное лечение в организацию, оказывающую психиатрическую помощь. Однако в соответствии с Федеральным законом о «Психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» психиатрическая помощь оказывается при добровольном обращении лица и при наличии его информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Лечение может проводиться без согласия лица, страдающего психическим расстройством или его законного представителя только при применении принудительных мер медицинского характера или в недобровольном порядке по постановлению суда². И в том и в другом случае принудительный порядок лечения предусмотрен только по решению суда. Только такой

---

¹ Щукина Е. Я., Ткаченко А. А., Шишков С. Н. О практике привлечения специалистов судебно-психиатрических экспертных учреждений (отделений) к участию в доследственной проверке материалов (в порядке ст. 144 УПК РФ): Информационное письмо. М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В. П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 2011. С. 6.

² Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 33, ст. 1913.

порядок полностью соответствует международным и конституционным принципам. Его изменение отодвинет нашу страну на несколько шагов назад.

Постановление о применении принудительной меры медицинского характера суд может вынести только по результатам полного, всестороннего расследования, подтверждающего, что деяние совершено именно тем лицом, в отношении которого осуществляется производство, в состоянии невменяемости и другие обстоятельства, предусмотренные УПК РФ (ст. 434 УПК РФ). Таким образом, отказывать в возбуждении уголовного дела или его прекращать по данному основанию нельзя. Однако выходом из сложившейся ситуации видится дополнение уголовно-процессуального закона нормами, регламентирующими возбуждение особого производства о применении принудительных мер медицинского характера с вынесением соответствующего правоприменительного акта.

А. Ю. Синдеев¹,

*первый заместитель Басманного
межрайонного прокурора г. Москвы*

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ПРОКУРОРА В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

К процессуальным решениям прокурора в стадии возбуждения уголовного дела можно отнести: постановление о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного закона; постановление об отмене постановления о возбуждении уголовного дела; постановление об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела; постановление о передаче материалов проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому либо об изъятии материалов проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти и передаче их следователю органов следственного комитета.

Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ постановление о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании как процессуальное решение определено в п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Этим процессу-

---

¹ © Синдеев А. Ю., 2019.

альным решением фактически заменено ранее существовавшее процессуальное решение прокурора о возбуждении уголовного дела, которое он был вправе выносить. Вместе с тем, данное процессуальное решение, безусловно, не может считаться адекватным ранее существовавшему.

Так, указанное процессуальное решение выносится в тех случаях, когда прокурор при осуществлении надзорной деятельности обнаруживает нарушение закона, содержащее признаки преступления. Такое нарушение может быть обнаружено прокурором при осуществлении полномочий в рамках любой отрасли прокурорского надзора.

В сегодняшней ситуации прокурор в своем постановлении лишь указывает в описательно-мотивировочной части, какое деяние, содержащее признаки преступления, выявлено прокурором в ходе осуществления прокурорского надзора, в резолютивной части постановления указывается решение прокурора не о возбуждении уголовного дела, а лишь о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании. Указанное решение прокурора является обязательным только для рассмотрения следователем или дознавателем в порядке, установленном для рассмотрения сообщений о преступлениях (ст.ст. 144, 145 УПК РФ).

Фактически законодатель установил, что властное решение прокурора (его постановление), которым установлено наличие признаков преступления, не влечет за собой другое процессуальное решение – о возбуждении уголовного дела. Вторая существенная ошибка законодателя заключается в том, что данное процессуальное решение может порождать (или не порождать) юридические последствия в виде возникновения правоотношений, связанных с производством предварительного расследования. Третья ошибка (и самая существенная) – в том, что наступление (или ненаступление) юридических последствий процессуального решения прокурора зависит от воли поднадзорных прокурору государственных органов и должностных лиц, уполномоченных осуществлять процессуальную деятельность.

Указанные ошибки могут быть исправлены только одним способом: прокурору необходимо предоставить право, выявив признаки преступления, возбудить уголовное дело.

Данные статистики за 2007–2017 гг. демонстрируют, что количество постановлений о возбуждении уголовных дел по результатам рассмотрения постановлений прокуроров стремится к 85 % от общего

числа поступивших, при этом снижается количество направляемых материалов. Такая динамика свидетельствует, в том числе, о повышении качества прокурорских проверок, полноты собираемых материалов и мотивированности постановлений, что дополнительно обосновывает необходимость возвращения прокурору права своим постановлением принимать решение о возбуждении уголовного дела.

Так, прокуратурой Северо-Западного административного округа г. Москвы проведена проверка исполнения федерального законодательства в организации «Р» при поставке военной техники для АО «М».

В ходе проверки установлено, что у организации «Р» отсутствовала лицензия на реализацию военной техники, однако поставка военной техники была произведена, в связи с чем неустановленные лица из числа руководителей организации «Р», осуществляя предпринимательскую деятельность, связанную с продажей военной техники, без специального разрешения (лицензии), наличие которого в данном случае обязательно, в результате которой извлекло доход на сумму свыше 186 млрд руб., то есть в особо крупном размере.

Материалы проверки с постановлением прокурора в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ были направлены в СЧ СУ УВД по СЗАО ГУ МВД России по г. Москве для решения вопроса об уголовном преследовании, и в результате следователем принято решение о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ.

Приговором Останкинского суда г. Москвы директор организации М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ, и ему назначено наказание в виде двух лет лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года 6 месяцев¹.

Возвращение прокурору полномочий по инициированию уголовного преследования путем возбуждения уголовного дела представляется невозможным без наделения прокурора правом проводить до следственные проверки. Для введения данной нормы предлагается изменить ч. 1 ст. 144 УПК РФ путем добавления в нее прокурора как субъекта рассмотрения сообщения о преступлении.

С учетом изложенного предлагается изложить п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в следующей редакции: «*Возбудить уголовное дело, пору-*

---

¹ Дело № 10-6381/18 // URL: <https://mos-gorsud.ru>.

чая его расследование дознавателю, следователю, руководствуясь правилами подследственности, установленными настоящим Кодексом».

Постановление об отмене постановления о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ) является властно-распорядительным процессуальным решением прокурора.

Юридические последствия такого процессуального решения прокурора наступают в любом случае неотвратно в виде прекращения уголовно-процессуальных правоотношений, связанных с расследованием преступления. По всем органам предварительного расследования прокурорами отменено решение о возбуждении уголовного дела в 2016 г. – 19359, в 2017 г. – 17205¹.

Имеют широкую распространенность факты нарушения органами предварительного следствия срока представления постановлений и материалов, в результате чего имеют место факты отмены прокурором решений о возбуждении уголовного дела по прошествии месяца и более, в связи с чем представляется возможным изменить ч. 4 ст. 146 УПК РФ следующим образом: *«Копия постановления руководителя следственного органа, следователя, дознавателя о возбуждении уголовного дела незамедлительно вместе с материалами дела направляется прокурору ... постановление о возбуждении уголовного дела с материалами дела передается прокурору незамедлительно при появлении для этого реальной возможности ...»*.

Постановление об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, с одной стороны, является властно-распорядительным процессуальным решением прокурора, с другой стороны, оно не влечет безусловного и обязательного возбуждения уголовного дела в случае, если прокурор признает, что имеет место наличие признаков преступления.

Отсутствие законодательного установления сроков представления прокурору материалов проверок сообщений о преступлениях создает порочную практику затягивания представления материалов проверок руководителями органов предварительного расследования.

Подтверждением факта существования данной проблемы служит факт издания совместного приказа Генерального прокурора России,

---

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2017 г. // URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1336134/>.

МВД России, ФСБ России, Следственного комитета России, ФСКН России, ФТС России, ФСИН России, МО России, ФССП России, МЧС России «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях» от 26 марта 2014 г., в котором предусмотрен порядок направления материалов проверок с решениями об отказе в возбуждении уголовного дела прокурору в течение пять суток, однако данная норма осталась декларативной, в связи с чем ее следует включить в ст. 148 УПК РФ в этом виде по аналогии с предложенной ч. 1 ст. 146 УПК РФ.

Постановление о передаче материалов проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому либо об изъятии материалов проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти и передаче их следователю Следственного комитета Российской Федерации является властно-распорядительным процессуальным решением прокурора.

В данном случае юридические последствия данного процессуального решения наступают непосредственно и безотлагательно в виде прекращения уголовно-процессуальных правоотношений в одном органе и их возникновения в другом.

Проблематика правоотношений, связанных с рассматриваемым процессуальным решением, заключается, на наш взгляд, в отсутствии законодательного закрепления права прокурора императивно изымать уголовные дела из производства следователей Следственного комитета Российской Федерации.

Существует практика, в соответствии с которой руководители и следователи органов Следственного комитета Российской Федерации по аналогии со следователями прокуратуры и их руководителями до 2007 года изымают материалы проверки сообщений о преступлениях «не своей» подследственности из органов внутренних дел и принимают их к своему производству, принимая решение о возбуждении уголовного дела.

Причина, по нашему мнению, заключается в том, что п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ органами Следственного комитета Российской Федерации разных уровней толкуется расширительно: так как любое уголовное дело может быть передано в производство следователя данного органа, следовательно, он наиболее квалифицирован и объективен.

Не умаляя роли следователей Следственного комитета Российской Федерации в правоохранительной деятельности следует отметить, что иерархии между следственными органами разных ведомств быть не должно. Тогда как роль прокурора – как должностного лица, осуществляющего уголовное преследование, должна быть главенствующей в том числе и в решении вопроса о выборе следственного органа.

С учетом приведенных аргументов п. 12 п. 2 ст. 37 УПК РФ предлагается изложить следующим образом: *«Передавать уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования) в соответствии с правилами, установленными ст. 151 настоящего Кодекса или по внутреннему убеждению путем вынесения мотивированного постановления с указанием всех обстоятельств дела, обосновывающих принятие данного решения».*

Как уже подчеркивалось выше, сегодняшняя ситуация не соответствует общепризнанным представлениям о роли прокурора в уголовном судопроизводстве. Прокурор представляет обвинение перед судом от имени государства, признать процессуальные решения прокурора необоснованными и незаконными вправе только вышестоящий прокурор или суд. То есть для остальных участников досудебного производства решения прокурора быть обязательными.

М. В. Смирнов¹,

доцент кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ

Проблемы процессуального принуждения, несмотря на длительную историю их разработки, остаются по-прежнему актуальными. Корни этой проблемы, на наш взгляд, лежат в несовершенстве законодательного регулирования порядка применения процессуального принуждения при собирании доказательств. В настоящей работе предпринята попытка еще раз обратиться к проблеме применения

---

¹ © Смирнов М. В., 2019.

процессуального принуждения при собирании доказательств лицами, осуществляющими уголовное преследование. Мы полагаем, что закрепленные в разделе IV УПК РФ меры процессуального принуждения недостаточно приспособлены для обеспечения принудительного собирания доказательств.

Как нам представляется, законодателю не удалось до настоящего времени сформулировать четкую, единообразную позицию в отношении возможности получения обвинительных доказательств «при отсутствии согласия» лица, то есть против его воли (принудительно).

Поясним свою позицию. В УПК РФ предусмотрена обязательность требований, поручений и запросов (ч. 4 ст. 21 УПК РФ). Предполагается, что участники уголовного судопроизводства должны либо выполнять свои процессуальные обязанности и (или) не противодействовать производству по делу. Практика уголовного судопроизводства свидетельствует о необходимости и широком применении процессуального принуждения при производстве по делу на стадии предварительного расследования. Вместе с тем, надлежащая процедура принудительного порядка выполнения участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей прописана в УПК РФ фрагментарно, а не системно.

Национальный законодатель одновременно закрепляет на конституционном уровне такие права, как право на свободу и личную неприкосновенность, на неприкосновенность жилища, в целях, предусмотренных в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, допускает и их ограничение федеральным законом.

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и принятые на ее основе другие международные правовые акты, направленные на защиту основных прав и свобод человека и гражданина, также предусматривают допустимость их ограничения в установленных законом случаях.

Так, в Декларации 1948 г. отражено международное признание того, что каждый человек имеет обязанности перед обществом (п. 1 ст. 29). Во имя обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других лиц и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократиче-

ском обществе отдельные лица могут быть подвергнуты определенным ограничениям (п. 2 ст. 29)¹.

В национальном законодательстве, нормах международного права и в зарубежном уголовно-процессуальном законодательстве установлены основания и пределы правоограничений, которым может быть подвергнута личность в публичных интересах, в том числе и в уголовном судопроизводстве. Так, например, при необходимости получения обвинительных доказательств например, посредством помещения подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский стационар для производства соответственно судебно-медицинской экспертизы (п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц (п. 4 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), личного обыска (п. 6 ч. 2 ст. 29 УПК РФ) и в ряде других аналогичных случаев судебный контроль (ст. 165 УПК РФ) обеспечивает личность от чрезмерного и (или) необоснованного ограничения ее прав и законных интересов.

Российский следователь, принимая решение или осуществляя то или иное процессуальное действие, в отношении лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, обязан охранять их права. Вместе с тем, он должен предпринимать активные меры, зачастую сопровождаемые ограничением свободы и личной неприкосновенности, в случаях невыполнения и (или) ненадлежащего выполнения участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей.

В одном из своих постановлений, еще в период действия УПК РСФСР, Конституционный Суд Российской Федерации призвал законодателя при решении рассматриваемой проблемы обеспечить «баланс интересов правосудия и прав граждан на свободу и личную неприкосновенность»².

Право на свободу и личную неприкосновенность при производстве по уголовному делу не должно рассматриваться как запрет каких бы то ни было ограничений прав личности вообще, исключение применения к личности мер государственного принуждения и обще-

---

¹ Права человека и судопроизводство. Собрание международных документов. Produced by USIA Regional Program Office. С. 10.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 14-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – № 26, ст. 3185.

ственного воздействия¹. Следовательно должен иметь в виду, что личность свободна и неприкосновенна лишь в той мере, в какой ее поступки общественно полезны либо не причиняют вреда обществу и государству, правам и законным интересам других граждан.

Рассматривая жалобы на нарушение права на свободу и личную неприкосновенность, Европейский суд по правам человека неоднократно подчеркивал в своих решениях, что государство вправе осуществлять действия, связанные с ограничением свободы и личной неприкосновенности (Решение Европейского суда по правам человека по делу: Клоот против Бельгии; Вемхофф против Германии; Броугэн и другие против Соединенного Королевства).

В основе такого «права на ограничение», по мнению Европейского суда по правам человека, лежит необходимость обеспечить безопасность общества в целом, так называемый общественный интерес, позволяющий принимать и осуществлять решения, которые сопровождаются отклонением от нормы уважения личной свободы.

Вместе с тем, возможность, допустимость ограничения прав не дают оснований говорить об их отмене. В связи с этим заслуживает поддержки позиция судьи Конституционного Суда Российской Федерации А. Л. Кононова, изложенная в его особом мнении по одному из дел, рассмотренных Конституционным Судом Российской Федерации, что всякое ограничение права может допускаться лишь как временная мера². В противном случае такое ограничение представляло бы собой ни что иное, как отмену права. Отмена же основных прав и свобод личности недопустима в силу запрета, установленного ч. 2 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Должностное лицо или орган, осуществляющие уголовное судопроизводство, должны иметь в виду, что в предусмотренных законом случаях ограничение прав лица, вовлекаемого в производство по уголовному делу, не только допустимо, но и может быть необходимо. Запрещается произвольное и (или) чрезмерное ограничение.

---

¹ Долгоруков С. В. Принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1985. С. 33.

² Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А. Л. Кононова по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. по жалобе И. Г. Черновой // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1998. – № 6.

Произвольному ограничению свободы и личной неприкосновенности в уголовном судопроизводстве необходимо противопоставить строго регламентированную процедуру ограничения.

Принимая решение о применении мер процессуального принуждения, уполномоченное должностное лицо всегда должно исходить из требования соразмерного ограничения прав и свобод, закрепленного в ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации¹. Данное требование означает, что публичные интересы, перечисленные в этой конституционной норме, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они адекватны социально оправданным целям.

Из правила соразмерности в ситуации, когда для защиты одного права необходимо ограничить другое право, вытекает, что ограничения прав лица, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства, могут быть оправданы и допустимы, когда иным путем достичь поставленной цели невозможно². Прямое указание об этом содержится в ст. 108 УПК РФ, регламентирующей заключение лица под стражу в качестве меры пресечения.

Вместе с тем, ограничение того же конституционного права на личную неприкосновенность при получении некоторых образцов для сравнительного исследования, а также при освидетельствовании лица, сопряженном с его обнажением при отсутствии его согласия, надлежащей правовой процедурой не урегулировано. Разрешима ли правовыми средствами эта проблема, довольно часто возникающая при производстве предварительного расследования отдельных категорий уголовных дел (например, по делам об изнасиловании; по делам о незаконном обороте наркотиков – при транспортировке контейнеров с наркотиками внутри тела человека-курьера и некоторых других категориях дел)?

Как следует из содержания ст. 179 УПК РФ, получение согласия на освидетельствование подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего не требуется, а постановление следователя о производстве освидетельствования обязательно для освидетельствуемого лица (ч. 2 ст. 179

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 26, ст. 3185.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г.

УПК РФ). Возникает вопрос: как должен поступить следователь в случае отказа лица от предоставления образцов для сравнительного исследования или от освидетельствования. Допустимо ли в этом случае физическое принуждение? Какой отраслью права необходимо при этом руководствоваться?

По нашему мнению, для разрешения рассматриваемой проблемы необходимо распространить процедуру, выработанную отечественным законодателем для разрешения аналогичных ситуаций, для которых в УПК РФ предусмотрен порядок получения судебного разрешения, на все иные случаи, когда требуется ограничить право на свободу и личную неприкосновенность в публичных интересах.

В качестве дополнительного аргумента в пользу распространения судебного порядка получения разрешения на производство следственных действий на все случаи, когда отсутствует согласие лица, а доказательства не могут быть получены иначе, можно привести один из примеров разрешения проблемы отказа от освидетельствования в зарубежном уголовно-процессуальном законодательстве.

Так, например, в уголовно-процессуальном законодательстве Германии предусмотрена возможность применения непосредственного (имеется в виду физического) принуждения к лицу, отказывающемуся от освидетельствования. Такое «непосредственное» принуждение может применяться только по особому решению судьи и только при условии, если соответствующее лицо, несмотря на наложение денежного штрафа в административном порядке, продолжает настаивать на отказе от освидетельствования или существует неотложность производства этого действия (часть 6 § 81 с УПК ФРГ).

В заключение необходимо подчеркнуть следующее:

1) Конституция Российской Федерации, нормы международного права и позиция Европейского суда по правам человека, сформулированная по ряду решений, признают основные права личности, но допускают, в том числе в целях борьбы с уголовными преступлениями, ограничения этих прав;

2) ограничение основных прав личности, поскольку оно допускается как исключение из правила, должно обеспечиваться особыми гарантиями;

3) в числе таких гарантий необходимо отметить надлежащую процедуру такого ограничения: судебный порядок получения разрешения на ограничение основных прав; ограничение прав лишь в тех случаях, когда иным образом получить доказательства невозможно;

ограничение прав лишь в установленных законом целях, при наличии оснований, соблюдении условий и не превышая установленных пределов.

Представляется, что дальнейшее совершенствование УПК РФ, его развитие как инструмента защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ) должно происходить с учетом уже накопленного опыта применения уголовно-процессуального закона и показавших эффективность на практике методов нормативного правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений.

П. М. Стольников¹,

начальник факультета подготовки следователей

Орловского юридического института

МВД России имени В.В. Лукьянова

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО УСМОТРЕНИЯ

Эволюция процессуального статуса следователя в отечественном уголовном процессе закономерно привела к нормативному закреплению необходимых предпосылок для осуществления следователем процессуальной самостоятельности. Положения п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ позволяют следователю самостоятельно проводить целый ряд следственных действий и принимать процессуальные решения. Основной формой реализации процессуальной самостоятельности следователя следует считать его усмотрение.

Процессуальная самостоятельность следователя невозможна без реализации им процессуального усмотрения. Усмотрение следователя является разновидностью правоприменительного усмотрения и всегда находит свое выражение в различных процессуальных решениях. М. А. Никонов обоснованно отмечает, что «дискреция принципиально не устранима из правоприменения и не может быть поставлена в четкие рамки»².

---

¹ © Стольников П. М., 2019.

² Никонов М. А. Судейское усмотрение: уголовно-процессуальные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 8.

В стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования следователь может реализовывать усмотрение при применении норм и материального, и процессуального права. Учеными предлагается рассматривать принимаемые в рамках уголовного процесса решения как те средства, которые могут обеспечить выполнение назначения уголовного судопроизводства¹. О направленности процессуального решения следователя на достижение целей уголовного процесса пишут В. Н. Григорьев и Г. А. Кузьмин².

На принятие следователем процессуального решения влияют как объективные, так и субъективные факторы. При этом в подавляющем числе случаев следователь оказывается в ситуации выбора. Результаты законного и обоснованного выбора следователем варианта поведения в рамках предоставленных ему полномочий находят свое выражение в принимаемых следователем процессуальных решениях. А. Я. Дубинский предлагал понимать процессуальное решение следователя как своеобразную программу его деятельности³. Такой выбор и обеспечивает возможность правоприменительного усмотрения.

Усмотрение следователя находит выражение в различных процессуальных решениях. Однако это не всегда постановления, выносимые следователем. Часть решений следователя может оформляться и протоколами как задержания, так и следственных действий. К сожалению, действующий уголовно-процессуальный закон не очерчивает тот круг процессуальных решений, которые следователь вправе принимать по собственному усмотрению, реализуя свою процессуальную самостоятельность. В. А. Азаров видит в этом существенный пробел в законе по сравнению с ранее действующим УПК РСФСР⁴.

Усмотрение следователя, выраженное в процессуальных решениях, может быть ограничено усмотрением иных субъектов, наделенных соответствующими должностными полномочиями. Одним из та-

---

¹ Lupinskaya P. A. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika. M., 2010. S. 13.

² Григорьев В. Н., Кузьмин Г. А. Правовые и организационные основы принятия решения в уголовном процессе (досудебные стадии) : монография. М., 2003. С. 126.

³ Дубинский А. Я. Исполнение процессуальных решений следователя. Правовые и организационные проблемы. Киев, 1984. С. 33–34.

⁴ Азаров В. А. Правовое положение следователя: позиции законодателя // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: матер. междунар. науч.-практ. конф. Ч. I. – Уфа, 2003. – С. 11.

ких субъектов является руководитель следственного органа, который вправе ограничить усмотрение следователя. Предусмотренными законом способами ограничения следственного усмотрения являются согласие и указания руководителя следственного органа. Можно говорить о возможном противоречии между процессуальным усмотрением следователя и усмотрением руководителя следственного органа. Если следователь считает необходимым избрать в отношении обвиняемого меру пресечения в виде заключения под стражу, а руководитель следственного органа не согласен с таким решением, то практическая реализация усмотрения следователя становится невозможной.

Следует упомянуть о том, что УПК РФ предусматривает только письменную форму указаний руководителя следственного органа. Но практика свидетельствует об обратном. Письменные указания руководителя следственного органа формулирует редко, только в исключительных случаях, когда не может избежать такого реагирования. Что касается устных указаний, то, хотя УПК РФ они не предусмотрены, следователи получают их почти по каждому уголовному делу. Складывается ненормальная ситуация, когда процессуальное усмотрение следователя ограничивается непроцессуальным указанием руководителя следственного органа. Считаем, что эта проблема должна быть решена на законодательном уровне за счет внесения соответствующих корректив в ст. 39 УПК РФ и создания реального механизма защиты процессуальной самостоятельности следователя от излишней опеки со стороны руководителя следственного органа.

*А. А. Сумин¹,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук;*

*А. Ю. Петрунина²,
слушатель института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

С каждым годом доля киберпреступлений в нашей стране увеличивается. По данным МВД России, в 2018 г. зарегистрировано 91058 преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий. В 2017 г. зарегистрировано 66 тыс. таких преступлений, что в полтора раза превышает показатели 2016 г. (44 тыс.). Основной причиной увеличения числа киберпреступлений стал резкий рост мошенничеств (с 13,4 тыс. до 32,8 тыс. в год), а также краж (с 8,5 тыс. до 9,8 тыс.), совершенных путем использования Интернета и иных коммуникационных ресурсов. Существенно увеличилось и количество преступлений, связанных с хищением совершенных путем ввода, удаления, блокирования и модификации компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ)³.

По данным статистики ФКУ «ГИАЦ МВД России» о состоянии преступности, в 2018 г. раскрыто лишь 24,5 % зарегистрированных преступлений. За 2017 г. производство по уголовным делам о киберпреступлениях в 75 % случаев приостановлено за неустановлением лица⁴, подлежащего привлечению к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, примерно 6 % уголовных дел прекращено по реабилитирующим основаниям, и только 7 % уголовных дел направлено с обвинительным заключением в суд. То есть количество соверша-

---

¹ © Сумин А. А., 2019.

² © Петрунина А. Ю., 2019.

³ URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (дата обращения: 7.10.2018).

⁴ URL: <https://мвд.рф/mvd/structure1> (дата обращения: 11.10.2018).

емых киберпреступлений – миллионы, а число осужденных по ним – всего лишь десятки¹.

С момента появления в уголовном законе новых квалифицированных составов мошенничества, в том числе с использованием платежных карт и в сфере компьютерной информации (ст.ст. 159.1–159.6, 159.3 и 159.6 УК РФ), прошло пять лет, однако проведенный анализ судебной практики показывает, что, несмотря на появление в 2012 г. новых специальных видов мошенничества, единый подход к вопросам правоприменения и судебного толкования до сих пор отсутствует, в то время как имеющиеся пробелы в законодательстве ловко используются злоумышленниками.

Несмотря на принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»² в настоящее время остаются дискуссионными следующие вопросы:

является ли уничтожением компьютерной информации деяние, при котором информация была изначально уничтожена, но через определенное время частично или полностью восстановлена специалистами?

как квалифицировать уничтожение компьютерной информации сильным электромагнитным или высокочастотным излучением, не повлекшим уничтожение самого носителя информации?

можно ли квалифицировать написание кода компьютерного вируса на бумажном носителе как создание вредоносной компьютерной программы?

как квалифицировать неправомерное ознакомление с компьютерной информацией, когда преступник, запомнив, например, персональные данные лица, впоследствии переносит их на другой материальный носитель информации, создав копию (на листе бумаги либо введя информацию в память своего компьютера или иного технического устройства)?

применима ли к компьютерной информации категория собственности?

Особенность данной категории дел заключается в специальном предмете.

---

¹ URL: <https://мвд.рф/mvd/structure1> (дата обращения: 11.10.2018.).

² Российская газета. – 2017. – 11 дек. – № 280.

Предметом преступного посягательства по ст. 159.6 УК РФ являются:

– компьютерная информация, под которой в уголовно-правовом аспекте понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи;

– имущество, то есть совокупность вещей, которые находятся в собственности лица (включая деньги и ценные бумаги), а также имущественных прав на получение вещей или имущественного удовлетворения от других лиц;

– информационно-телекоммуникационная сеть – совокупность технических средств для передачи и обработки информации¹.

Уголовнонаказуемыми по ст. 159.6 УК РФ являются лишь установленные законом способы завладения имуществом: ввод компьютерной информации, то есть размещение сведений в устройствах ЭВМ для их последующей обработки и (или) хранения;

2) удаление компьютерной информации, то есть совершение действий, в результате которых становится невозможным восстановить содержание компьютерной информации и (или) в результате которых уничтожаются носители компьютерной информации;

3) блокирование компьютерной информации, то есть совершение действий, приводящих к ограничению или закрытию доступа к компьютерной информации, но не связанных с ее удалением;

4) модификация компьютерной информации, то есть совершение любых изменений сведений (сообщений, данных), представленных в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи;

5) вмешательство в функционирование: средств хранения, средств обработки, средств передачи компьютерной информации, информационно-телекоммуникационные сети.

Раскроем некоторые понятия. Так, под вмешательством в функционирование следует понимать целенаправленное воздействие программных или программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) – ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны,

---

¹ Третьяк М. Правила квалификации компьютерного мошенничества и преступлений, предусмотренных главой 28 УК РФ // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 51.

снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации¹.

В качестве примера можно привести следующую ситуацию. 27 февраля 2017 г. примерно в 13 часов 40 минут М. Г. Исмаилов с целью хищения чужого имущества, находясь у себя дома, с использованием персонального компьютера, подключенного к сети Интернет, принадлежащего О. Н. Райханову электронного счета в системе «Единый кошелек» путем перечисления на счет платежной системы «Киви-кошелек» за номером «89285485747» похитил денежные средства в сумме 5 тыс. 560 руб. 60 коп., после чего перечислил данную сумму на свой банковский счет в ОАО «Экспресс-банк» и обналичил посредством снятия через банкомат. Таким образом, М. Г. Исмаилов совершил мошенничество в сфере компьютерной информации, то есть совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 159.6 УК РФ. М. Г. Исмаилов был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159.6 УК РФ, и ему было назначено наказание в виде штрафа в размере 25000 (двадцати пяти тысяч) рублей в доход государства².

Для успешного расследования данной категории преступлений необходимо проведение следователем (дознавателем) определенного комплекса следственных действий.

Самым первым и основным следственным действием, которое проводится во всех без исключения случаях, является осмотр места происшествия. Однако зачастую определить место, откуда было совершено преступление, бывает очень затруднительно. Компьютерное мошенничество предусматривает наличие как минимум одного или нескольких устройств, которые будут вовлечены в процесс обмена информацией в целях извлечения сведений. При этом между такими устройствами может быть достаточно большое реальное расстояние. Приходится констатировать, что такое положение негативно сказывается на процессе выявления, раскрытия и расследования мошенничества в сфере компьютерной информации, особенно в тех случаях, ко-

---

¹ Третьяк М. Модификация компьютерной информации и ее соотношение с другими способами компьютерного мошенничества // Уголовное право. – 2016. – № 2. – С. 23.

² URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 09.10.2018).

гда неправомерный доступ к информации осуществляется из-за рубежа.

В рассматриваемом преступном деянии местом совершения преступления является местонахождение компьютерно-технических средств, с которых отправляются команды. Однако это не окончательное определение места совершения мошенничества в сфере компьютерной информации.

Таким образом, определение места совершения мошенничества в сфере компьютерной информации при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, обладает определенной особенностью¹.

Перед началом осмотра места происшествия (компьютера, обстановки на месте преступления) принимаются меры к предотвращению повреждения или уничтожения информации, следов преступления:

- осуществляется контроль за бесперебойным электроснабжением ЭВМ в момент осмотра;
- удаляются все посторонние лица с территории, на которой производится осмотр, и прекращается доступ на нее;
- оставшиеся на территории лица лишаются доступа к средствам вычислительной техники и к источникам электропитания.

Осмотр необходимо производить с участием специалиста в области судебной компьютерно-технической экспертизы, а также специалиста-криминалиста, поскольку на компьютерных средствах зачастую оказываются следы рук, а также обнаруживаются рукописные и печатные документы.

Осмотр документов (источников и носителей криминалистически значимой компьютерной информации, документации, различных записей, даже на клочках бумаги) может иметь значение для успешного достижения цели.

Целесообразно осуществить допрос администратора системы (системного администратора) и выяснить: какие операционные системы установлены на каждом из компьютеров; какое используется программное обеспечение; какие применены системы защиты и шифрования; где хранятся общие файлы данных и резервные копии; каковы пароли супервизора и администраторов системы; какие зарегистри-

---

¹ Третьяк М. Правила квалификации компьютерного мошенничества и преступлений, предусмотренных главой 28 УК РФ // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 42.

рованы имена и пароли пользователей¹. Также важную роль играет осмотр самих носителей информации: дискет, CD и DVD дисков, FLASH-карт как на предмет оставшихся следов преступника (отпечатков пальцев), так и на предмет содержащейся на этих носителях информации. В первую очередь при осмотре данных предметов необходимо удалить всех посторонних, при наличии удалить все источники излучений (для исключения возможной порчи носителей информации), в протоколе подробно описать все разъемы, имеющиеся на носителях информации, а также упаковать данные предметы в соответствии с требованиями.

Еще одним важным следственным действием по данной категории преступлений является судебная компьютерно-техническая экспертиза, которая подразделяется на следующие виды:

а) судебная аппаратно-компьютерная экспертиза, заключающаяся в проведении исследования:

– технических (аппаратных) средств компьютерной системы: персональных компьютеров;

– периферийных устройств, сетевых аппаратных средств (серверы, рабочие станции, активное оборудование, сетевые кабели и т. д.);

– интегрированных систем (органайзеры, пейджеры, мобильные телефоны и т. п.);

– встроенных систем (иммобилайзеры, транспондеры, круиз-контроллеры и др.);

– любых комплектующих всех указанных компонентов (аппаратные блоки, платы расширения, микросхемы и т. д.).

б) судебная программно-компьютерная экспертиза, назначаемая для исследования программного обеспечения. Объекты включают: системное программное обеспечение; прикладное программное обеспечение (текстовые и графические редакторы, системы управления базами данных, электронные таблицы); авторское программное обеспечение потребительского назначения.

в) судебная информационно-компьютерная экспертиза, имеющая целью поиск, обнаружение, анализ и оценку информации, подготовленной пользователем или порожденной программами для организации информационных процессов в компьютерной системе.

---

¹ Ефремова М. А. Мошенничество с использованием электронной информации // Информационное право. – 2018. – № 4. – С. 34.

г) судебная компьютерно-сетевая экспертиза, основывающаяся прежде всего на функциональном предназначении компьютерных средств, реализующих какую-либо сетевую информационную технологию. Задачи этой экспертизы включают практически все основные задачи рассмотренных выше видов экспертизы. Это объясняется тем, что ее объекты интегрированы из объектов рассмотренных выше видов экспертиз (аппаратные, программные и данные), но лишь с той разницей, что они все функционируют в определенной сетевой технологии.

По делам данной категории могут назначаться судебные экспертизы других классов и родов:

– судебно-трасологические – для анализа следов взлома, следов рук как на внешних, так и на внутренних поверхностях компьютеров и их комплектующих;

– судебно-технические экспертизы документов, когда компьютер используется как средство для изготовления поддельных документов, фальшивых денежных билетов и проч.;

– фоноскопические экспертизы – при использовании средств прослушивания переговоров и др.

В заключение отметим, что для обеспечения успешной борьбы с киберпреступлениями органам внутренних дел необходимо владеть современными цифровыми технологиями, активно использовать защитные программы для сохранности персональной информации, а также совершенствовать практику расследования киберпреступлений.

Среди мероприятий по борьбе с компьютерным мошенничеством необходимо выделить такие, как:

1) подготовка квалифицированных специалистов по противодействию киберпреступлениям;

2) создание «интеллектуальной системы», которая позволит автоматически вычислять в сети «Интернет» и помогать раскрывать киберпреступления в короткие сроки, что, безусловно, отразится на качестве предварительного расследования;

3) проведение профилактики среди населения о вреде выкладывания в сеть «Интернет» своих персональных данных;

4) улучшение систем защиты персональной информации.

И. Б. Тутынин¹,

доцент кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

**О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ
ДЕНЕЖНОГО ВЗЫСКАНИЯ КАК МЕРЫ
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ К ЛИЦАМ,
В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ**

Из содержания УПК РФ вытекает, что денежное взыскание как меру процессуального принуждения можно применить к ряду участников уголовного судопроизводства: к потерпевшему, свидетелю, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому (ч. 2 ст. 111 УПК РФ), к присяжному заседателю (ч. 3 ст. 333 УПК РФ), к поручителям (ст. 103 УПК РФ) и лицам, которым несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый был отдан под присмотр (ст. 105 УПК РФ), а также к лицу (участнику), которое нарушило порядок в судебном заседании, не подчинилось распоряжениям председательствующего или судебного пристава (ч. 1 ст. 258 УПК РФ).

Данный перечень участников, по-нашему мнению, следует расширить. Такое расширение в первую очередь целесообразно за счет подозреваемого и обвиняемого. Закон этого не предусматривает, о чем неоднократно указывал Верховный Суд Российской Федерации², реагируя на решения нижестоящих судов³.

Но российские процессуалисты настаивают на необходимости налагать денежное взыскание на подозреваемого и обвиняемого. Сре-

¹ © Тутынин И. Б., 2019.

² Постановления Верховного Суда Российской Федерации от 30 июля 2010 г. № 14-АД10-1, от 10 февраля 2010 г. № 49-АД10-1, от 10 декабря 2008 г. № 308П08, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2010 г. № 93-О09-24СП // СПС «КонсультантПлюс».

³ Например, постановлениями Магаданского областного суда от 30 июля 2009 г. и от 31 июля 2009 г. неявка подсудимого З. в судебное заседание признана неуважительной, З. был подвергнут денежному взысканию, оба раза по 2500 рублей в доход федерального бюджета // Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2010 года // СПС «КонсультантПлюс».

ди причин такого нововведения приводится ситуация, когда избрание заключения под стражу невозможно, т. к. ряд составов преступлений не предусматривают санкцию в виде лишения свободы, а обвиняемый (подозреваемый) не выполняет требования обязательства о явке¹, обоснованно полагая, что ему в этом случае не грозит никакая процессуальная ответственность.

Кроме того, из-за переполненности следственных изоляторов по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести суды пренебрегают заключением под стражу, предпочитая неоднократный привод², т. к. иных мер воздействия применить не представляется возможным.

В законодательстве других стран специально предусмотрено применение денежного взыскания к неявившемуся обвиняемому, вызванному в судебное заседание, к которому не применялась мера пресечения в виде содержания под стражей (ч. 1 ст. 323 УПК Украины), а также в случае невыполнения им возложенных на него обязанностей (ч. 1, 2 ст. 179 УПК Украины). Аналогичные нормы существуют в Республике Казахстан, Республике Таджикистан, Эстонской Республике.

В юридической прессе имеются предложения о необходимости за нарушение обвиняемым, подозреваемым установленных в отношении него ограничений и (или) запретов при домашнем аресте предусмотреть в качестве процессуальной ответственности денежное взыскание, налагаемое в порядке, предусмотренном ст. 118 УПК РФ³. Полагаем, что такое предложение может быть использовано для совершенствования новой меры пресечения – запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ).

---

¹ Кутуев Э. К. Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях : дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2004. С. 270.

² Зайцева Е. А., Гринюк Е. Н. О процессуальных сроках и ответственности участников уголовного судопроизводства // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 10. В 3 т. Т. 3. М. : Юрист, 2010. С. 834–835.

³ Багаутдинов Ф. Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2004. – С. 43 ; Григорьев В. Н. Крымский вариант экономии уголовно-процессуальных средств: исторический опыт и современные тренды // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика. Материалы V Международной научно-практической конференции. 2017. – С. 43 ; Химичева О. В., Плоткина Ю. Б. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда : монография. М., 2012. С. 205 и др.

Результаты нашего анкетирования показали, что 82 % следователей и дознавателей, а также 50 % судей считают необходимым предусмотреть в УПК РФ возможность применения денежного взыскания к подозреваемому (обвиняемому); лишь 3,8 % следователей и дознавателей против этого возражают и 14,2 % затруднились ответить¹.

Как представляется, процессуальные санкции за невыполнение процессуальных обязанностей подозреваемым, обвиняемым должны присутствовать в уголовно-процессуальном законодательстве. В противном случае наблюдается противоречие такому принципу уголовного судопроизводства, как состязательность сторон, в части того, что стороны обвинения и защиты должны быть равноправными перед судом (ч. 4 ст. 15 УПК РФ). Нарушается общее условие судебного разбирательства «Равенство прав сторон» (ст. 244 УПК РФ), т. к. отсутствует именно равенство в возможности процессуальной ответственности и ее адекватности совершенному правонарушению.

Подозреваемый, обвиняемый обладают значительным арсеналом обеспечения своих (представляемых) прав и интересов. В то же время юридическая свобода без ответственности – нонсенс. Свобода, отрицающая ответственность субъекта, антисоциальна и несправедлива так же, как антигуманна ответственность, отрицающая свободу выбора².

Полагаем, что признаки процессуального принуждения имущественного характера полностью применимы к денежному взысканию, применяемому к подозреваемому, обвиняемому (к лицу, подавшему жалобу на решение о выдаче (ч. 5 ст. 463 УПК РФ), а также в отдельных случаях к лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера). Свойства процессуального принуждения имущественного характера, во-

---

¹ Опрос 100 руководителей следственных органов, следователей, дознавателей и 40 судей проводился нами с 2003 г. по 2017 г. в следующих субъектах Российской Федерации: г. Москва и г. Санкт-Петербург, Белгородская, Брянская, Владимирская, Калининградская, Калужская, Московская, Мурманская, Смоленская, Тульская, Ульяновская и Ярославская области, Приморский и Ставропольский края, Республика Кабардино-Балкария.

² Коврига Э. Ф. Свобода личности и ответственность в уголовном судопроизводстве // Правоведение. – 1987. – № 5. – С. 62 ; Масленникова Л. Н. Мирозренческая основа уголовно-процессуального права: соотношение публичного и диспозитивного начал // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 1 (45). – С. 41.

площенные в регламентации и практике применения анализируемого института, позволят приблизиться к предназначению уголовного судопроизводства, реализовать потенциал, заложенный в мерах уголовно-процессуального принуждения.

Увеличение списка лиц, в отношении которых необходимо предусмотреть возможность применения денежного взыскания, на этом не должно останавливаться. Признаки процессуального принуждения имущественного характера полностью применимы к денежному взысканию, применяемому к иным лицам. Свойства процессуального принуждения имущественного характера, воплощенные в регламентации и практике применения анализируемого института, позволят приблизиться к предназначению уголовного судопроизводства, реализовать потенциал, заложенный в мерах уголовно-процессуального принуждения.

Предлагаемые предложения не должны преследовать так называемые и, по сути, ложные «ведомственные интересы», когда меры процессуального принуждения будут применяться, например, для устрашения участников уголовного судопроизводства и принуждения их к действиям, желаемым сотрудниками органов предварительного расследования. Считаем, что при выполнении общих требований уголовно-процессуального законодательства, в том числе о том, что любое решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), позволит реализовать предпосылки, препятствующие неправомерного использования рассматриваемого института.

А. В. Угольников¹,

старший преподаватель кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России

УСТАНОВЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ

Освидетельствование производится для установления у человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для дела, если для этого не требуется производства судеб-

---

¹ © Угольников А. В., 2019.

ной экспертизы (ч. 1 ст. 179 УПК РФ)¹. Однако здесь необходимо отметить, что освидетельствование как следственное действие, предусмотренное ст.ст. 179–180 УПК РФ, не следует отождествлять с медицинским освидетельствованием как проверочным действием, которое по запросу дежурной части органа внутренних дел проводится врачом и по итогам которого составляется акт медицинского освидетельствования. Данный акт медицинского освидетельствования доказательственного значения не имеет и не является процессуальным документом. Лишь после возбуждения уголовного дела на основе данного акта и иных материалов назначается и производится судебно-медицинская экспертиза².

Как показывает практика, в целях установления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, освидетельствование применяется редко. Так, всего 3,0 % опрошенных следователей устанавливали указанные обстоятельства в ходе производства освидетельствования.

Однако недооценка освидетельствования как источника получения сведений об указанных обстоятельствах представляется нам ошибочной. Прежде всего, исходя из самого понятия данного следственного действия, оно проводится в том числе и в целях выявления состояния опьянения (алкогольного, наркотического, токсического). Как известно, лицо, находящееся в состоянии опьянения, зачастую не способно полностью осознавать характер своих действий и руководить своими поступками, а поэтому имеет наибольшую склонность к совершению преступления. Соответственно можно утверждать, что данное состояние является обстоятельством, способствующим совершению преступления.

Если же в ходе предварительного следствия будет установлено, что подозреваемый или обвиняемый привлечен к совершению преступления лиц, которые находились в состоянии опьянения, это согласно п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ будет служить обстоятельством, отягчающим наказание для лица, совершившего такое вовлечение.

Выявление в ходе производства освидетельствования особых примет, в частности татуировок на теле освидетельствуемого лица, имеет

---

¹ См.: Гриненко А. В., Алонцева Е. Ю. Предъявление для опознания: правовые и организационные аспекты // Библиотека криминалиста. – 2017. – № 5 (34). – С. 360–366.

² См., например: Хорьяков С. Н. Процессуальная самостоятельность следователя : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 106–107.

огромное значение. Так, татуировки, которые осужденные накалывают на теле в ходе отбывания наказания в виде лишения свободы, могут не только косвенно свидетельствовать о преступном прошлом лица, но также определяют его «социальный статус» в преступной среде, род преступной деятельности, количество судимостей в виде лишения свободы (например, татуировка «храм с куполами», где количество куполов свидетельствует о том, сколько раз лицо отбывало сроки лишения свободы). Данный факт напрямую является обстоятельством, способствовавшим совершению преступления, так как совершение таким лицом последующих преступлений является прямым отражением его антисоциального образа жизни.

Другим примером может служить выявление на теле освидетельствуемого лица следов от инъекций наркотических средств. В случае установления указанных следов следователь может выдвинуть одну из версий совершенного преступления, согласно которой освидетельствуемое лицо будет выступать в качестве подозреваемого. Причем преступление не обязательно может быть связано с незаконным оборотом наркотических средств, т. к. лица, находящиеся в зависимости от наркотиков, как известно, способны на совершение любых корыстных преступлений (кражи, грабежи, разбои, мошенничества и др.) с целью добычи денежных средств и иных ценностей для последующего приобретения наркотических средств.

На основании приведенных примеров считаем, что не следует недооценивать освидетельствования как одного из эффективных следственных действий, направленных на установление и доказывание обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Как и осмотр места происшествия, освидетельствование является следственным действием, которое в случаях, не терпящих отлагательства, может быть произведено до возбуждения уголовного дела. При определении времени освидетельствования следователю необходимо помнить, что промедление с его производством может привести к утрате доказательственной информации, вещественных доказательств, а соответственно и к невозможности в дальнейшем установить обстоятельства, которые способствовали совершению конкретного преступления.

Н. В. Угольникова¹,

*заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;*

Н. В. Григорьева²,

*доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Прокурор в отличие от других должностных лиц реализует свои полномочия во всех стадиях уголовного процесса, что подчеркивает его особый статус в уголовном судопроизводстве.

Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами считалось и считается одним из важнейших направлений деятельности органов прокуратуры³. Как и прежде, прокуроры в полном объеме обеспечивают участие при рассмотрении уголовных дел в судах, способствуя им в вынесении законных приговоров, реагируя одновременно и на неправосудные решения⁴.

Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая на одном из заседаний расширенной коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, назвал поддержание государственного обвинения в судах одной из центральных задач прокурорского корпуса⁵.

Ежегодно прокуроры принимают участие в рассмотрении только судами первой инстанции более 800 тыс. уголовных дел, а всего суды

¹ © Угольникова Н. В., 2019.

² © Григорьева Н. В., 2019.

³ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» п. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Доклад Генерального прокурора Российской Федерации по итогам работы прокуроров в 2017 г. Расширенное заседание коллегии от 15 февраля 2018 г. С. 19 // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1333942/> (дата обращения: 15.10.2018).

⁵ Выступление Президента РФ В. В. Путина на заседании расширенной коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 5 марта 2013 г. // Официальный сайт Президента РФ URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 16.10.2018).

общей юрисдикции всех инстанций рассматривают (как правило, с участием прокуроров) свыше 4 млн уголовных дел и материалов¹.

Определяя в ст. 246 УПК РФ обязательное участие в суде государственного обвинителя, государство подчеркивает важность и гарантированность соблюдения принципа состязательности сторон при рассмотрении дела по существу. Вместе с тем, процессуальное равноправие сторон в уголовном процессе не должно умалять роли прокурора как представителя государства, т. е. носителя публичных интересов, осуществляющего наряду с уголовным преследованием и правоохранительную функцию (в отличие от участвующего в деле адвоката, призванного всегда только защищать интересы обвиняемого)², а также еще и правозащитную функцию³. На это обращено внимание и Генерального прокурора Российской Федерации 15 февраля 2018 г. на расширенном заседании коллегии – «Соблюдение конституционных прав граждан – зона личной ответственности прокуроров»⁴.

Генеральный прокурор Российской Федерации в приказе № 465 от 25 декабря 2012 г. предписал участвующим в суде прокурорам исходить из того, что от активной позиции и профессионализма государственного обвинителя в значительной степени зависят законность и

---

¹ Капинус О. С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве // Журнал «Прокурор». – 2013. – № 2 ; Согласно основным показателям деятельности прокуратуры за 2016–2018 гг. судом первой инстанции рассмотрено уголовных дел с участием прокурора в 2016 г. – 908 тыс., в 2017 г. – 867 тыс. (–4,5%), за 6 месяцев 2018 г. – 409 тыс. Участие прокурора в суде апелляционной инстанции в 2016 г. – 122 тыс., в 2017 г. – 116 тыс. (–4,6%), за 6 месяцев 2018 г. – 55 тыс. // Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры РФ за 2011–2012 гг. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/80780>.

² Капинус О. С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве // Журнал «Прокурор». – 2013. – № 2. – С. 50–58.

³ Якушева Т. В. Полномочия государственного обвинителя в судебном следствии // Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – № 3 (101). – С. 121–124.

⁴ Доклад Генерального прокурора Российской Федерации по итогам работы прокуроров в 2017 г. Расширенное заседание коллегии от 15 февраля 2018 г. С. 19 // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1333942/> (дата обращения 15.10.2018).

справедливость рассмотрения уголовного дела (п. 1). С другой стороны, не следует забывать о назначении уголовного судопроизводства, которое определяет, что отказ от уголовного преследования невиновных и их реабилитация в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и поддержание обоснованного обвинения.

В статье затронуты вопросы, возникающие в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения¹.

Обеспечивая законность и обоснованность обвинения (ч. 3 ст. 37 УПК РФ), государственный обвинитель должен способствовать всестороннему исследованию обстоятельств дела, поддерживать обвинение лишь в меру его доказанности. Его окончательная позиция не зависит от выводов обвинительного заключения и должна быть основана на результатах исследования обстоятельств дела в суде.

Уголовно-процессуальное законодательство определяет, что если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения (полностью или частично) и излагает суду мотивы отказа. В свою очередь суд принимает решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей части, указывая в качестве основания прекращения п. 1, 2 ст. 24 и п. 1, 2 ст. 27 УПК РФ. При этом у подсудимого, уголовное преследование в отношении которого прекращено по данному основанию, возникает право на реабилитацию (п. 2 ч. 2 ст. 133 УПК РФ)².

---

¹ Актуальность данного вопроса определена и тем, что отказ государственного обвинителя от обвинения являлся предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации и Верховном Суде Российской Федерации. См. подробнее: п. 7 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан»; п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 5 марта 2004 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² К слову в ст. 133 УПК РФ в качестве основания прекращения уголовного преследования и как следствия возникновения права на реабилитацию указано именно – отказ государственного обвинителя от обвинения.

В связи с этим возникает вопрос относительно того, как часто государственные обвинители реализуют предоставленное им полномочие и с какими основными сложностями они сталкиваются.

Анализ статистики показал, что судами первой инстанции постановления о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям (п. 1, 2 ст. 24 и п. 1 ст. 27 УПК РФ), по делам публичного, частно-публичного обвинения, а также частного обвинения, возбужденного государством, вынесены в отношении следующего количества лиц: 2015 г. – 405, в 2016 г. – 4 609, в 2017 г. – 1997, за первые шесть месяцев 2018 г. – 847¹. Однако данные статистики не конкретизируют сколько раз решение принималось именно в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения.

Изучение основных результатов работы прокуратуры также не дает ответа на вопрос о том, как часто прокурорам, поддерживающим обвинение в суде, случалось от него отказываться.

В интервью информационному агентству «ТАСС» 31 января 2017 г. Генеральный прокурор Российской Федерации сказал, что «Прокурор, как судья и присяжные заседатели, оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью. Нередко используются полномочия по отказу от дальнейшего государственного обвинения: в 2015 г. – в отношении 323 лиц, за шесть месяцев 2016 г. – в отношении еще 119»².

В приказе № 465 от 25 декабря 2012 г. Генеральный прокурор Российской Федерации подчеркнул процессуальную самостоятельность государственного обвинителя, его подчиненность закону и совести (п. 8). Но так ли самостоятелен государственный обвинитель в принятии решения об отказе от поддержания дальнейшего обвинения.

Проанализировав положения приказа № 465 от 25 декабря 2012 г. авторы пришли к выводу, что государственный обвинитель – это

---

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2015, 2016, 2017 гг. и за первое полугодие 2018 г. // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

² Генеральный прокурор России – в спецпроекте ТАСС «Первые лица» Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки информационному агентству «ТАСС» 31 января 2017, 15:27 Юрий Чайка: каждому воздастся! // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL: http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/interview/1158961/ (дата обращения: 13.10.2018).

участник уголовного судопроизводства, действующий по поручению прокурора, утвердившего итоговый акт по делу. Требования ведомственного нормативного акта Генеральной прокуратуры Российской Федерации предписывают государственному обвинителю при существенном расхождении его позиции с позицией, выраженной в обвинительном заключении или обвинительном акте, немедленно докладывать об этом прокурору, поручившему поддерживать государственное обвинение.

При этом указанному прокурору в случае принципиального несогласия с позицией обвинителя, исходя из законности и обоснованности предъявленного обвинения, предписано своевременно решать вопрос о замене обвинителя либо самому поддерживать обвинение. Таким образом, мы отчетливо наблюдаем, что вопрос поддержания обвинения или отказа от такового относится к компетенции прокурора, утвердившего итоговый акт по делу.

Не вносит ясности и уголовно-процессуальное законодательство. С одной стороны, законодатель в ст. 246 УПК РФ определяет самостоятельность государственного обвинителя в вопросе принятия решения об отказе от обвинения. С другой стороны, ч. 4 ст. 37 УПК РФ определяет, что прокурор, а не государственный обвинитель вправе в порядке и по основаниям, установленным уголовно-процессуальным законом, отказаться от осуществления уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения.

Тенденция, наметившаяся в положениях приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 465 от 25 декабря 2012 г., по мнению авторов, несколько ограничивает принцип законности при производстве по уголовному делу, в содержании которого определен приоритет положений УПК РФ при производстве по уголовному делу.

Путей решения обозначенной проблемы может быть предложено несколько.

Во-первых, возможно следует внести в уголовно-процессуальное законодательство положение о том, что государственное обвинение в суде должен поддерживать прокурор, утвердивший обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление. Сразу следует отметить, что данное предложение с практической точки зрения фактически не выполнимо, поскольку прокурор, утверждающий уголовное дело, выполняет иную функцию прокуратуры и вовлечение его в процесс уголовного судопроизводства в суде может

негативно сказаться на его основных обязанностях. Хотя отдельные предпосылки в этом направлении сделаны в приказе № 465 от 25 декабря 2012 г., где руководителям прокуратур предписано время от времени лично поддерживать обвинение в суде.

Во-вторых, четко разграничить в уголовно-процессуальном законодательстве полномочия государственного обвинителя и прокурора, утвердившего итоговый акт по делу, с конкретизацией и предоставлением последнему права решать вопрос отказа от обвинения (полностью или частично) или его изменения в суде посредством обращения государственного обвинителя. Фактически речь идет о правоприменительной практике, сложившейся в настоящее время, которую необходимо урегулировать на законодательном уровне. В литературе есть мнение, что направление прокурором в суд уголовного дела с утвержденным им обвинительным заключением, обвинительным актом или обвинительным постановлением означает выдвижение перед судом государственного обвинения¹.

В-третьих, предоставить государственному обвинителю полномочие самостоятельно распоряжаться предоставленным в ст. 246 УПК РФ правом по отказу от обвинения (полностью или частично). Поскольку в первую очередь мы говорим об уголовно-процессуальном институте, регулируемом нормами уголовно-процессуального законодательства, которое не предполагает согласования позиции государственного обвинителя с кем бы то ни было. Главное условие – это обоснование суду мотива отказа². В юридической литературе ряд авторов предлагает, и мы их поддерживаем, что право на распоряжение обвинением, составляет ключевую материальную составляющую диспозитивных полномочий государственного

---

¹ Шадрин В. С. Отказ государственного обвинителя от обвинения в современных условиях // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 3 (11). – С. 58–66.

² Требования мотивированности отказа государственного обвинителя от обвинения должны соблюдаться в обязательном порядке, поскольку прекращение уголовного дела на основании немотивированного отказа от обвинения судом признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона и влечет за собой отмену судебного решения. Например, см. Апелляционное определение по делу № 22-3577/2013 от 5 июля 2013 г. // Шадрин В. С. Отказ государственного обвинителя от обвинения в современных условиях // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 3 (11). – С. 58–66 ; Апелляционное постановление № 22-1688/2014 22-8/2015 от 13 января 2015 г.

обвинителя как стороны в деле, главы обвинительной власти, формулирующей и выдвигающей обвинение и поддерживающей его в суде¹. По мнению авторов, это сможет существенно повысить ответственность государственного обвинителя.

В этой связи заслуживает внимания позиция авторов², предлагающих закрепить в УПК РФ принцип процессуальной самостоятельности как одну из основных гарантий, способствующей организации деятельности по поддержанию государственного обвинения в соответствии с назначением уголовного процесса, и исходя из того, что никакое давление на государственного обвинителя или вмешательство в его деятельность недопустимы.

П. В. Фадеев³,

профессор кафедры предварительного расследования

Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

ОКАЗАНИЕ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ЛИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Важная роль в уголовно-процессуальной деятельности отводится государственным органам уголовного судопроизводства и их должностным лицам (дознавателю, органам дознания, следователю, руководителю следственного органа, прокурору, суду и др.), которые ответственны не только за расследование и разрешение уголовного дела, защиту, охрану и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса, но и оказание им правовой помощи.

Данную точку зрения поддерживают и должностные лица органов уголовного судопроизводства. По их мнению, основной целью их деятельности являются: обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса (54 %); защита прав и законных интересов участников уголовного процесса (39 %); охрана прав и законных ин-

---

¹ Машовец А. О. Изменение обвинения, полный или частичный отказ от него государственным обвинителем в ходе судебного разбирательства // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 2 (36). – С. 93–96.

² Якушева Т. В. Полномочия государственного обвинителя в судебном следствии // Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – № 3 (101). – С. 121–124 ; Буланова Н. В. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами : монография. М., 2016.

³ © Фадеев П. В., 2019.

тересов участников уголовного процесса (16 %); правовое (юридическое) содействие (помощь) участникам уголовного процесса в целях защиты и охраны их прав и законных интересов (14 %); расследование преступлений, разрешение уголовных дел, реализация приговоров и иных решений (40 %).

Правовая помощь в уголовном процессе представляет собой основанную на законе деятельность государственных органов уголовного судопроизводства, профессиональных юристов (адвокатов, защитников, представителей) и иных уполномоченных лиц, использующих соответствующие правовые средства (способы, методы), в целях содействия физическим и юридическим лицам, пострадавшим в результате преступления или злоупотребления властью, в защите, охране и реализации их прав и законных интересов при выявлении преступлений, их расследовании и судебном разбирательстве, исполнении приговоров и иных решений.

Правовое содействие участникам уголовного процесса, пострадавшим в результате преступления, а также подвергшимся незаконному уголовному преследованию или иному ущемлению прав (т. е. злоупотребления властью), предусматривает неразрывную связь правовой помощи с уголовным судопроизводством. В юридической литературе его определяют, как «закрепленную в законодательстве деятельность уполномоченных органов и должностных лиц по обнаружению признаков преступления, возбуждению уголовных дел, производству их предварительного расследования, судебного рассмотрения и разрешения, а также порождаемые этой деятельностью уголовно-процессуальные отношения»¹.

Должностные лица органов уголовного процесса, расследующие преступление и рассматривающие уголовное дело по существу, обязаны принять меры к восстановлению нарушенных прав и законных интересов, не допущению их нарушения как у лиц, непосредственно пострадавших в результате преступления или злоупотребления властью, так и у общества и государства, выступающего «в качестве инструмента, реализующего государственную функцию защиты прав личности и общества»². Такой подход связан, с одной стороны, с пуб-

---

¹ Гриненко А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : постатейный научно-практический : учебное пособие. М. : Проспект, 2017. С. 13.

² Мельников В. Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства / В. Ю. Мельников. М. : ИД «Юриспруденция», 2006. С. 36.

личным характером отрасли уголовно-процессуального права, определяющей содержание уголовных дел, которые в большинстве случаев являются делами не частного, а публичного обвинения¹.

С другой стороны, уголовно-процессуальный закон наделяет каждого участника уголовного процесса соответствующими правами и уверенностью, что публичные интересы включают в себя и заботу о каждом человеке, охрану его жизни, здоровья, достоинства, оказание ему правовой помощи. Как справедливо отмечает И. Ф. Демидов, «не права человека следует подгонять под нужды судопроизводства, а, наоборот, весь уголовный процесс должен максимально соотнобразовываться с правами человека»².

Должностные лица органов уголовного судопроизводства при оказании правовой помощи потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому и другим участникам уголовного процесса руководствуются положениями уголовно-процессуального закона, определяющего порядок досудебного и судебного производства, права, обязанности и ответственность всех участников уголовного процесса, необходимые правовые механизмы их реализации, в числе которых процессуальный контроль, прокурорский надзор, судебный контроль, обеспечивающих законность производства по уголовному делу, в особенности при ограничении конституционных прав и свобод личности.

В то же время анализ особенностей правовой помощи, позволяющих отличить ее от схожих по своей сущности видов деятельности (защиты, охраны, обеспечения)³, предполагает не только наличие лица, пострадавшего в результате преступления, подвергшегося незаконному уголовному преследованию или иному ущемлению прав, но и его обращение за помощью в виде заявления, ходатайства, жалобы в государственные органы уголовного судопроизводства и их должностным лицам в целях защиты, охраны и реализации прав и законных интересов.

---

¹ См. : Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. СПб., 2003. С. 72.

² Демидов И. Ф. Проблема прав человека в современном российском уголовном процессе (концептуальные положения) : дис. ... докт. юрид. наук в форме научного доклада, выполняющего функцию автореферата. М., 1996. С. 25.

³ Более подробно см. : Фадеев П. В. О проблемах соотношения охраны, защиты и обеспечения прав участников уголовного судопроизводства // Общество и право. – 2013. – № 4 (46). – С. 149–153.

По нашему мнению, правовая помощь со стороны государственных органов уголовного судопроизводства в большей мере проявляется при:

1) обращении в государственные органы уголовного процесса или к их должностным лицам с заявлением (ходатайством, жалобой) о содействии в защите, охране и реализации их прав и законных интересов, рассмотрении их мнений и пожеланий на различных этапах уголовного судопроизводства, при производстве следственных и иных процессуальных действий. Например, обращение жертвы преступления с заявлением о совершенном преступлении (ст. 141 УПК РФ) обязывает государственные органы уголовного судопроизводства принять меры не только по расследованию преступления и разрешению уголовного дела по существу, но и восстановлению нарушенных прав, возмещению вреда. В соответствии с ч. 3 ст. 15 УПК РФ суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, т. к. не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне защиты или обвинения;

2) получении информации об их роли, правах, обязанностях и ответственности, механизме их реализации, о сроках проведения, объеме, ходе и результатах расследования, а также принятии необходимых мер в целях успешной реализации, охраны и защиты их прав и законных интересов.

В соответствии с ч. 1 и ч. 2 ст. 11 УПК РФ суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснить подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав. В случае согласия лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, дать показания дознаватель, следователь, прокурор и суд обязаны предупредить указанных лиц о том, что их показания могут использоваться в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу.

Следует отметить, что данное направление деятельности, оказываемое потерпевшему (гражданскому истцу), т. е. лицу, пострадавшему в результате преступления и официально обратившемуся за содействием в правоохранительные органы, на наш взгляд, в большей мере относится к правовой помощи. Например, потерпевший вправе: знать о предъявленном обвиняемому обвинении; давать показания; отка-

заться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников. При согласии потерпевшего дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний; представлять доказательства и др. (ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

3) содействию подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему в приглашении и назначении им защитника или адвоката. Согласно ч. 2 ст. 50 УПК РФ по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом. В случае невозможности явки приглашенного защитника в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу в соответствии с ч. 4 ст. 50 УПК Российской Федерации дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов;

4) принятию соответствующих мер безопасности, предусмотренных уголовно-процессуальным законом и иным законодательством РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц соответствующие меры безопасности.

Следует отметить, что в числе законов, конкретизирующих деятельность по принятию мер безопасности, выступает Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 7 февраля 2017 г.) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Согласно ч. 2 ст. 16, ч. 1 ст. 20 указанного Закона меры безопасности применяются на основании письменного заявления защищаемого лица или с его согласия, а также после заключения соответствующего договора, выраженного в письменной форме. Отсутствие обращения лица о применении мер безопасности или отказа от заключения договора влечет за собой неприменение мер безопасности или их отмену;

5) возмещении вреда, причиненного в результате преступления, злоупотребления властью или иного нарушения их прав и законных интересов. Например, потерпевший в соответствии с ч. 3 ст. 42 УПК РФ имеет право на возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя. Однако реализация его права возможна только в случае предъявления им требования о возмещении имущественного вреда и признания гражданским истцом. Данное положение относится и к иным физическим или юридическим лицам, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен им непосредственно преступлением.

В этом случае обязанность следователя, дознавателя в соответствии со ст. 160.1 УПК РФ по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого либо лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, и по наложению ареста на данное имущество является деятельностью по оказанию правовой помощи, а не защите прав и законных интересов гражданского истца.

Таким образом, анализ уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц органов уголовного процесса в досудебном производстве позволяет, с одной стороны, выделить основные направления их деятельности по оказанию правовой помощи участникам уголовного судопроизводства, пострадавших в результате преступления или злоупотребления властью, с другой стороны, показать отличия правовой помощи от схожих по своей сущности деятельности по защите, охране и обеспечению прав и законных интересов участников уголовного процесса.

В. Н. Чаплыгина¹,

*доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования
в органах внутренних дел Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент;*

А. Н. Калюжный²,

*сотрудник Академии ФСО России,
кандидат юридических наук, доцент*

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Уголовно-процессуальное законодательство уже давно требовало внесения изменений и дополнений в части принудительных мер пресечений, потому как физически-принудительные меры пресечения (залог, домашний арест, заключение под стражу) зачастую применялись недостаточно обоснованно к подозреваемым (обвиняемым), а остальные психолого-принудительные меры применяются лишь с согласия подозреваемых, обвиняемых.

В Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации еще в октябре 2015 г. был направлен законопроект о расширении главы 13 УПК РФ о создании новой меры пресечения. В обоснование утверждения данного законопроекта говорилось о сокращении экономических потерь, связанных с чрезмерным заключением под стражу – государственными расходами на содержание подозреваемых и обвиняемых под стражей и выплаты в счет возмещения вреда, связанного с нарушением прав личности и в целом уменьшение обращений, направленных в ЕСПЧ, с исполнением общепризнанных принципов и норм международного права. Кроме того, предполагалось, что наличие такой меры позволило бы следователям и судам более гибко подойти к вопросу ограничения прав обвиняемых и подозреваемых.

О том, что российским судам нужно реже избирать меру пресечения, связанную с лишением свободы, еще в ноябре 2016 г. упоминала Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Москалькова: «...изоляторы переполнены. По состоянию на 8 апреля в изоляторах Москвы содержалось почти 12 тыс. человек, что на 47 %

---

¹ © Чаплыгина В. Н., 2019.

² © Калюжный А. Н., 2019.

превышает лимит». Обращаясь к имеющейся судебной практике, омбудсмен подчеркнула, что для людей, не представляющих социальной опасности, вполне достаточно подписки о невыезде или домашнего ареста¹.

Статистика, предоставленная Верховным Судом Российской Федерации, показывает, что такие меры принуждения, как домашний арест и залог, не стали должной заменой заключению под стражу: в 2013 г. было удовлетворено 133 311 ходатайств, в 2014 г. – 133 755, в 2015 г. – 140 309, в 2016 г. – 123 296, в 2017 г. – 113 318². Ходатайства об избрании мер пресечения в виде залога и домашнего ареста удовлетворялись судами в 2013 г. – 198 и 3086, в 2014 г. – 225 и 3333, в 2015 г. – 190 и 4 740, в 2016 г. – 164 и 6101, в 2017 г. – 130 и 6453³.

Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» года ввел новую меру пресечения для подозреваемых и обвиняемых – запрет определенных действий. Однако до сих пор перед практикующими юристами стоит вопрос – действительно ли новая ст. 105.1 УПК РФ рационально решит проблемы, связанные с ограничением прав на досудебном этапе?

Итак, новая мера пресечения охватывает следующий круг запретов: выходить в определенные судом периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает; находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них; общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и сеть «Интернет»; управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Запрет определенных действий избирается по судебному решению при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения и заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обя-

---

¹ URL: https://www.gazeta.ru/social/2018/04/19/1172_2123.shtml.

² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296073/.

³ Чаплыгина В. Н. К вопросу о некоторых проблемах возврата залога в уголовном судопроизводстве России // Наука и практика. – 2016. – № 2. – С. 105–109.

занностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов.

Для избрания указанной меры следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом соответствующее ходатайство. Запрет определенных действий может быть избран в любой момент производства по уголовному делу.

Стоит отметить, что данная мера имеет смешанный характер, она сочетает в себе признаки как психолого-принудительных, так и физически принудительных мер пресечения и направлена на усиление дисциплинарного поведения подозреваемого обвиняемого¹. Так, запрет обвиняемому выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, посещать определенные места, правоприменитель избирает в качестве физического принуждения. Такие меры пресечения связаны с принудительным пребыванием обвиняемого, подозреваемого в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, прекращением выполнения служебных или иных трудовых обязанностей за пределами ограниченной территории, невозможностью свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц.

Исходя из тяжести совершенного преступления, существует предельный срок применения ограничений, однако ст. 105.1 УПК РФ предписывает, что по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести предельный срок составляет 12 месяцев, для тяжких преступлений – 24 месяца, а в случае особо тяжких преступлений – 36 месяцев².

Тем не менее в данной статье нет прямого указания о том, что дни, в течение которых лицо соблюдает упомянутый выше запрет, будут засчитаны в срок заключения под стражу. Полагаем, что это является пробелом, т. к. запрет на выход в определенные периоды за пределы места проживания аналогичен мере домашнего ареста (абсолютная изоляция от общества), непосредственно затрагивает права

---

¹ Калиновский К. Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. – 2018. – № 6. – С. 9.

² Евдокимова И.С. К вопросу о целесообразности введения запрета определенных действий как новой меры пресечения // Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты. – 2018. – С. 28–29.

на свободу и личную неприкосновенность, регулируемые ст. 22 Конституции Российской Федерации. Вследствие чего имеет право засчитываться в соотношении два дня запрета действия к один дню заключения под стражу, а также три дня запрета нахождения в определенных местах к один дню лишения свободы.

Остальные запреты, указанные в ст. 105.1 УПК РФ, в том числе общение с определенными лицами, предполагают психическое принуждение и самостоятельных сроков не имеют. Данные меры не предполагают изоляцию от общества, не посягают на права, регулируемые ст. 22 Конституции Российской Федерации, и, как правило, связаны с некоторыми условиями их осуществления. Они избираются и применяются в пределах сроков предварительного расследования до отмены или изменения данной меры пресечения согласно ч. 9 ст. 105.1 УПК РФ.

В прошлой редакции УПК РФ такие запреты, как общение с определенными лицами, отправление почтово-телеграфных отправлений и пользованием средств связи назначались комплексно с домашним арестом на срок до два месяцев, и в соответствии со ст. 109 УПК РФ их можно было продлить до 18 месяцев¹. Исключение данных запретов из ч. 7 ст. 107 УПК РФ и выделение в отдельную категорию мер пресечения позволяет устанавливать их срок действия на усмотрение суда. В связи с этим следует законодательно закрепить периоды времени, в течение которых лицу будет запрещено совершать действия, перечисленные в п. 2–6 ч. 6 ст. 105.1 УК РФ.

Указанные запреты могут быть избраны только в ходе судебного разбирательства и при согласии заинтересованных лиц, а иногда только при их ходатайстве, в срок наказания засчитать их невозможно. При этом суд может возложить как один из указанных запретов, так и несколько из них.

Стоит отметить, что ст. 105.1 УПК РФ указывает запрет на пользование средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», вести переписки через почтово-телеграфные отправления. В то же время лицо не может быть ограничено в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников полиции при чрезвычайных ситуациях, а также для общения с контролирующим органом, дознавателем или следова-

---

¹ Исаков В. С. О новой мере пресечения в виде запрета определенных действий // Аллея науки. – 2018. – Т. 4. – № 5 (21). – С. 632–639.

телем¹. При этом в указанной статье прямо не указано на право подозреваемого (обвиняемого) вести переговоры и иметь встречи с непосредственным защитником. Применяя данный запрет, лицо лишается права на получение квалифицированной юридической помощи, что затрагивает конституционное право человека, регулируемое ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации.

С другой стороны, при вменении запрета в использовании телефонной связи сети «Интернет» подозреваемому обвиняемому, проживающему с другими гражданами, невозможно применить без ограничения прав последних. Так, в отношении лица возможно применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств с целью контроля за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений². Из этого следует, что для утверждения данной меры в суд необходимо предоставлять также согласие проживающих совместно с подозреваемым, обвиняемым граждан на установку технических средств.

Тем не менее современные технические средства не в полной мере позволяют проконтролировать максимальное исполнение запрета, при котором запрет выхода и нахождение в определенных местах превращаются лишь в декларацию.

Запрет на управление транспортным средством – одна из наиболее ожидаемых мер в УПК РФ. До введения водители, по чьей вине происходили серьезные ДТП, продолжали пользоваться автомобилем ввиду продолжительного расследования уголовного дела.

Отдельной проблемой можно выделить контроль за исполнением запрета. Ограничение действия водительских прав до решения суда в рамках уголовного дела не остановит водителей с низким уровнем ответственности. А, как правило, если человек сел за руль в пьяном виде и совершил ДТП, то это говорит о его безответственности и вряд

---

¹ Николаева М. И. Новая мера пресечения «запрет определенных действий» в уголовном процессе России // Вестник Владим. юрид. ин-та. – 2018. – № 2 (47). – С. 117–123.

² Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений: Приказ Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 от 11 февраля 2016 г. // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71260608/>.

ли запрет садиться за руль остановит его до вынесения судебного приговора.

Стоит отметить и положительные аспекты данной меры, так ст. 105.1 УПК РФ предоставила возможность лицам продолжить заниматься предпринимательской деятельностью, и это является несомненным плюсом в сфере поддержания представителей малого и среднего бизнеса. Если ранее при наложении домашнего ареста подозреваемый или обвиняемый был лишен возможности непосредственного осуществления хозяйственной деятельности, так как УПК РФ регулировал решение данной проблемы только выдачей доверенности на представление интересов в предпринимательской среде (ч. 13 ст. 107 УПК РФ), то сегодня новая мера пресечения позволяет лицу непрерывно заниматься предпринимательской деятельностью даже в момент предварительного следствия.

Так, одним из ярких примеров применения данной «новой» меры пресечения явилось решение об изменении Басманным судом г. Москвы в сентябре 2018 г. меры пресечения – заключение под стражу на запрет определенных действий при расследовании «громкого» уголовного дела об убийстве тремя сестрами Хачатурян своего отца. Избрав в качестве меры пресечения запрет определенных действий, освобожденным из-под стражи девушкам следственные органы запретили пользоваться телефоном и Интернетом, общаться посредством любой связи между собой и вообще с кем-либо, кроме следователя и матери, а также покидать место проживания ночью. Реализована данная мера пресечения будет в разных местах: одна из сестер будет проживать по месту прописки, двум другим сестрам были арендованы квартиры, в которых сделан ремонт, что свидетельствует об обоснованном и взвешенном решении следователя изменить меру пресечения на более мягкую.

В заключение хотелось отметить, что несмотря на перечисленные несовершенства такой меры, как запрет определенных действий, мы считаем, что уголовно-процессуальное законодательство развивается в нужном направлении гуманизации права. Данная мера более лояльно применяется к конкретному лицу с учетом жизненных обстоятельств, ввиду этого безрезультативной ее признать нельзя. На данный момент правоприменительная статистика еще не сложилась, поэтому эффективность ее применения мы узнаем со временем.

Резюмируя сказанное, отметим, что в целом применение мер пресечения на сегодняшний день нельзя признать эффективным, оно

нуждается в реформировании. Справедливости ради подчеркнем, что причина такого положения дел видится нам не только и не столько в сфере законодательного регулирования, сколько в правоприменительной практике. Однако существующих на сегодняшний день мер пресечения при условии совершенствования механизма их реализации, как представляется, вполне достаточно для достижения целей их применения. Закрепление еще одной меры пресечения приведет лишь к тому, что еще одна мера пресечения будет неэффективной.

С. В. Черников¹,

преподаватель кафедры уголовного процесса

Ставропольского филиала Краснодарского университета

МВД России

ЭКСТУМАЦИЯ – СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ

Термин «следственные действия» свойственен теории и практике уголовного судопроизводства. Используется он и в уголовно-процессуальном законе. Однако в теории уголовного процесса вопрос о системе и признаках таких мероприятий все еще остается дискуссионным, что нашло отражение в УПК РФ, в котором отсутствует четкое и ясное понимание, какие действия таковыми являются. Сложившаяся ситуация отрицательно сказывается на практике уголовного процесса, т. к. правоприменители вынуждены самостоятельно определять принадлежность того или иного мероприятия к следственному действию. Негативные последствия такой ситуации проявляются в следующем. Ошибка в определении «статуса» следственного действия, с одной стороны, может повлечь отказ в применении общих правил производства следственных действий, указанных в ст. 164 УПК РФ, а с другой, может повлечь применение следственного действия при наличии законодательного запрета, например при приостановлении предварительного следствия (ч. 3 ст. 209 УПК РФ). В обоих случаях создается возможность согласно положениям ст. 75 УПК РФ признания полученного доказательства недопустимым.

Многие ученые, в том числе и автор статьи, уже обращали внимание на важность понимания системы, признаков следственных действий, критериев отнесения мероприятий к рассматриваемой категории.

---

¹ © Черников С. В., 2019.

В свете приведенных обстоятельств, а также исходя из значимости эксгумации как действия, затрагивающего нравственно-религиозные аспекты жизни людей, актуализируется вопрос об ее отнесении к следственным действиям. Так, в ст. 178 УПК РФ эксгумации посвящено семь строк, которые вряд ли содержат необходимый объем информации для правоприменителя. Тогда отнесение эксгумации к следственным действиям позволит использовать общие правила производства соответствующих мероприятий, обеспечив законность ее проведения и допустимость полученных доказательств. Кроме того, понимание эксгумации как следственного действия допускает применение тактических приемов организации и проведения, выработанных учеными-криминалистами, способствуя эффективности рассматриваемого мероприятия.

С принятием и введением с 1 июля 2002 г. УПК РФ законодатель в ст. 178 предусмотрел указанное следственное действие. Выделение в отдельное действие эксгумации, бесспорно, явилось объективной закономерностью, так как эксгумация своей сущностью и содержанием отвечает всем требованиям, предъявляемым к следственным действиям. Обратим внимание, что законодатель объединил в одной статье два возможно взаимосвязанных, но тем не менее разных мероприятия – осмотр трупа и эксгумацию. Таким образом, в УПК РФ эксгумация как следственное действие отдельной самостоятельной статьей не регламентируется и, как нам кажется, в дальнейшем просто необходимо ввести в уголовно-процессуальный кодекс отдельную статью (статью) о проведении эксгумации. Анализ глав 24–27, посвященных регулированию организации, проведения и оформления отдельных следственных действий, показывает, что законодатель в подавляющем большинстве случаев предоставляет каждому следственному действию отдельную статью. В случае с эксгумацией законодатель помещает ее в одну статью с осмотром трупа, причем текстуально располагает после названного мероприятия. Видимо, такой подход свидетельствует о подчиненном «статусе» эксгумации, что вступает в противоречие с правовой природой указанных действий как самостоятельных мероприятий, обособленных своими задачами, субъектами, порядком, оформлением.

УПК РФ в трех частях (3–5) ст. 178 регламентирует отдельные элементы организации и проведения эксгумации, однако не содержит указания об отнесении ее к следственным действиям.

Считаем, что возможность отнесения эксгумации к следственным действиям может быть основана на двух подходах – законодательном и теоретическом. Соответственно законодательный подход обусловлен наличием в уголовно-процессуальном законе прямого указания на возможность отнесения мероприятия к следственному действию. Теоретический подход определяется позициями ученых – процессуалистов, криминалистов, вырабатывающих систему следственных действий, их признаки.

Итак, в УПК РФ имеются положения, содержащие четкое указание на отнесение того или иного мероприятия к следственному действию. В соответствии с ч. 1 ст. 164 УПК РФ следственные действия, предусмотренные ст.ст. 178 ч. 3, 179, 182 и 183 УПК РФ, производятся на основании постановления следователя. Согласно ч. 3 названной нормы при необходимости извлечения трупа из места захоронения следователь выносит постановление об эксгумации. В свою очередь ч. 2 ст. 164 УПК РФ также содержит указание на следственные действия. В частности, в случаях, предусмотренных п. 4–9, 11 и 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, следственные действия производятся на основании судебного решения. Обращение к обозначенным пунктам ст. 29 УПК РФ показывает, что в них нет упоминания об эксгумации. Аналогичное положение отражено в ч. 1 ст. 165 УПК РФ. Часть 1.1 ст. 170 УПК РФ содержит следующую информацию: в случаях, предусмотренных статьями ...178, ...УПК РФ, понятие принимают участие в следственных действиях по усмотрению следователя.

Таким образом, законодатель путем прямого указания в законе относит эксгумацию к следственным действиям.

Теоретический подход к пониманию эксгумации как следственного действия определяется мнениями ученых и практиков в рассматриваемой сфере. Здесь можно выделить две позиции. Первая заключается в отнесении тем или иным ученым эксгумации к следственному действию. Второй – в анализе определения следственных действий и выделении на его основе признаков таких мероприятий, наличие которых у эксгумации позволит назвать ее следственным действием. Попутно отметим, что ввиду ограниченности объема статьи и значимости этого подхода с точки зрения детального анализа различных определений и групп признаков оставим его для следующего труда. Проанализировав различные мнения, укажем, что сформированы две точки зрения, согласно которым эксгумация либо является следственным действием, либо нет.

В. В. Кальницкий¹, С. П. Сереброва² считают эксгумацию следственным действием. В. Г. Глебов полагает, что эксгумация не выполняет функцию, свойственную следственным действиям, и не относит ее к рассматриваемым мероприятиям³. Ю. В. Киян, Д. А. Натура⁴ называют эксгумацию лишь средством получения данных для дальнейшего производства следственных действий. И. Ф. Герасимов, Л. И. Кукреш, С. А. Шейфер не включают эксгумацию в число следственных действий⁵.

На наш взгляд, понимая возможный технический, обеспечительный характер эксгумации по отношению к осмотру трупа, можно считать ее самостоятельным следственным действием, поскольку ее задачи могут быть шире назначения осмотра трупа, правила организации и проведения специфичны, ход затрагивает нравственно-религиозные интересы граждан, результаты могут занять положение отдельного источника доказательств.

Итак, указание в УПК РФ об отнесении эксгумации к следственным действиям обязывает правоприменителя использовать законодательно предусмотренные разрешения и запреты, адресованные таким мероприятиям, при ее организации и производстве, что обеспечит ее законность и допустимость полученного доказательства.

---

¹ Уголовный процесс: сборник учебных пособий. Особенная часть. Вып. 2. М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2002. С. 112, 114–115.

² Уголовный процесс России : учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва. М. : Юрайт, 2003. С. 340.

³ Уголовный процесс : учебник / под ред. С. А. Колосовича, Е. А. Зайцевой. Волгоград : ВА МВД России, 2000. С. 289–290.

⁴ Киян Ю. В. Следственное действие: понятие и система // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 3 (92). – С. 162 ; Натура Д. А. Эксгумация на предварительном следствии и особенности тактики следственных действий, связанных с эксгумированным трупом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. С. 16.

⁵ Шкаплеров Ю. П. Эксгумация: проблемы процессуальной регламентации // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2008. – № 10. – С. 184–189.

Я. А. Шараева¹,

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук;*

О. Г. Тарнакоп²,

*доцент кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук*

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Одним из этапов стадии возбуждения уголовного дела является проверка появившегося повода для возбуждения уголовного дела. Статьей 144 УПК РФ предусмотрено, что должностное лицо, которому поручено произвести проверку сообщения о преступлении, вправе произвести освидетельствование лица.

Под освидетельствованием понимается следственное действие, производимое для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы.

В приведенном законодательном определении объектом освидетельствования является тело человека. Освидетельствованию могут быть подвергнуты подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, а также свидетель с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний.

Исходя из закрепленного в УПК РФ определения, на практике возникают две основные проблемы, связанные с производством данного следственного действия.

Во-первых, в определении процессуального положения лица, в отношении которого производится освидетельствование.

По общему правилу освидетельствование производится в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля.

Статус подозреваемого лицо приобретает при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела, при задержании лица, при

---

¹ © Шараева Я. А., 2019.

² © Тарнакоп О. Г., 2019.

применении меры пересечения, при уведомлении лица в подозрении в совершении преступления.

Статус обвиняемого лицо приобретает при вынесении обвинительного акта, обвинительного постановления и при вынесении постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Лицо приобретает статус потерпевшего при вынесении следователем постановления о признании его таковым. Во всех обозначенных случаях такие решения могут быть приняты в рамках возбужденного уголовного дела. В рамках проверки сообщения о преступлении еще нет подозреваемого, потерпевшего и свидетеля. Напрашивается закономерный вопрос: возможно ли проводить освидетельствование лиц, не имеющих процессуального статуса.

Вместе с тем, ст. 179 УПК РФ предусматривает, что в случаях, не терпящих отлагательств, освидетельствование может быть проведено до возбуждения уголовного дела. Таким образом, на наш взгляд, имеется коллизия норм уголовно-процессуального права в части определения процессуального статуса лиц, в отношении которых может быть осуществлено освидетельствование.

На наш взгляд, стоит внести дополнения в ст. 179 УПК РФ, которая предусматривала бы проведение освидетельствования лиц, в отношении которых производится проверка сообщения о преступлении до принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Второй проблемой, которая вызвала массу дискуссий в уголовно-процессуальной науке – это проблема возможности проведения принудительного освидетельствования при отсутствии согласия освидетельствуемых лиц.

По анализируемой проблеме сложились две точки зрения. Одни придерживаются мнения о том, что применение принуждения при производстве освидетельствования недопустимо, другие – что принуждение при освидетельствовании необходимо.

Сторонники первой точки зрения обосновывают свою позицию ссылаясь на положения ст. 51 Конституции Российской Федерации о том, что никто не обязан свидетельствовать против самого себя. Такие авторы, как С. М. Апарин и В. Л. Будников рассматривают право не свидетельствовать против самого себя как право не только давать самоуличающих показаний, но и как право обвиняемого не прини-

мать никакого участия в любом процессуальном действии следователя без своего личного желания¹.

Сторонники противоположной позиции разделились на две группы. Первая считает, что освидетельствование является принудительным следственным действием при любых обстоятельствах, вторая – разграничивает возможность применения принуждения в зависимости от процессуального положения лица.

Ответ по данной проблеме дал Конституционный Суд Российской Федерации, который в определении от 16 декабря 2004 г. № 448-О указал, что право не свидетельствовать против самого себя не исключает возможности проведения – независимо от того, согласен на это подозреваемый или обвиняемый либо нет различных процессуальных действий с его участием в целях получения доказательств по уголовному делу².

Мы считаем, поскольку в ходе проверки сообщения о преступлении лицо не обладает еще процессуальным статусом подозреваемого (обвиняемого), проводить принудительное освидетельствование, на наш взгляд, недопустимо, поскольку его проведение нарушает не только конституционные права, но и принцип уголовного судопроизводства – уважение чести и достоинства личности.

Исходя из анализа норм уголовно-процессуального законодательства, затрагивающих производство данного следственного действия, необходимо отметить, что вопрос производства освидетельствования до возбуждения уголовного дела требует особого внимания и дополнительного осмысления, поскольку, с одной стороны, производство освидетельствования необходимо для установления доказательств, свидетельствующих о связи лица с расследуемым событием и о наличии на его теле особых примет, следов преступления, имеющих значение для уголовного дела, а с другой, – любое следственное действие не должно нарушать прав и законных интересов лиц, в отношении которого оно производится.

---

¹ Апарин С. М., Будников В. Л. Привилегия от самоизобличения : лекция. Волгоград : Волгоград. юрид. ин-т МВД России, 2000. С. 10.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2004 г. № 448-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 46 и пункта 3 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

И. В. Шепелин¹,
*соискатель Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОТВОДА СУДЬИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Конституция Российской Федерации провозгласила, что правосудие в нашей стране осуществляется только судом (ч. 1 ст. 118), при этом судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону (ч. 1 ст. 120).

Право каждого на справедливый, гуманный и беспристрастный суд должно обеспечиваться при любом порядке судопроизводства. По этому поводу Конституционный Суд Российской Федерации, в частности, указал, что «... при невозможности сформировать объективную и беспристрастную коллегию присяжных заседателей не должно ограничиваться право граждан на рассмотрение их дела в разумный срок законным и справедливым судом, ... В таких случаях ... соответствующие уголовные дела подлежат рассмотрению судом в ином установленном законом составе, без участия присяжных заседателей (при условии, что назначение смертной казни не допускается)» (п. 5 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 г. № 8-П)².

Проблема независимости и беспристрастности суда напрямую связана с позицией и осознанием профессионального (или гражданского, когда речь идет о присяжных заседателях) долга самими судьями. Но, как справедливо отмечают Ю. В. Деришев и В. Е. Краснов, суд объективно находится под воздействием множества как внешних, так и внутренних факторов – от уровня общественного доверия к судьям до системы оценки работы конкретных судей и судов³.

---

¹ © Шепелин И. В., 2019.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 3 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р. Р. Зайнагутдинова, Р. В. Кудаева, Ф. Р. Файзулина, А. Д. Хасанова, А. И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Деришев Ю. В., Краснов В. Е. Отвод судьи как гарантия справедливого уголовного правосудия // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 4. – С. 85.

Любой судья в известной степени является заложником времени, в котором он живет; политической и экономической ситуации в стране; несовершенства законодательства, на основе которого следует принимать решения; ценностных установок и ориентиров, признанных в обществе, и в то же время откровенно сомнительных и опасных тенденций мировоззренческого плана, приводящих к криминогенной деформации отдельных его членов, а отчасти – и от не умолкающих дискуссий научного сообщества относительно современного состояния отечественного правосудия.

Выдающийся российский ученый А. Ф. Кони, описывая нравственную составляющую деятельности судьи, писал: «Есть, однако, много случаев и положений, ускользнувших от регламентации закона. Для них не могут быть установлены какие-либо обязательные нормы ... Здесь все основывается ... на нравственной чуткости судьи, его житейской опытности, на настойчивом душевном саморазвитии и на искреннем стремлении не только казаться, но и быть справедливым»¹.

Важнейшей гарантией справедливого и беспристрастного правосудия выступает институт отвода (самоотвода) судьи, зародившийся еще в далекой древности и прошедший долгий путь своего преобразования и законодательного воплощения.

Первым документом, содержащим стройные и понятные правоприменителю нормы об отводах участников процесса (прежде всего, наделенных судебскими полномочиями), было Соборное Уложение 1649 г.

Стороны имели право просить об отводе судей вследствие дружеских отношений или свойства с противоположной стороной, но в силу отсутствия исчерпывающего перечня оснований отвода оценка основательности проводилась царем или приказом по своему внутреннему убеждению².

Соборное Уложение содержало подробное описание оснований отвода: «А который судья истцу будет недруг, а ответчику друг или свой, и о том истец учинет бити челом государю до суда, то ему перед тем судьбою искати не мощно, таки будет и ответчик до суда же

---

¹ Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Спб. : Сенатская типография, 1902. С. 23.

² Ампенев С. С. Обстоятельства, исключющие участие в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. С. 33.

учнет бити челом, то обо судья друг или свой и ответати ему перед тем судьейю не мощно, и тех истца и ответчика тому судити, на которого будет тако челобитье, а судити их иному судии, кому государь укажет» (п. 3)¹.

Прошение (ходатайство, просьба, челобитье) об отводе местных судей подавалось в приказ, к которому был приписан данный судья, а ходатайство об отводе судей, заседавших в приказах, подавалось в челобитный приказ и рассматривалось непосредственно царем, решение которого было окончательным.

Царь Алексей Михайлович издал именной Указ от 4 января 1663 г. за № 331 «О несуждении воеводам и приказным людям для тех людей, от кого будет на них подозрение»². В дальнейшем подобный указ считал своим долгом издать каждый царь и великий князь всея Руси: именной Указ царя Федора Алексеевича от 12 августа 1681 г. № 885 «О небытии судьями в присутствии в то время, когда слушаются тяжбы их родственников»³; именной Указ императора Петра I от 25 октября 1723 г. №4338 «О небытии судьями при слушании и вершении дел их родственников»⁴ и в дополнение к нему Указ от 20 мая 1724 г. № 4506 с аналогичным названием⁵.

В целях предотвращения случаев «бесконечных» отводов, заявляемых с целью запутать дело или затянуть сроки судебной тяжбы, предусматривалась возможность прекращения процедур отвода: Указ князей Иоанна и Петра Алексеевичей от 23 февраля 1686 г. № 1166 «О судебных отсрочках для переноса дела из одного приказа в другой и о незачтении праздничных дней в срок»⁶ устанавливал, что «после рукоприкладства к отсроченным сказкам право отвода утрачивалось».

---

¹ Свод законов Московского государства, регулирующих различные области жизни // Соборное Уложение 1649 г. Выверено по изданию: М. Н. Тихомиров, П. П. Елифанов. М. : Изд. Моск. ун-та, 1961.

² Полное собрание законодательства Российской империи. Спб., 1883. Т. I. С. 575.

³ Полное собрание законодательства Российской империи. Спб., 1883. Т. II. С. 346.

⁴ Полное собрание законодательства Российской империи. Спб., 1830. Собрание I. Т. VII. С. 143.

⁵ Полное собрание законодательства Российской империи. Спб., 1830. Собрание I. Т. VII. С. 285.

⁶ Полное собрание законодательства Российской империи. Спб., 1830. Собрание I. Т. II. С. 741–742.

В советский период законодательные предписания об отводе судей сводились к установлению личной заинтересованности в определенном исходе дела и предыдущему участию в деле в качестве иного участника (например, судья в качестве следователя, прокурор в качестве эксперта и т. п.). Особым основанием для отвода судьи являлась невозможность рассмотрения дела в суде различной инстанции.

Институт отвода суда «является общепроцессуальным средством обеспечения нормального хода процесса, которому по логике не должны быть присущи отличительные черты в зависимости от вида процесса в силу общности как понятия правосудия, так и статуса судей»¹.

Формальные основания отвода судьи перечислены в ст. 61 УПК РФ, согласно которой судья не может участвовать в производстве по уголовному делу, если он: является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или свидетелем по данному уголовному делу; участвовал в качестве присяжного заседателя, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, помощника судьи, секретаря судебного заседания, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, дознавателя, следователя, прокурора в производстве по данному уголовному делу; является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному уголовному делу.

Судья не может участвовать в производстве по уголовному делу также в случаях, если имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе данного уголовного дела. При этом наличие информации о внепроцессуальном обращении, поступившем судье по уголовному делу, находящемуся в его производстве, само по себе не может рассматриваться в качестве основания для отвода судьи.

Несложный анализ обстоятельств, при которых может быть заявлен отвод судье, позволяет разграничить их на две подгруппы: а) объективные факторы (очевидные, не требующие доказывания и обоснования, а также не связанные с личными интересами судьи); б) субъективные факторы (определяемые судебской этикой, личностными нравственными установками судьи, призванные способствовать под-

---

¹ Шарипова А. Р. Отвод судьи: насколько оправданы межотраслевые различия? // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 4. – С. 81.

нятию и поддержанию авторитета судебной власти и укреплению доверия населения к российскому правосудию).

Субъективные обстоятельства в полной мере определяются нравственным убеждением судьи, поскольку закон не раскрывает содержания «иных обстоятельств», препятствующих его участию в деле (личные отношения с участниками (дружественные или неприязненные), высказанная ранее позиция по уголовному делу, предубежденность, неспособность объективно оценить обстоятельства дела; личные воспоминания о психотравмирующей ситуации, аналогичной отраженной в материалах уголовного дела, и т.п.).

Основанием для отвода судьи является также отмеченная в ст. 63 УПК РФ недопустимость повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела, являющаяся одним из факторов, обеспечивающих объективность при рассмотрении уголовного дела в судах различных инстанций.

Отвод судьи является вынужденным действием, ответом на наличие обстоятельств, вызывающих сомнение в объективности и беспристрастности суда, рассматривающего уголовное дело. Е. Т. Рыбинская по этому поводу указывает, что «у судьи еще до исполнения своей процессуальной обязанности сложилось мнение по существу уголовного дела или он прямо либо косвенно заинтересован в определенном результате разрешения дела»¹.

Принцип объективности и беспристрастности судей отмечен в качестве принципа профессионального поведения судьи в ст. 9 Кодекса судейской этики, утвержденного VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.²

Для констатации оснований для отвода в соответствие с требованиями правоприменительной практики, единства и технической завершенности правового регулирования ч. 2 ст. 61 УПК РФ следует изложить в следующей редакции: «2. Лица, указанные в части первой настоящей статьи, не могут участвовать в производстве по уголовному делу также в случаях, если имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что они лично, прямо или косвенно заинтересованы в исходе данного уголовного дела, а также в силу иных обстоя-

---

¹ Рыбинская Е. Т. Обстоятельства, исключаящие участие судьи в уголовном судопроизводстве, как основание вынесения законного приговора // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 2. – С. 78.

² Бюллетень актов по судебной системе. – 2013. – № 2.

тельств не способны осуществлять производство по уголовному делу объективно и беспристрастно».

Правовая основа отвода судьи в случае реализации приведенного законодательного нововведения предстанет в более корректном и приемлемом для правоприменительной деятельности изложении.

*А. А. Шишков¹,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

ИНСТИТУТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

В далеком 1922 г. в беседе с народным комиссаром по просвещению А. В. Луначарским В. И. Ленин сказал, что важнейшим из искусств является кино². Возможно, он был прав. За прошедшее почти столетие влияние продукции кинематографа на, только усилилось. Огромное влияние кинопродукция оказывает на воспитание подрастающего поколения. Определенная часть такой продукции, а в последние десятилетия, возможно, и значительная – посвящена криминальному жанру. Население узнает о правилах раскрытия и расследования преступлений из сериалов, где главные герои оперативные сотрудники уголовного розыска и следователи устанавливают обстоятельства совершенного преступления, изобличая подозреваемого, обвиняемого.

В последние годы в отечественном кинематографе стал популярным детективно-фантастический жанр «путешествие во времени», когда сотрудник милиции-полиции, перемещаясь в прошлое или будущее, раскрывает и расследует преступления, пытается понять особенности законодательства и правоприменительной практики эпохи, в которой он оказался. Например, сериал «Обратная сторона Луны», где герой фильма старший лейтенант полиции Михаил Соловьев переместился во времени и оказался в 1979 г.

Мысленно представим ситуацию, что следователь советского периода времени, например, из того же 1979 г., путешествуя во времени, оказался в современной России и, расследуя уголовное дело, принимает решение о привлечении лица в качестве обвиняемого.

---

¹ © Шишков А. А., 2019.

² Болтянский Г. Ленин и кино. М.-Л., 1925. С. 16–19.

Действующий порядок привлечения лица в качестве обвиняемого в отличие от советского периода времени предусматривает три процессуальные формы. Первая форма преимущественно применяется при производстве предварительного следствия. Вторая и третья применяются при производстве дознания в обычной или сокращенной формах.

И так после вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого наш герой, продолжая расследовать уголовное дело, обнаруживает новые эпизоды преступной деятельности обвиняемого, в связи с чем применяет положения ст. 175 УПК РФ и выносит новое постановление о привлечении в качестве обвиняемого и предъявляет обвинение по всем выявленным преступлениям. В дальнейшем суд первой инстанции вернул уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом. В своем решении суд указал, что в материалах уголовного дела отсутствуют постановления о возбуждении уголовных дел по дополнительно выявленным преступлениям, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, поскольку связано с несоблюдением процедуры судопроизводства и нарушением права на защиту.

Удивленный решением суда следователь анализирует нормы действующего уголовно-процессуального закона и УПК РСФСР, положениями которого он руководствовался в 1979 г., дополняя и изменяя обвинение в связи с выявленными новыми преступлениями, пытаясь понять, в чем конкретно выразилось несоблюдение процедуры судопроизводства и какое право на защиту нарушено.

Сопоставляя положения ст. 175 УПК РФ и ст. 154 УПК РСФСР приходит к выводу об отсутствии принципиальных отличий. И там, и там следователь выносит новое постановление о привлечении в качестве обвиняемого, если *возникли* (УПК РСФСР) или *появились* (УПК РФ) основания для изменения предъявленного обвинения, то есть при наличии достаточных доказательств, свидетельствующих о совершении обвиняемым новых преступлений. Именно таким путем формировался окончательный объем обвинения, что не вызывало возражений у надзирающего прокурора, а также суда.

Например, определением Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР разъяснялось, что «если в период предварительного расследования будет установлено, что лицо, в отношении которого возбуждено дело, совершило еще несколько преступлений, в том числе при

участии других лиц, вынесения постановления о возбуждении уголовного дела по каждому преступлению и в отношении соучастников не требуется», поскольку ст.ст. 129, 112 УПК РСФСР «не предусматривают обязанности органов следствия и дознания выносить каждый раз новое постановление о возбуждении уголовного дела в случаях, когда будет установлено совершение других преступлений лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело, или соучастником, в отношении которого дело не возбуждалось. В подобных случаях этим лицам может быть предъявлено обвинение и без вынесения дополнительного постановления о возбуждении уголовного дела»¹.

Далее, анализируя общие положения уголовно-процессуальных законов, наш герой обнаруживает противоречие между нормами закона и правоприменительной практикой. УПК РСФСР прямо предписывал в каждом случае обнаружения признаков преступления возбуждать уголовное дело (ст. 3). Но при этом правоприменительная практика показывала о противоположном. В действующем УПК законодатель отказался от положения, обязывающего в каждом случае обнаружения признаков преступления возбуждать уголовное дело. Редакция ст. 21 УПК РФ обязывает принимать меры по установлению события преступления, изобличению лица, виновного в совершении преступления, что, на наш взгляд, позволяет говорить о вариативности решений должностных лиц в случае обнаружения признаков преступления, в том числе в стадии предварительного расследования. Однако правоприменительная практика зачастую идет по более сложному пути.

Во-первых, следователь при обнаружении нового преступления выделяет материалы уголовного дела в отдельное производство, т. е. применяет положения ст. 155 УПК РФ.

Во-вторых, по выделенным материалам принимается решение в порядке ст.ст. 144 и 145 УПК РФ, т. е. о возбуждении уголовного дела (что чаще всего) или об его отказе.

В-третьих, выносится постановление о принятии уголовного дела в производство (если уголовное дело возбуждалось иным должностным лицом).

---

¹ См.: Сборник постановлений Пленума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1974–1979 / под ред. А. К. Орлова. М., 1981. С. 328–329.

В-четвертых, по новому уголовному делу выносится постановление о привлечении в качестве обвиняемого и предъявляется обвинение с последующим допросом.

В-пятых, принимается решение руководителем следственного органа о соединении уголовных дел, поскольку есть достаточные основания полагать о совершении одним лицом нескольких преступлений.

Наконец, необходимо вынести новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого по всем преступлениям, по которым были возбуждены уголовные дела, и по сути повторно предъявить обвинение, которое уже предъявлялось в рамках самостоятельных уголовных дел.

Во многом сложившаяся практика изменения обвинения основывается на правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, пояснили нашему герою-следователю, путешествующему во времени. Поэтому прямого объяснения непосредственно в нормах УПК РФ можно не всегда найти.

В своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что УПК РФ не содержит норм, позволяющих привлекать лицо к уголовной ответственности в связи с совершением им преступления, по признаком которого уголовное дело не возбуждалось. Напротив, УПК РФ предполагает необходимость соблюдения общих требований его ст.ст. 140, 146, 151 и 153, в силу которых при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, должно быть вынесено постановление о возбуждении уголовного дела, которое, если имеются другие уголовные дела о совершенных тем же лицом преступлениях, может быть соединено с ними в одном производстве. Установление же того, являются ли инкриминируемые лицу действия составной частью преступления, по поводу которого было возбуждено уголовное дело, или они образуют самостоятельное преступление, о котором должно быть возбуждено новое уголовное дело, относится к компетенции правоприменительных органов¹.

Таким образом, из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации следует как минимум два вывода. Во-первых, он ссылается на общие требования о возбуждении уголовного дела и

---

¹ См., напр.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2014 года № 61-О ; от 20 марта 2014 г. № 639-О ; от 23 декабря 2014 г. № 3008-О ; 24 марта 2015 г. № 450-О и др.

соединение уголовных дел, которые не претерпели принципиальных отличий от советского уголовно-процессуального закона. УПК РСФСР также содержал императивные нормы о возбуждении уголовного дела при наличии повода и основания. Во-вторых, и это главное, Конституционный Суд Российской Федерации пояснил, что возбуждать новое уголовное дело или нет относится к компетенции правоприменительных органов, которые должны оценить, является ли обнаруженное в ходе расследования преступление составной частью преступления, по поводу которого уже возбуждено уголовное дело, или это самостоятельное преступление. Таким образом, следователю при выборе варианта изменения обвинения необходимо выяснить, что такое «составная часть» преступления и самостоятельное преступление.

УПК РФ не дает прямого пояснения, хотя словосочетание «составная часть» употребляется два раза (в ч. 3 ст. 1 применительно к уголовно-процессуальному законодательству и в ч. 3 ст. 204 применительно к заключению эксперта). А относительно понятия «самостоятельное преступление» вообще умалчивает.

Учитывая, что эти понятия носят оценочный характер, практика судов общей юрисдикции складывается по-разному. Например, постановлением Перовского районного суда г. Москвы от 18 мая 2018 г. уголовное дело в отношении БВН возвращено Перовскому межрайонному прокурору г. Москвы в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом. Суд посчитал, что в материалах уголовного дела отсутствуют постановления о возбуждении уголовных дел по трем дополнительно вменным обвиняемому преступлениям. Уголовное дело следователь возбудил по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ и предъявил обвинение в совершении преступления, а именно: в покушении на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере, то есть в совершении умышленных действий, непосредственно направленных на незаконный сбыт наркотических средств, в крупном размере. Спустя месяц, были выявлены еще три преступления и предъявлено новое обвинение в соответствии с положениями ст.ст. 171, 172 и 175 УПК РФ по п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Таким образом, лицо обвинялось уже в четырех преступлениях, совершенных в разные периоды времени.

Вышестоящая судебная инстанция, т. е. Московский городской суд, рассматривая апелляционное представление прокурора, отменил решение суда первой инстанции, указав, что у органов следствия не имелось основания для вынесения дополнительных постановлений о возбуждении уголовных дел, поскольку процедура изменения и дополнения обвинения прямо предусмотрена положениями ст. 175 УПК РФ¹.

Как представляется, выводы Перовского районного суда и других судов, принимавших схожие решения о том, что органами следствия не возбуждались уголовные дела о дополнительно выявленных преступлениях, являются существенным нарушением уголовно-процессуального закона, поскольку связаны с несоблюдением процедуры судопроизводства и нарушением права БВН на защиту, основаны на анализе только части норм уголовно-процессуального закона. Сторонники такой точки зрения в своих рассуждениях не учитывают условия возбуждения нового уголовного дела в ходе предварительного расследования.

Российский законодатель специально оговаривает варианты решений следователя и дознавателя в случаях обнаружения в ходе расследования нового преступления или нового лица, совершившего преступление. Решение о возбуждении нового уголовного дела увязывается с принятием решения о его выделении из основного уголовного дела. При этом главным и единственным критерием возбуждения нового уголовного дела с последующим его выделением выступает отсутствие связи с основным уголовным делом. Такой вывод следует из анализа положений п. 3 ч. 1 и ч. 3 ст. 154 УПК РФ. Во всех иных случаях, когда связь основного уголовного дела и выделяемого установлена, закон при наличии оснований обязывает следователя и дознавателя выносить лишь постановление о выделении уголовного дела.

Аналогичный вывод следует из положений ч. 1 ст. 155 УПК РФ, определяющих деятельность следователя, дознавателя в случаях обнаружения признаков преступления в действиях иных лиц. Выделение в отдельное производство материалов уголовного дела с целью последующего принятия по ним решения о возбуждении дела либо об его отказе допустимо при условии отсутствия у следователя, дознава-

---

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 16 июля 2018 г. по делу № 10-12190/2018.

теля доказательств о связи расследуемого преступления с вновь выявленным.

Таким образом, нормы УПК РФ прямо указывают, в каких случаях можно принимать решение о возбуждении нового уголовного дела о преступлении, обнаруженного в ходе предварительного расследования. Во-первых, должно быть установлено новое лицо или новое преступление. Во-вторых, отсутствие связи выявленного преступления с расследуемым уголовным делом.

Возникает вопрос о том, как на практике определить, связаны ли между собой преступные деяния и лица, их совершившие. Некоторые авторы в свое время предлагали ориентироваться на пространственно-временные признаки тех событий, которые описаны в постановлении о возбуждении основного уголовного дела. А также учитывать общность родового объекта посягательства, круг пострадавших, настаивающих на отдельном рассмотрении их заявлений о совершении преступлений¹.

Если при установлении связи принимать во внимание исключительно указанные признаки, то в случаях обнаружения в ходе расследования новых преступлений, посягающих на иную группу общественных отношений, совершенных в иной промежуток времени, хотя и одним лицом влечет безусловное возбуждение нового уголовного дела. Однако с данным выводом трудно согласиться. Среди обязательных признаков, свидетельствующих о связи преступных событий, нужно обязательно учитывать субъект преступления.

Положения уголовно-процессуального закона Российской Федерации содержат формулировки, которые позволяют по-разному решать вопрос в случаях обнаружения признаков преступления в ходе расследования уголовного дела. Использование законодателем оценочных понятий, в число которых можно включить «не связанного с деяниями», «не связанного с расследуемым преступлением», всегда будут приводить к принятию судебными инстанциями взаимоисключающих решений, а значит, вызывать дискуссию в теории уголовного процесса.

Поэтому, как нам представляется, принципиальным решением указанной проблемы было бы изменение отношения к ключевым по-

---

¹ Калиновский К. Б. Всегда ли следует возбуждать уголовное дело при обнаружении нового преступления или нового лица? // Российский следователь. – 2009. – № 6.

нениям, открывающим путь обвинительной деятельности, разрешающим осуществлять процессуальные действия органам предварительного расследования.

Российский законодатель уже сделал несколько шагов в этом направлении, отказавшись от обязанности в каждом случае обнаружения признаков преступления возбуждать уголовное дело и создавший механизм уведомления о подозрении в совершении преступления. Далее, развивая это направление, было бы оправданно при регулировании определенной группы отношений отказаться от понятия «уголовное дело». В частности, внести изменения в ряд норм, содержащихся в разделе VII УПК РФ. Учитывая, что понятие «уголовное преследование» удачно вписалось в уголовно-процессуальную материю современных законов, считаем его оптимальной альтернативой понятию «возбуждение уголовного дела»¹. Таким образом, если уголовное преследование при наличии повода и основания возбуждено, то в ходе этой деятельности нет необходимости вновь принимать решение о начале процессуальной деятельности в случаях обнаружения новых преступлений и лиц, их совершивших. Следующим шагом нужно отказаться от возбуждения уголовного преследования конкретного лица. В решении о начале уголовного преследования описывать только событие преступления, возможно, отказавшись от точной квалификации деяния, по примеру некоторых государств². При этом реализовать право лица знать, в чем оно подозревается, можно уже апробированным механизмом уведомления о подозрении в совершении преступления. Окончательную квалификацию действий (бездействия) лица производить на этапе окончания расследования.

Прислушается ли законодатель к изложенным рекомендациям, покажет время, о котором наверняка снимут фильм и там будут свои герои.

---

¹ Подтверждением сказанному следует считать позицию законодателя о внесении дополнений в УПК РФ Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ. В частности, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования обязывает последних разрешить вопрос об уголовном преследовании, а не возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 140 УПК РФ).

² Например, Уголовно-процессуальный закон Латвии обязывает должностных лиц при возбуждении уголовного процесса расследуемое действие квалифицировать только «по принадлежности к объекту группы преступных действий» (ст. 398).

В. В. Шишов¹,

*адъюнкт Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

ОСОБЕННОСТИ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

В соответствии с ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ уголовное дело (уголовное преследование) по основаниям, предусмотренным ст. 25.1 УПК РФ, прекращается на основании постановления следователя (дознателя) о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Важными этапами окончания предварительного расследования являются уведомление потерпевшего, его представителя, а также подозреваемого (обвиняемого) и его защитника об окончании следственных действий, их ознакомление с материалами уголовного дела. Однако указанные этапы не предусмотрены главой 51.1 УПК РФ.

Как представляется, наиболее эффективный подход в части уведомления участников уголовного судопроизводства об окончании предварительного расследования законодатель отразил в ч. 1 ст. 215 УПК РФ при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением. Аналогичные нормы встречаются и в других нормах, например, в ч. 3 ст. 439 «Окончание предварительного следствия» при производстве о применении принудительных мер медицинского характера.

Ознакомлению подозреваемого (обвиняемого) и его защитника с материалами уголовного дела предшествуют систематизация и надлежащее оформление материалов уголовного дела. УПК РФ не содержит каких-либо требований к систематизации материалов уголовного дела, однако, как представляется, материалы уголовного дела должны быть логически последовательны, создав благоприятные условия для их изучения. Аналогичной позиции придерживаются С. Б. Россинский и А. П. Шумская, справедливо отмечая, что «систематизация материалов уголовного дела обусловлена свободой выбора следователя и зависит от индивидуальных объективных и субъективных факторов: от видов преступления, от объема и характера матери-

---

¹ © Шишов В. В., 2019.

алов дела и, наконец, от вкусовых приоритетов того или иного следователя»¹.

Этап ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела позволяет определить правильность отражения в ходе предварительного расследования фактических обстоятельств уголовного дела, обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность, заявить ходатайства о производстве дополнительных следственных действий. На этой же стадии участники уголовного судопроизводства могут удостовериться о наличии материалов, обосновывающих возможное решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с назначением меры уголовно-правового характера.

Представляется, что, введя институт судебного штрафа, законодатель косвенно обошел интересы потерпевших по уголовному делу. В качестве подтверждения этому могут служить обстоятельства, в силу которых судебное заседание по рассмотрению ходатайства о прекращении уголовного дела проводится в отсутствие потерпевшего, обязательно лишь участие лица, в отношении которого вынесено постановление о прекращении уголовного дела (преследования). Полагаем, что такое не допустимо. Потерпевшая сторона должна быть уведомлена об окончании следственных действий и ей необходимо представить возможность ознакомления с материалами уголовного дела. Не случайно О. В. Химичева заметила, что «любое упрощение и ускорение процессуальной формы должно сопровождаться усилением гарантий прав участников уголовного судопроизводства»².

Не менее важным этапом окончания предварительного расследования является этап составления постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, поскольку, исходя из грамотности, последовательности и точности изложения сведений, содержащихся в материалах уголовного дела, судья вынесет постановление об удовлетворении либо отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела. Не случайно П. А. Лупинская отмечала важность

---

¹ Россинский С. Б., Шумская А. П. О практике ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела (в порядке ст.ст. 216–218 УПК РФ) // Вестник ВСИ МВД России. – 2018. – № 1. – С. 72–81.

² Химичева О. В. О совершенствовании правовой регламентации дознания в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 2. – С. 9.

принимаемых решений в ходе производства по уголовному делу, отмечая, что оно содержит в себе «государственно-властное веление, выраженное в определенной форме и направлено на индивидуальное регулирование общественных отношений»¹.

Стоит отметить, что законодатель не определил конкретную форму и содержание постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, что вызывает ряд вопросов. Однако, по мнению Э. Н. Алимамедова, «отказ от «жестких рамок», предъявляемых к разграничению содержания обвинительного заключения... является вполне обоснованным; следователю дается возможность творческой вариативности ... строить обвинительное заключение»². Такая позиция представляется вполне обоснованно, поскольку следователь (дознатель) смогут логически изложить обстоятельства совершенного преступления, доказательства, на которые ссылаются сторона обвинения, сопоставив их с доказательствами защиты, не ограничиваясь установленными законом границами.

Статьей 213 УПК РФ все же установлено, какие сведения подлежат отражению в постановлении о прекращении уголовного дела, однако, исходя из проведенного нами анализа, можно сделать вывод, что наиболее приемлемой формой рассматриваемого постановления является форма обвинительного заключения в порядке ст. 220 УПК РФ с учетом особенностей положений главы 51.1 УПК РФ (в части согласования постановления руководителем следственного органа или прокурором).

Рассматривая вопросы направления постановления вместе с материалами уголовного дела для согласования руководителю следственного органа (при производстве предварительного следствия) и прокурору (при производстве дознания), стоит отметить, что данная процедура не должна носить формальный характер и, как представляется, во избежание возникновения конфликтных ситуаций указанные материалы уголовного дела и постановление должны быть направлены с сопроводительным письмом. При направлении уголовного дела в прокуратуру следует учесть обязательную регистрацию и постановку

---

¹ Лупинская П. А. Решение в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М. : Юрист, 2006. С. 23.

² Алимамедов Э. Н. Деятельность следователя на этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 110–111.

входящего номера на сопроводительном письме. При таких обстоятельствах маловероятен факт утраты поступившего уголовного дела. В случае направления уголовного дела и постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела (преследования) следователем руководителю следственного органа следует также подготовить сопроводительное письмо с фиксацией отметки о его получении для изучения либо зафиксировать факт передачи в журнале учета уголовных дел. На практике чаще реализуется последний из предложенных вариантов.

После утверждения постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа следует этап вручения обвиняемому (подозреваемому), потерпевшему и гражданскому истцу копии утвержденного руководителем следственного органа (прокурором) постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Законодатель ч. 3 ст. 446.2 УПК РФ предусмотрел субъектов направления копии постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела (преследования) – следователь, дознаватель. Как представляется, такая позиция является верной, поскольку именно следователь (дознаватель) будет поддерживать ходатайство в суде.

Кроме того, стоит обратить внимание на следующие аспекты. Так, законодатель некорректно отразил процедуру «направления» постановления. Думается, что речь идет о почтовом либо нарочном направлении постановления, однако, как представляется, верным является указание о «вручении» копии постановления, что не влечет двусмысленности выражения. Такая конструкция предусмотрена ч. 2 ст. 222 УПК РФ при окончании предварительного следствия, ч. 3 ст. 226 УПК РФ при окончании дознания, ч. 3 ст. 226.8 УПК РФ при окончании дознания в сокращенной форме, ч. 6 ст. 439 УПК РФ при производстве о применении принудительных мер медицинского характера.

Таким образом, проведенный нами анализ порядка окончания предварительного расследования при прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа показал, что независимо от формы окончания предварительного расследования права и законные интересы участников уголовного судопроизводства должны обеспечиваться в полном объеме.

Сборник научных трудов III ежегодной Всероссийской
научно-практической конференции
1 ноября 2018 г.

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

Научное электронное издание

Корректор *Титова В. П.*
Компьютерная верстка *Татариновой О. А.*
13,48 усл.-печ. л.

Систем. требования: CPU 1,5 Гц; RAM 512 Мб; Windows XP SP3;
1 Гб свободного места на жестком диске.
Подписано к изданию 17.04.2019 г.

ISBN 978-5-9694-0738-1

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12